

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ СТРАН АЗИИ И ЕВРОПЫ**

На правах рукописи

КАРИМОВА ШОХОНА ТОЛИБОВНА

**ТАДЖИКСКО-АРАБСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ В
ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ ТАДЖИКИСТАНА (1991-2021гг.)**

Специальность: 10.01.08 – Теория литературы. Текстология

**Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Гафарова Умеда
Абдуллоевна**

Душанбе - 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. История становления и развития таджикско-арабских литературных взаимосвязей в исследованиях современных таджикских арабистов	18
1.1. Таджикско-арабские литературные взаимосвязи в древние века и их отражение в современной арабистике	18
1.2. Исследование средневековых таджикско-арабских литературных взаимосвязей в таджикском литературоведении	29
1.3. Таджикско-арабские литературные взаимосвязи в советский период.....	46
1.3.1. Вклад Таджиддина Мардони в исследование таджикско-арабских литературных взаимосвязей советского периода.....	49
1.3.2. О книге «Народы Востока в произведениях Садриддина Айни»	50
1.3.3. Роль Мирзо Турсунзаде в укреплении таджикско-арабских литературных связей.....	56
1.3.4. Арабский перевод книги «Дочь огня»	64
Выводы первой главы	66
Глава II. Развитие таджикско-арабских литературных и культурных взаимосвязей в период независимости Таджикистана	69
2.1. Тема арабского сопротивления в таджикской поэзии	69
2.2. Особенности адекватного перевода научной и религиозной литературы (с таджикского на арабский и с арабского на таджикский)	88
2.3. Исследование таджикской литературы в арабских странах	101
Выводы второй главы	110
Глава III. Художественный перевод как форма таджикско-арабских литературных связей	112
3.1. Роль переводчиков в развитии таджикско-арабских литературных взаимосвязей.....	112
3.1.1. Вклад Назрулло Назара в развитии художественного перевода.....	114
3.2. Поэтика переводов таджикской поэзии на арабский язык	118
3.3. Особенности переводов произведений арабских поэтов на таджикский язык	145
3.4. Художественный перевод арабской прозы на таджикский язык	157
Выводы третьей главы	168
Заключение	170
Библиография	176

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Диалог культур Аравии и Аджамы имеет многовековую историю. Известно, что межкультурные взаимосвязи этих цивилизаций берут свое начало со времен Ахеменидов, и получили широкое развитие в период правления Сасанидов. Одним из факторов усиления взаимосвязей этих народов в средние века является распространение ислама, а также установление правления династий Аббасидов и Омейядов, создавших благоприятные условия для их активизации, благодаря чему в этот период в Арабском халифате получил развитие поэтический билингвизм, яркими представителями которого явились – Язид ибн Муфарриг, Асвад ибн Абукарима и др., создавшие поэтические сочинения как на арабском, так и на персидско-таджикском языке. Вместе с тем, среди арабоязычных поэтов персидского происхождения были и литераторы, которые писали свои произведения исключительно на арабском языке, а персидский язык в качестве языка поэзии использовали крайне редко. К представителям этой плеяды стихотворцев можно отнести Исмаила ибн Ясара, Хусейна Мансура Халладжа, Мусы Шахавата, Башшара ибн Бурда и др. Этот феномен обусловлен, прежде всего, более престижным статусом арабского языка во многих областях науки и культуры народов Ирана и Средней Азии того времени. Лишь после X века поэты стали создавать свои произведения на персидском языке, однако длительный период присутствия арабского языка в качестве «господствующего» смог оказать сильное влияние на художественные воззрения многих персидско-таджикских поэтов-классиков [70, 21-24]. В частности, влияние арабской литературы прослеживается в поэзии Абу Абдуллаха Рудаки, Абу Али ибн Сины, Омара Хайяма, Насира Хусрава, Хакима Санои, Фариддадина Атгара, Мас'уда Саада Салмана, Мавляна Джалалиддина Руми, Саади Ширази, Хафиза Ширази, Камала Худжанди, Абдурахмана Джами и др., о чем свидетельствует присутствие в

художественном наследии некоторых из названных поэтов стихотворений, написанных в жанре муламма', аллюзий на коранические аяты, хадисы, а также арабские заимствования. Яркий след в истории арабо-исламской цивилизации оставили и Мухаммад Джарир ат-Табари, Абу Абдуллах Мухаммад ибн Исмаил аль-Бухари, Асакир ад-дин Абу-ль-Хусейн Муслим Хаджадж ан-Найсабури (Имам Муслим), Абу Иса Мухаммад ибн Иса ат-Тирмизи, Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммад аль-Истахри, Абу Яхья Закарийа ибн Мухаммад аль-Казвини, Абу Бишр Амр ибн Усман аль-Басри (Сибавейхи), Абуль Касим Махмуд ибн Умар аз-Замахшари, Баязид Тайфур Ибн Иса Бастами (Баязид Бастами), признанные основоположниками таких областей науки и религии как история, география, грамматика, коранические комментарии, мистицизм, теология и др.

Таджикско-арабские литературные связи продолжали развиваться и в советские времена, в чем неocenим вклад известных таджикских поэтов и писателей этого периода – Садриддина Айни, Мирзо Турсунзаде и Джалола Икрами, благодаря активной социальной позиции которых не только арабские страны, но и весь мир узнал о высокой культуре и науке таджиков. Произведения этих художников слова были переведены на многие языки, в частности на арабский язык, и изданы во многих странах мира. Несмотря на то, что зарубежный читатель еще с давних времен был знаком с художественным наследием персоязычных писателей и поэтов, именно художественные произведения этих крупных деятелей культуры смогли представить всему миру таджикский народ, его литературу и культуру.

Примечательно, что таджикско-арабские взаимосвязи с обретением Таджикистаном независимости стали укрепляться, о чем свидетельствует перевод произведений арабских поэтов и писателей – Суада ас-Сабаха, Низара Каббани, Халида ал-Фейсала, Абдулазиза ал-Макалеха, на таджикский язык известным арабистом Назрулло Назаром и поэтами Гулназаром Келди, Кутби Киromом, Низомом Касымом и другими. Также арабскому читателю был представлен сборник стихов современных

таджикских поэтов – Мумина Каноата, Лоика Шерали, Гулназара Келди, Гулрухсор Сафиевой, Аскара Хакима, Фарзоны, Низома Касыма, Доро Наджата, Камола Насрулло и др. в переводе Назрулло Назара, который был издан в Египте. В этой связи можно назвать десятки других книг, переведенных с арабского на таджикский и с таджикского на арабский язык, изданных в период независимости Таджикистана, о которых более подробно речь пойдет во второй и третьей главе данной диссертационной работы.

Следует отметить, что наряду с переводом укрепление литературных взаимосвязей способствовало и проведение Дней арабской культуры в Таджикистане (Дни культуры Королевства Саудовской Аравии в Таджикистане состоялись с 3 по 9 мая 2018 года, Дни культуры Кувейта в Таджикистане прошли 15 – 19 октября 2019 года), а также Дней таджикской культуры в арабских странах (Дни культуры Таджикистана в Кувейте прошли 2-6 апреля 2015 года и с 24 по 28 марта 2016 года, а также, Дни таджикской культуры в Катаре состоялись с 22 по 28 ноября 2018 г.). Диалоги и взаимовлияние арабских и таджикских поэтов и писателей, усиление внимания арабских ученых к изучению таджикской литературы и исследование арабской литературы таджикскими учеными создали благоприятные условия для повышения уровня литературных и культурных связей Таджикистана с арабскими странами.

В действительности, в период Независимости Таджикистана история развития таджикского народа, межкультурные взаимосвязи и взаимоотношения с другими странами, в том числе, с арабским Востоком, вышли на качественно новый уровень, о чем свидетельствует ряд важных для страны политических и общественных событий, к которым можно отнести открытие посольств крупных арабских стран, таких как Саудовская Аравия, Катар, Объединённые Арабские Эмираты и Палестина в столице Таджикистана – Душанбе, и с другой стороны посольств Республики Таджикистан в Саудовской Аравии, Катаре, Кувейте, в Объединённых

Арабских Эмиратах и Египте, сыгравших конструктивную роль в интенсификации этих отношений.

Именно необходимость изучения таджикско-арабских литературных взаимосвязей в период независимости Таджикистана обусловила выбор научной темы и проведение исследования в плане определения факторов и предпосылок развития межнационального литературного и культурного сотрудничества таджикского и арабского народов в период независимости Таджикистана.

Степень разработанности научной проблемы. Изучение и обобщение историко-литературных и научно-критических источников показывает, что вопросам развития таджикско-арабских литературных взаимосвязей посвящен ряд значимых работ, в которых исследуемая нами проблема в той или иной степени находит свое отражение. В этой связи следует отметить произведения великих мыслителей прошедших столетий - «Ятимат-ад-Дахр» («Несравненная жемчужина века») Абу Мансура ас-Са'алиби[233], «Китаб аль-Агани» («Книга песен») Абульфараджа Исфакхани[225], «Фи-т-тафзил байн-аль-балогати-л-араб ва-л-аджам» («О превосходстве арабской и персидской риторики») Абу Хилала аль-Аскари, «Му'джаму-л-удабо» («Перечень литераторов») Якут аль-Хамави [244], - «аль-Фехрист» («Каталог») Ибн Надима [227], «аль-Адабу ас-сагир ва-л-адабу аль-кабир» («Малая книга жизненных правил и Большая книга жизненных правил») Ибн аль-Мукаффа'[218], «Китаб-уш-ши'р ва ш-шуара» («Книга о поэзии и поэтах») Ибн Кутейбы, «аль-Икд аль-фарид» («Уникальное ожерелье») Ибн Абд Раббихи [219] и др., из которых можно почерпнуть важные сведения по таджикско-арабским литературным связям.

В этом русле проведены исследования западных ученых – Рейнольда Никольсона [161], Эдуарда Брауна [160], Яна Рипки [104], в работах которых содержатся заслуживающие внимания научные положения относительно влияния исламских канонов на художественно-этические воззрения персидских мистиков.

Среди российских исследователей по вопросам взаимовлияния арабской и персидско-таджикской литературы, в частности влияния творчества арабских литераторов доисламского периода на произведения персидско-таджикских поэтов посвящены работы таких ученых как И.Ю. Крачковский [61], В.В. Бартольд [13], Е.Э.Бертельс [16] и др.

К числу значимых трудов, посвященных исследованию таджикско-персидских и арабских литературных взаимосвязей, относятся и научные изыскания арабских ученых, в частности трактат Хусейна Али Махфуза «аль-Мутанабби и Саади» [154], в котором рассматриваются взаимосвязь и общность поэтических сочинений этих двух великих мастеров поэтического слога. Сравнительному изучению поэтического наследия Мутанабби и поэтов периода Газневидов, посвящен труд Али аш-Шабби - «ал-Адабу-л-фарси фи асри-л-Газневи» («Арабская литература эпохи Газневидов») [146]. Перу Аффафа принадлежит сравнительное изучение поэзии Фаррухи с творчеством поэта Аббасидского периода – Абу Нувасом ибн Хани [151]. Благодаря работам Насира Саййида Махмуда Хиджжи [158] поэзия Камала Худжанди была включена в область научного исследования арабского литературоведения. Ритм и структурная композиции поэмы Аскара Хакима – «Санги ман - алмос» («Мой камень – алмаз») стали предметом исследования другого арабского ученого - Хамди Абдулрази [135]. Вопросы литературных взаимосвязей арабских и персидских поэтов и писателей нашли отражение в работах видных арабских ученых – Риф'ата Хусейна, Асма Ахмада, Иса Али аль-Акуба, Халила Абдуазиза Мухаммада, Алтунджи, Виктора аль-Кика, Джалила Камалуддина и др.

В иранской словесности проблемам персидско-таджикских и арабских литературных взаимосвязей посвящены работы знаменитых ученых – Маликушшуаро Бахора – «Стилистика и история развития персидской прозы» [14], Забехулло Сафа - «История иранской литературы» [148], Абдуль-Хусейна Зарринкуба - «Два века безмолвия» [143], «Из истории культуры Ирана» [144], Баде'уззамона Фурузонфара - «Хадисы Масневи» [152], Махди

Мухаккика - «Анализ стихов Насира Хусрава. Коранические аяты, хадисы, словари и др.» [157], Озарнуша Озартоша «Арабо-персидские связи» [133], Одила Мухаммадризо - «Словарь арабских выражений в персидской поэзии» [149], Мухаммада Мухаммада - «Культура Ирана и ее влияние на исламскую и арабскую цивилизацию» [155], Абдулмун'има Мухаммада Нуриддина - «Влияние арабского языка и литературы на поэзию Манучехри» [150], Хусейна Факехи - «Изучение употребления арабских бейтов и фраз в персидских литературных текстах» [153]. В исследованиях ряда современных иранских ученых также содержатся заслуживающие внимания научные положения по вопросам персидско-таджикских и арабских литературных взаимосвязей, однако в них рассматриваются лишь некоторые аспекты развития межкультурного диалога в средневековый период. В частности, иранский ученый Сайид Мухаммадризо ибн Расул в своем труде «Влияние арабской культуры на персидские газели» [132] в ходе рассмотрения особенностей персидских газелей касается вопросов влияния арабской поэзии на персидскую газель, в частности использования арабских слов и выражений и аллюзий на коранические аяты и пророческих хадисов в поэзии персидско-таджикских поэтов – Саади, Хафиза, Хакани, Кашифи и других. В книге иранского ученого Мухаммада Джа'фара Яхаки, написанной в соавторстве с Шахбозом Мохсени – «Персидские слова в арабском языке и исследование их лингвистических, художественных и исторических особенностей» [159], подвергаются анализу персидские заимствования в арабском языке. В исследовании другого ученого Амира Му'мини «Ирано-арабские взаимодействия и их влияние на персидскую и арабскую литературу» [156] рассматриваются вопросы влияния персидской культуры на арабскую исламскую цивилизацию и факторы взаимовлияния этих народов после распространения ислама.

Некоторые аспекты литературных таджикско-арабских литературных связей рассмотрены в исследовании узбекского ученого Исматулла

Абдуллоева - «Арабская поэзия в Средней Азии и Хорасане в X и в начале XI веков» [1].

В таджикском литературоведении исследуемой проблеме уделили пристальное внимание такие известные таджикские ученые - арабисты как Таджиддин Мардони, Абдушукур Абдусаттор, Низомиддин Зохиди, Умеда Гафарова, Фахриддин Насриддинов, Умриддин Юсуфов внесшие заметный вклад в дело изучения персидско-таджикских и арабских литературных взаимосвязей.

В этой связи следует отметить исследования видного таджикского арабиста Т. Мардони – «Страницы из арабско-таджикских литературных взаимосвязей» [65] и «Арабско-таджикские литературные связи» [69], в которых содержатся статьи, посвященные средневековым литературным взаимосвязям таджикского и арабского народов, а также динамики развития этого литературного процесса в советский период и в новое время, в частности до 2010 года периода независимости Таджикистана.

Таджикский исследователь Шероз Разоков в своей диссертации «История становления и развития дипломатических отношений Республики Таджикистан с арабскими государствами Персидского залива (1991-2001 гг.)» [96] посвящает отдельную главу культурным связям Республики Таджикистан с арабскими странами в первые годы независимости страны (1991-2001), однако литературные связи этих стран не были в поле зрения исследователя.

Таким образом, изучение и обобщение научно-критической литературы по теме диссертации убеждают в том, что помимо упомянутых выше научных изысканий отечественных и зарубежных ученых в таджикском литературоведении по проблемам таджикско-арабских литературных взаимосвязей в период независимости Таджикистана (1991-2021 гг.) отсутствует специальное диссертационное исследование, позволяющее создать целостное представление о новых путях и формах

соприкосновения литератур. В этом и заключается актуальность исследуемой темы.

Цель исследования - многоаспектное изучение таджикско-арабских литературных взаимосвязей в последние тридцать лет периода независимости Республики Таджикистан (1991-2021 гг.).

Достижение намеченных целей обуславливает решение следующих **важных задач:**

- проанализировать динамику развития таджикско-арабских литературных взаимосвязей в современный период;
- определить роль мастеров художественного слова – С. Айни, М. Турсунзаде и Дж. Икрами в развитии таджикско - арабских литературных процессов советского периода;
- изучить вклад Назрулло Назара в укреплении таджикско-арабских литературных взаимосвязей;
- выявить художественные особенности переводов стихов современных таджикских поэтов на арабский язык, их поэтики и стиля;
- определить роль художественного перевода как формы литературных взаимосвязей;
- исследовать особенность перевода стихов современных арабских поэтов на таджикский язык;
- изучить факторы и предпосылки формирования таджикско-арабских литературных связей.
- выявить проблемы исследования таджикской литературы на арабском Востоке нового времени;
- уточнить роль таджикских арабистов и их вклада в исследование таджикско-арабских литературных взаимосвязей;
- оценить достижения таджиков и арабов в области межнациональных литературных отношений за последние 30 лет;

Объектом исследования являются научно - критические материалы по таджикско-арабским взаимосвязям, а также переводы с арабского на

таджикский и с таджикского на арабский язык, осуществленные таджикским переводчиком Н. Назаром и другими арабистами.

Предмет исследования - таджикско-арабские литературные связи в период независимости Таджикистана (1991-2021 гг.).

Научная новизна диссертационной работы. Настоящее диссертационное исследование представляет собой первую попытку более широкого и системного анализа проблем межнационального литературного сотрудничества таджикского и арабского народов в последние тридцать лет обретения независимости Республикой Таджикистан. Вместе с тем, в диссертации впервые подвергаются всестороннему анализу поэтические и текстологические вопросы исследования основных источников.

Научную новизну исследования характеризуют следующие результаты работы:

- определены факторы и предпосылки развития таджикско-арабских литературных и культурных взаимосвязей на современном этапе;
- исследованы особенности переводов стихотворений современных таджикских поэтов на арабский язык, а также своеобразие их поэтики и стиля изложения;
- изучены особенности переводов стихов современных арабских поэтов на таджикский язык;
- выявлены проблемы исследования таджикско-арабских литературных связей в таджикском литературоведении;
- определены вклад таджикских и арабских ученых в укрепление таджикско-арабских литературных связей;
- освещены основные вопросы исследования таджикской литературы на арабском Востоке в современный период;
- изучены особенности отражения темы арабских стран – Палестины, Сирии и Ирака в творчестве таджикских поэтов;
- рассмотрены проблемы перевода и издания книг таджикских литераторов на арабском Востоке;

- проанализированы особенности взаимовлияния таджикских и арабских поэтов;

Методологическая база исследования. Диссертационное исследование проведено в рамках вопросов компаративистики, теории литературы и текстологии, в ходе которой в зависимости от предмета исследования рассматриваются роль и посильный вклад современных таджикских арабистов в исследовании проблем данной области таджикского литературоведения и арабистики, в особенности проблем таджикско-арабских литературных взаимосвязей в новую эпоху.

Исследование проведено на основе научных положений и достижений отечественных и зарубежных ученых, таких как Ю.И.Крачковский, Е.Э.Бертельс, Фильштинский И., И.С.Брагинский, М.Бахор, А.Зарринкуб, А.Насриддинов, Т. Мардони, Н. Зохиди, А.Абдусаттор, У.Гафарова, Ф.Насриддинов, М. Муллоахмад, А. Сатторзода, У. Юсуфов, Н. Хамробоев и др.

Методы исследования - сравнительно-исторический, аналитико-описательный. В необходимых случаях использованы также методы контекстуального анализа художественного текста, а также приемы статистического подсчёта.

Теоретическая значимость исследования обоснована тем, что впервые в таджикском литературоведении и арабистике в центре исследования поставлены вопросы, связанные с научной интерпретацией таджикско-арабских литературных взаимосвязей на современном этапе и определен вклад таджикских арабистов в развитие этих процессов. Вместе с тем, большую теоретическую значимость представляет и многоаспектный анализ особенностей поэтики и текстологии художественного перевода поэзии современных таджикских поэтов на арабский язык и специфики перевода арабской поэзии на таджикский язык, а также исследование целого ряда произведений, переведенных с арабского на таджикский и с таджикского на арабский периода независимости Таджикистана.

Практическая значимость исследования. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в подготовке и проведении научно-исследовательских работ в русле таджикско-арабских взаимосвязей. Материалы проведенного исследования могут оказать практическую помощь в исследовании современной таджикско-персидской литературы, при разработке учебников и учебно-методических пособий, а также, в преподавании программных курсов «Теория литературы», «Текстология», «Анализ текста художественного произведения», «Поэтика», «Литературные связи» и т.д.

Источники исследования. Исследование таджикско-арабских литературных взаимосвязей в период обретения Таджикистаном независимости осуществлено на основе изучения и научного осмысления как научно-исторических, так и поэтических источников, в том числе: «Сахих-аль - Бухари» («Сборник достоверных хадисов аль - Бухари») [176], «Хатм-ал-авлийа» («Печать святых») [120] и «Навадиру-л-усул фи ма'рифати ахадиси-р-расул» («Редчайшие принципы познаний хадисов пророка») [119] Хакима Тирмизи, сборники стихов современных таджикских поэтов «Парокандабаргхо» («Рассыпанные листья»; «أوراق متفرقة») [241], «Гули рухсор ва гули назар» («Цветок ланит и цветок взгляда») [242], «Зи рахшанда кавокиб ёздах» («Блеск одиннадцати светил») [221] и «Рубайят» [201] Л. Шерали, Гулрухсора, Гулназара и А.Хакима в переводе на арабский язык, «Овози дард» («Голос боли») Низара Каббани [192], «Чоми ашк» («Йеменские зарисовки») Абдульазиза аль-Маколеха [181] и «Хаймаи кудсии сухан» («Шатер святого слова») Суада ас-Сабаха [182] в переводе на таджикский язык и т.д.

Основные положения, выносимые на защиту:

- Развитие таджикско-арабских литературных взаимосвязей в средневековый период восходит к древней истории персидско-таджикской литературы и обусловлено единством исторического и литературного процесса, прямыми и опосредованными контактами

- представителей культуры и литературы таджикского и арабского народов, формированием и развитием двуязычия в их литературном творчестве;
- В советский период отправной точкой интенсификации таджикско-арабских взаимосвязей стал выход на международную арену таджикской литературы; расширение сфер межлитературного сотрудничества; перевод прозы и поэзии лучших представителей современной таджикской литературы, в частности С. Айни, М. Турсунзаде и Дж. Икрами, на арабский язык, популяризация и широкое распространение в арабских странах таджикской переводческой литературы.
 - Активизация таджикско-арабских межлитературных связей стимулировала развитие критики и литературоведческих исследований в области таджикской арабистики, среди которых научно-критические труды видных таджикских ученых-арабистов Т. Мардони, Н.Зоҳиди, А.Абдусаттора, У.Гафаровой и др., представляют собой большую теоретическую и прикладную значимость с точки зрения охвата широкого круга проблем связанных с истоками, эволюцией и перспективами развития межкультурного диалога двух народов, определения концептуальных направлений их исследования;
 - Тема Палестины в творчестве таджикских поэтов стимулировано новым импульсом в развитии литературных взаимосвязей Таджикистана и Палестины в период обретения Таджикистаном независимости. Факторами развития литературного сотрудничества этих стран явились и трагическое восприятие темы палестинского сопротивления таджикскими литераторами и как следствие обращение поэтов к теме сопротивления Палестины и борьбы против угнетения и дискриминации в своем творчестве;
 - Художественный перевод произведений таджикских писателей и поэтов на арабский язык и арабских литераторов и ученых на

таджикский язык, в качестве определяющего факторов взаимопроникновения и взаимовлияния национальных литератур, способствовал творческому освоению опыта, традиций и новаторства инонациональной литературы.

- Одним из факторов развития таджикско-арабских межкультурных связей является установление дипломатических отношений между Таджикистаном и арабскими странами, проведение Дней культуры, активизация деятельности обществ и центров переводческой деятельности, а также официальные визиты и научные конференции.
- Переводы поэтических сочинений современных таджикских поэтов на арабский язык, выполненные таджикскими переводчиками, преимущественно Назрулло Назаром, в целом отвечают требованиям адаптированного транскодирования иноязычного материала, то есть его смыслового содержания и стилистической отнесенности, а наличие в них переводческих несоответствий детерминированы допущением в переводе дословного способа перевода.
- Исследование произведений таджикских поэтов и писателей арабскими учеными и издание книг таджикских деятелей науки и литературы на арабском Востоке вызвано усилением интереса к изучению культуры и литературы близкого по национальным и культурным традициям.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Диссертация соответствует специальности 10.01.08 - Теория литературы. Текстология. Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: пункт 2 — разработка научных основ соотношений общего и художественного мировоззрений; пункт 5 - дальнейшая разработка научных основ поэтики как теории литературно-художественного стиля; пункт 6 - дальнейшая разработка соотношения категорий литературно-художественного стиля, творческого метода, жанра, речевого стиля и других, конкретных научно-методологических категорий; пункт 8 - изучение конкретно-духовных и

стилевых тенденций в художественной литературе; пункт 10 - Обобщение опыта художественно-переводческой деятельности.

Личный вклад соискателя заключается в том, что впервые в таджикском литературоведении и арабистике специальному диссертационному исследованию подвергаются вопросы таджикско-арабских литературных взаимосвязей в период Независимости Республики Таджикистан, результаты которого представлены в опубликованных статьях и докладах, доложенных автором на исследуемую тему на различных отечественных и международных конференциях. Автором лично осуществлено всестороннее исследование текстуальных и поэтических аспектов арабских переводов стихотворений современных таджикских поэтов. Также в работе впервые в таджикском литературоведении подвергнуты сопоставительному изучению большой корпус фактологического материала, извлеченного из авторитетных источников, перевод которых осуществлен автором. Диссертационное исследование содержит обобщение опыта и научных положений известных таджикских арабистов, внесших заметный вклад в исследование таджикско-арабских литературных взаимосвязей, которое можно охарактеризовать как заметное достижение в таджикском литературоведении.

Степень достоверности результатов проведённых исследований, выводов и рекомендации, сформулированных в диссертации, заключается в обоснованности исходных теоретико-методологических позиций исследования, комплексным рассмотрением предмета и объёма исследований, объёмом исследуемых данных и материалов, применением научных данных, соответствующих цели и задачам исследования, корректностью обработки данных.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были изложены в виде докладов на научных конференциях НАНТ и семинарах отдела Среднего и Ближнего Востока Института Азии и Европы НАНТ (2017-2022).

По результатам исследования опубликованы **13** научных статей, из которых **8** статей изданы в рецензируемых научных журналах, относящихся к перечню ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и ВАК при Президенте Республики Таджикистан.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры Среднего и Ближнего Востока Института Азии и Европы НАНТ **(протокол № 5 от 20. мая 2022 года)**.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, десяти разделов, заключения и библиографии.

ГЛАВА I

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТАДЖИКСКО - АРАБСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ТАДЖИКСКИХ АРАБИСТОВ

1.1 Таджикско - арабские литературные взаимосвязи в древние века и их отражение в современной арабистике

Общеизвестно, что проблема взаимодействия культур и литературных взаимосвязей, признанная перспективно актуальным направлением литературоведения, изучается как составная часть единого историко-литературного процесса. Как отмечает А. Давронов: «Литературные связи с учетом исследования исторического своеобразия в системе литературно-художественной мысли народов способны рассмотреть те ценности, которые охватывают идеологию человечества» [30, 305]. В процессе развития культурных взаимодействий поднимались вопросы исследования национальной литературы на примере взаимосвязей таджикской и арабской литератур, в связи, с чем отечественными и зарубежными исследователями были проведены обширные исследования. Вместе с тем, до сих пор остаются нерешенными и требуют специального исследования некоторые аспекты названной проблемы, к которым относится и развитие литературных взаимосвязей и взаимовлияний на новом этапе, т.е. в период обретения Таджикистаном независимости.

Литературные взаимосвязи персоязычных и арабских стран имеют древнюю историю, которая восходит к доисламскому периоду. Первые признаки литературных взаимосвязей наблюдались еще в Ахеменидский период, когда крупнейшие центры мира, такие как Йемен, Бахрейн, Хира и Хиджаз находились под политическим и культурным влиянием персов [4, 3]. Межлитературный диалог продолжался и в Сасанидский период, о чем свидетельствует история жизни Варахрана V, известного как Бахрами Гур, правивший иранским престолом в 421-428 гг., который еще в раннем

возрасте был отправлен во дворец эмира Хиры - Ну'мана ибн Мунзира, где он получил начальное образование и обширные знания в области арабского языка и поэзии. Развитие культурных взаимоотношений подтверждают и другие исторические факты. К примеру, арабские поэты А'ша ибн Кайс и Набига аз-Зубйани, служившие при дворе Сасанидского царя – Хусрава Парвиза, сочиняли панегирические стихи в честь Сасанидского императора [8, 192].

Факторы и предпосылки возникновения таджикско-арабских литературных связей нашли отражение в исследованиях ряда русских и советских ученых, в частности в научном труде Э.Е. Бертельса (1890-1957) - «Избранные труды» (Москва-1960) [16], состоящем из пяти томов, в котором ученый подвергает многоаспектному исследованию вопросы, связанные с эволюцией персидско-таджикской литературы. Примечательно, что ученый в своем исследовании вместо термина «персидская литература» использует термин «персидско-таджикская литература». По мнению ученого: «Рассматривая последствия арабского завоевания для литературной жизни народов Средней Азии и Ирана, нельзя не прийти к выводу, что арабская поэзия имеет известное влияние на поэзию этих народов. Однако, преувеличивать это влияние не следует, так как оно не было большим, чем влияние, которое испытывала любая другая литература, развивавшаяся в тесном контакте с литературой соседних народов. От того, что на определенном этапе развития персидско-таджикская литература испытывала влияние литературы арабской, она отнюдь не утратила оригинальности и своеобразия» [16, 108].

Как отмечает Е. Э. Бертельс, несмотря на определенное влияние арабского языка на персидско-таджикскую литературу в период распространения ислама, она смогла сохранить свою самобытность и уникальность.

В третьей главе первого тома своей книги «Арабское завоевание и его последствия для литературной жизни народов Средней Азии и Ирана»

Е.Э.Бертельс, предоставив подробные сведения о приходе арабов к власти, отмечает: «Первое крупное столкновение арабов с иранцами при Кадисийе (между 635—637 гг.), когда арабским силам под командованием Са'да ибн Абу Ваккаса противостояло отборное иранское войско, возглавляемое Рустамом, сыном Фаррух-Хурмузда, закончилось полным поражением иранцев» [15, 97]. Следует отметить, что после поражения последнего царя династии Сасанидов –Яздигурда III (632-651гг.) империя Ирана, правившая в течении пяти веков, распалась, и после 651 г. персоязычными странами стали править арабы. Эти исторические события, приведшие к завоеванию арабами земель аджамцев, обусловили возникновение и дальнейшее развитие культурных взаимодействий этих народов, и тем самым распространению религии, обычаев, языка и письменности, культуры и литературы арабов, которые, в свою очередь, испытали на себе влияние персидско-таджикской литературы, науки и традиций.

В своей книге «Избранные труды» (Т.1, 3-я глава), Бертельс, подвергая анализу своеобразие арабской культуры до распространения ислама и степень ее влияния на культурную и литературную жизнь персидско-таджикских народностей, приходит к выводу, что арабские племена вели кочевой образ жизни, в условиях которого они не могли обрести знания и постичь различные науки. Кроме астрологических знаний, по которым арабы ориентировались в пустыне и предсказывали погоду, и кроме медицинских познаний, необходимых для лечения лекарственными растениями, другие науки не нашли развития в этом регионе. Однако, среди арабских кочевников очень много было лекарей, жрецов и предсказателей. До распространения ислама племена арабов-кочевников поклонялись идолам и придерживались анимизма, то есть культа деревьев, камней и других неодушевленных предметов.

В исследуемый период в арабских племенах редко встречались личности, наделенные талантом стихосложения, и появление в племени стихотворцев считалось огромном счастьем, которое способствовало бы

обретению племенем высокого статуса, и прославлению его среди других кочевьев. Следует отметить, что стихотворения арабских поэтов-кочевников того времени были посвящены преимущественно одной теме, включающей три этапа: разлука с возлюбленной; тяготы пути, на котором бедуин сталкивался с хищниками и стихийными бедствиями; и пребывание среди новых племен, о жизни, традициях и обычаях которых они писали. [16, 90-93].

Изучение историко-литературных источников показывает, что поэты доисламского периода, обладающие искусством декламации выступали на ярмарках и базарах, где скапливалось большое количество людей, и, тем самым, способствовали распространению поэтического слова среди других племен. А те, кому был чужд дар красноречия и выразительного чтения специально нанимали декламаторов, так называемых «рави», которые своим ораторским талантом популяризовали поэзию своего патрона среди народа. Такой способ популяризации поэтического слога, на наш взгляд, обусловлено, прежде всего, кочевой жизнью самих поэтов и скудными знаниями в арабской письменности, которой владели лишь малое количество чиновников и секретарей. В исследуемый период, арабское письмо, за исключением редких документов, использовалось преимущественно для записи текста Корана – священной книги мусульман. Позднее с целью объяснения и толкования религиозных канонов этой священной книги стали развиваться такие науки как толкование коранических аятов – тафсиры, риторика и стилистика арабского языка, толкование хадисов. Таким образом, арабы обратились к науке и письменности. Следует отметить, что крупнейшие улемы - ученые в области литературы, религии, математических наук и арабской грамматики были родом из Персии [16, 90-93].

Персы славились своей цивилизованностью и образованностью. Несмотря на то, что персы исповедовали зороастризм, в жизни этого народа, сыновья которого еще в те времена осуществляли цивилизаторскую миссию, произошел большой прогресс в плане культурного, экономического и

социального развития. В этот период на персидский язык с индийского и греческого языков был переведен ряд книг по литературе, медицине, астрономии, геометрии и философии. Персидскими поэтами были созданы шедевры эпического жанра, такие как «Шахнамэ» («Книга царей») и «Худайнамэ» («Книга царей»), а также героические поэмы о подвигах героев и воинов.

Об истории зарождения и формирования персидско-арабских литературных связей можно найти сведения в трактате персидско-таджикского философа, историка и географа Закарийа аль-Казвини (1203-1283) «Асар ал-билад ва ахбар ал-'ибад» [231] («Достопримечательности стран и известия о людях»). Благодаря созданию двух трудов «Асар ал-билад ва ахбар ал-'ибад» и «Аджайбу-махлукут ва гарайбу-л-мавджудат» («Чудеса сотворенных и диковинки существ») на персидском и арабском языках З. Казвини прославился не только как персидский ученый, но и как арабский знаток. В своем труде по географии «Асар ал-билад ва ахбар ал-'ибад» (арабский вариант) он писал о первых доисламских преданиях, в которых приведены сведения о персидско-арабских связях, в числе которых можно назвать истории о взаимоотношениях Хусрава Анушервана с арабами, рассказы о Хусраве и Ширин, о Фархаде и Ширин, о Борбаде и др.

Важные сведения о литературных взаимосвязях аджамцев и арабов и факторах их развития можно исчерпать и из историко-литературных источников, о которых упоминается в статье таджикского арабиста Т. Мардони – «Борбад в описании Закарийа аль-Казвини» [63, 135]. Как отмечает ученый: «Помимо «Асар ал-билад ва ахбар ал-'ибад» Закарийа Казвини, в других арабских и персидских источниках, таких как «Китаб аль-Агани» Абульфараджа Исфакани, «Гуруар ахбор мулук-аль-фурс ва сийарухум» Абу Мансура ас-Са'алиби, «аль-Икд аль-фарид» Ибн Абдураббиха, «Китаб аль-булдан» Ибн аль-Факиха аль-Хамадани, «Му'джем аль-булдан Якута аль-Хамави и др. в источниках упоминается о Борбаде» [63, 135]. Таким образом, наличие древних сказаний и рассказов, восходящих

к доисламскому периоду, в частности историй о выдающимся музыканте и теоретике Борбаде в персидско-таджикских и арабских источниках, удостоверяет развитие литературных связей между этими народами.

Зарождение литературных, культурных и дипломатических связей между персидско-таджикскими и арабскими литераторами стали предметом изучения и научной интерпретации в книге известного таджикского арабиста Умеды Гафаровой – «Арабское красноречие (хутба) в ранние века ислама» [19], в котором содержатся заслуживающие внимания научные положения и выводы. Так, согласно заключениям, ученого в «аль-Икд аль-фарид» Ибн Абдураббиха можно найти сведения о культурных взаимоотношениях персов и арабов: «В переговорах племенных вождей между собой, в сношениях с соседними государствами развивается дипломатическое красноречие, то есть ораторское искусство послов (хутаб аль-вуфуд).

Ибн Абдураббих в своем труде «аль-Икд аль-фарид» рассказывает, что ан-Нуъман ибн аль-Мунзир услышав о том, что персидский царь Хусрав Анушерван отзывался об арабах пренебрежительно, решил познакомить Хусрава с арабской мудростью и при помощи слова отстоять честь и достоинство арабов» [219, 126]. С этой целью Нуъман ибн аль-Мунзир отправил к нему самых прославившихся своим ораторским искусством мудрецов и выдающихся людей. Среди них были Аксам ибн Сайфи, Хаджиб ибн Зарара, Харис ибн Ибад, Амр ибн Шариф, Халид ибн Джа'фар, Алкама ибн Аласа, Омар ибн Туфайл, Харис ибн Далим, Амр ибн Ма'ад и Кайс ибн Мас'уд». Представ перед Хусравом, каждый из этих мудрецов, используя все свое красноречие, произнес хутбу, в которой прославлялись достоинства арабов. Их речи были написаны рифмованной прозой и содержали стихотворные вставки [19, 21-22].

Из вышеизложенного становится ясным, что в период правления Хусрава Анушервана искусство публичных выступлений достигло своего расцвета, и арабские поэты, прибыв ко двору персидского царя, проводили здесь литературные собрания.

В научном труде иранского ученого Маликушшуаро Мухаммадтаки Бахор (1886-1951) «Стилистика или история развития персидской прозы» [14], посвященном изучению проблем эволюции персидской прозы, истории персидского языка и письма, происхождения и изучении стиля затронуты вопросы взаимовлияния персидско-таджикской и арабской литературы. В седьмой главе своей книги – «Взаимодействие языков», в разделе «Влияние персидского языка на арабский язык» автор отмечает: «Однако, многие убеждены в том, что арабы заимствовали больше слов с персидского языка, чем у других народов, и каждый раз, когда носители арабского языка сомневаются в происхождении какой-либо лексики, относящейся к иностранной, считают ее персидским словом, поскольку арабы долгое время находились под властью иранцев, а крупные арабские центры Йемен и Бахрейн, Хира и Хиджаз были под покровительством Ирана и начиная с эпохи Ахеменидов до периода правления Яздигурда, на протяжении тысячи двухсот лет эта нация имела политические и торговые связи с Ираном, а посредством персидских моряков и с Индией». [14, 138-139]. Влияние культуры Ирана в известной степени обусловлено этим длительным периодом взаимодействий.

Из слов Маликушшуаро Бахор явствует, что арабы более тысячи двухсот лет находились под властью персидской империи, а крупнейшие арабские центры - Йемен, Бахрейн, Хира и Хиджаз были под властью Персии. Таким образом, многие слова, которые сегодня считаются арабскими лексемами, изначально относились к персидским и пехлевийским языкам. Такие слова и выражения можно проследить в древних пехлевийских книгах, созданных в доисламский период, в частности в книге «Авеста». Впоследствии некоторые из этих слов, такие как «фил», «Харут» и «Марут» и другие были заимствованы арабским языком и даже вошли в Коран [14, 139].

Этой гипотезы придерживается и таджикский ученый А.Абдусаттор, который в своей книге «Литературные взаимосвязи арабов и аджамцев в XI

веке» отмечает: «В результате этих взаимосвязей арабским языком было заимствовано большое количество слов и выражений, некоторые из которых можно увидеть в Коране» [4, 3].

В этой связи особый интерес представляет и классификация, представленная Маликушшуаро Бахор в разделе – «Влияние персидского языка на арабский язык» своей книги «Стилистика», в соответствии с которой ученый выделяет четыре периода влияния арабского языка на персидско-таджикский язык: 1. с первого до пятого века; 2. с пятого до седьмого века; 3. с седьмого до двенадцатого века; 4. с двенадцатого века до наших дней, и подтверждает, что за эти четыре периода возникли шесть литературных стилей» [14, 141].

Несмотря на то, что арабы после завоевания земель Ирана и Средней Азии распространили здесь свою религию, язык и письменность, однако, позже, по приказу арабских халифов иранские поэты персидского происхождения занялись переводом трудов персидских ученых на арабский язык, обусловившие сохранение и возрождение доисламской персидской литературы.

В числе наиболее значимых трудов, посвященных изучению вопросов переводческого движения пехлевийской прозы на арабский язык в VIII-IX веках, следует отметить научное изыскание таджикского ученого Низомиддина Зохида – «Арабоязычный период персидско-таджикской литературы VIII-IX вв.» [36], в котором приводятся ценные сведения по исследуемой проблеме. В этом же русле выполнена и монографическая работа этого ученого – «Арабоязычная проза персидско-таджикской литературы в VIII-IX веках» [39], в которой рассматриваются деятельность персидских переводчиков, факторы развития переводческого дела в VIII-IX веках и особенности переводов пехлевийского наследия на арабский язык как часть арабоязычной литературы эпохи Аббасидов.

Исследованию переводческих произведений с арабского на персидский и с персидского на арабский в доисламские и в исламские

периоды посвящена монографическая работа арабиста У. Гафаровой - «Сказания Корана в персидском переводе «Тафсира Табари» [25]: Историко-сравнительное исследование», признанная одним из важных источников изучения этого направления литературоведения. В своем исследовании ученый приводит сведения о первых школах и переводческих центрах в Гундишапуре, Индии и Александрии. [25, 19], [См. также Н. Хамробоев, «Этапы становления и эволюции переводческого движения в VIII-X веках» [124, 3]. В работах этих ученых рассматривается деятельность величайших переводчиков того периода – Абдуллаха ибн Мукаффа, Мусы ибн Халида, Абу аль-Хасана Али ибн Зияд ат-Тамими, Сахл ибн Абдулла ас-Сарахси, Балазури Исхака ибн Язида и др.

В докторской диссертации таджикского ученого Ф.Насриддинова – «Персидско-таджикские переводы Корана и комментарии к нему в X-XII вв. и их литературное значение» [92] в ходе исследования древних персидских переводов Корана и комментариев к нему, рассматривается и история персидско-таджикских переводов от начала их возникновения и до конца XII века. Согласно заключениям ученого: «Исследование вопросов, вовлеченных в орбиту настоящего исследования, убеждает нас в том, что коранические переводы и комментарии X - XII составляют важную часть письменного наследия и внесли весомый вклад в эволюцию персидско-таджикской прозы. Переводы и комментарии, составленные в исследуемый период выдающимися персидскими учеными своего времени, сведущими во всех науках энциклопедистами, составляют важную часть персидско-таджикской литературы» [91, 464].

Примечательно, что в данном исследовании наряду с упомянутыми проблемами, рассматриваются и вопросы, связанные с особенностями использования образцов персидской поэзии в арабской литературе, а также хадисов Пророка (с) и коранических сказаний, удостоверяющие развитие персидско-таджикских литературных взаимосвязей в этот период.

В этом направлении выполнена и диссертационная работа таджикского ученого Н. Хамробоева – «Этапы становления и эволюции переводческого движения в VIII-X веках» [124], в которой предпринимается попытка изучения факторов и предпосылок развития переводческого движения в VIII-XIV веках, в частности переведенных с пехлевийского на арабский и с арабского на персидско-таджикский язык художественных, исторических, религиозных и научных работ в период правления Омейядов, Аббасидов, Саманидов и Газневидов, что, несомненно, удостоверяет развитие таджикско-арабских литературных связей.

В этой связи следует назвать и научные статьи других таджикских ученых, в работах которых затронуты вопросы развития переводческого движения и культурных взаимодействий персов и арабов в исследуемый период. Так, в статье ученого Нурулло Гиясова «Среднеперсидская лексика в творчестве арабского поэта VI-VII вв. аль - А'ша [29] в связи с изучением литературного наследия арабского поэта – панегириста А'ша ибн Кайса, затронуты вопросы влияния музыкальной культуры персов в период правления Хусрава Парвиза Сасани на арабскую этническую среду того времени.

В статье другого ученого Мархабо Раджабовой – «Культурные взаимосвязи арабов и аджамцев и факторы их исторического развития» [103] приводятся сведения о первых феноменах возникновения литературных связей между двумя народами.

Обширные сведения о культурных взаимосвязях и дружбе между персами и арабами в исламский период приведены и в арабских литературно-исторических источниках. Обращение к основному фонду религиозных преданий и легенд персидской словесности, показывает, что арабо-персидский литературный синтез получил развитие еще в раннеисламский период, примером чему являются сказания о дружбе Пророка Мухаммада (с) со своим сподвижником Салманом аль - Фариси (р), родившегося в персидском городе Исфохане.

Согласно исламским источникам, в пятом году хиджры Салман аль-Фариси принимает участие в битве с десятитысячной армией язычников, на которой благодаря его военным навыкам, мусульмане одерживают победу. Согласно преданиям, некоторые сподвижники Пророка (с), советуют ему покинуть Медину и сражаться повсюду, где встречается враг. Однако, Салман аль-Фариси предлагает другую тактику борьбы с врагом и Пророк Мухаммад (с), приняв его предложение, одерживает победу над врагом. Салман аль-Фариси об этом говорит следующее: «Всякий раз, когда враг нападал на нас, мы копали рвы вокруг города, чтобы легче было защититься. Рвы были шириной в десять шагов и глубже человеческого роста, куда пускали воду. Враг не мог войти в город» [53, 613].

Эта история, основанная на исторических событиях, является ярким доказательством дружественных отношений и взаимодействий персидско-таджикских и арабских народов. О развитии литературных связей этих народов в исламский период свидетельствует и расширение переводческого дела, в котором принял участие и Салман аль - Фариси, ставший одним из первых переводчиков Священной книги Коран с арабского на персидский язык.

О развитии литературных связей этих народов в исламский период свидетельствует и расширение переводческого дела, в котором принял участие и Салман аль - Фариси, ставший одним из первых переводчиков Священной книги Коран с арабского на персидский язык.

Изучение и научное осмысление историко - литературных материалов показывает, что персидско-таджикские и арабские литературные связи существовали еще в древности, а с распространением религии ислама эти связи стали активизироваться, в результате чего в арабскую литературу исламского периода стали вовлекаться многие феномены культуры персов, обеспечив тем самым развитие как персидско-таджикской, так и арабской культуры, и литературы.

1.2 Исследование средневековых таджикско-арабских литературных взаимосвязей в таджикском литературоведении

Известно, что после распространения ислама на завоеванных арабами странах, мусульманское вероисповедание и арабский язык приобрели статус единой религии и официального языка. Роль исламского фактора был настолько велик, что в этот период аджам принял у арабов не только религию и язык, но и письменность, традиции и мировоззренческие установки.

В связи с этим иранский ученый Забехулла Сафа в своей книге «История иранской литературы» отмечает [111]: «Одной из основных причин распространения арабского языка среди иранцев и усиления его влияния на иранские диалекты является то, что с господством ислама этот язык вытеснил пехлевийский язык, в том смысле, что стал синонимом религии (для мусульман) и политики, и те, кто намеревается вступить на политическую и социальную арену, должны были владеть этим языком и знать его речь и письменность» [111, 39]. Иными словами, фактически эти факторы привели к популяризации арабского языка среди персидско-таджикского народа, в особенности среди политиков, от которых требовалось знание этого языка.

В период средневековья персидско-арабский литературный синтез обусловил возникновение двуязычной литературы, в результате которого ряд персидско-таджикских классиков, в частности Язид ибн Муфарриг, Абу-ль-Янбаги Аббас ибн Тархан, Асвад ибн Абукарима и др., стали писать свои произведения на двух языках: персидском и арабском. Названный период характеризуется и формированием арабоязычной персидско-таджикской литературы, которая развивалась в течение двух столетий (VIII-IX вв.), известных как «период безмолвия», поскольку в этот период многие персидские поэты и писатели, в числе которых можно назвать Исмаила Ибн Ясара, Хусейна Мансура Халладжа, Мусу Шахавата, Башшара ибн Бурда,

Абу Нуваса, аль-Хурайми и др. писали исключительно на арабском языке и редко использовали персидский язык для своих произведений.

Маликушшуаро Бахор в своей книге «Стилистика» о персоязычных арабских писателях седьмого и восьмого веков отзывается следующим образом: «Другой стиль изложения выражался в том, что, начиная с седьмого и восьмого веков хиджры, многие писатели стали приверженцами арабского языка, и вместо того, чтобы по мере необходимости заимствовать и использовать арабские слова, и относиться к нему как к родному и стали употреблять язык как дарованное угощение» [14, 137]. Каждый стремился взять больше, чем другой и превратить эти слова в золотой венец прозы и поэзии, и так украсить поэтический слог чуждыми украшениями, что от самого произведения ничего не оставалось. Они до такой степени стали следовать арабской лексике и грамматике и применять арабские правила в персидском языке, что стали связывать персидские слова с арабскими союзами и предлогами, а арабские существительные и глаголы вводить в исходной форме, а также применять арабское склонение, в результате чего вошли в употребление такие выражения как «телегрофхонаи муборака» (благословенный телеграф), «хамшираи нуричашма» (сестра милосердия), «хабари васла» (сообщение о подключении), «номаи ворида» (входящее письмо) и т.п. [14, 137].

Начиная с X века писатели и поэты этих стран начали создавать свои произведения на персидском языке, однако, арабский язык продолжал влиять на творчество большинства представителей персидско-таджикской поэзии. Так, ценностные ориентации арабской культуры можно проследить в творчестве Абу Абдуллаха Рудаки, Абу Али ибн Сина, Насира Хусрава, Омара Хайяма, Мас'уда Саада Салмана, Хакима Санои, Фариддадина Аттара, Мавляна Джалалиддина Руми, Саади Ширази, Хафиза Ширази, Камала Худжанди, Абдурахмана Джами и др., в произведениях, которых содержатся аллюзии на коранические аяты, хадисы и арабская лексика.

Вместе с тем, в творческом наследии Саади, Хафиза, Джами, Хайяма, Камала Худжанди и других художников слова, стал преобладать жанр муламма', о чем упоминает в своем исследовании «Литературные взаимосвязи арабов и аджамцев» ученый У. Гафарова: «В литературоведении термин муламма' обозначает стихотворение, написанное на двух или трех языках, в котором бейты или мисра' чередуются на таджикском и на арабском языках, и этот порядок сохраняется до конца стихотворения» [26, 62].

Таким образом, в отличие от персидско-таджикских классиков, которые в основном создавали свои произведения на арабском языке, арабские литераторы в своем творчестве крайне редко обращались к персидско-таджикскому языку.

В этой связи Маликушшуаро Бахор пишет: «Несмотря на то, что персидский язык никогда не был востребован как арабский, настолько, чтобы арабские поэты и писатели смогли или захотели писать на нем и, возможно, эстетические потребности арабов никогда не были склонны к этому в противовес к иранскому, которые при желании могли написать и на арабском, и на индийском или любом другом языке, тем не менее, были и поэты арабского происхождения, которые стихи и прозу писали на персидском, о чем сказано следующее: Как известно, Альмуस्ताзи Бинуриллах Мухаммад ибн Альмустанджид Биллах – халиф Аббасидов (566 г.х./1177 г. до н.э.-570 г.х./1181 г. н.э.) писал стихи на персидском и арабском языке, и именно в этот период благодаря Сельджукам, завоеванные земли которых простирались от Алеппо до Кашгара, персидский язык стал процветать в Багдаде и пришелся по нраву Аббасидскому халифу. Следует отметить, что еще в период правления Саманидов, поэтесса племени Кааб, известная как Рабиа Куздари бинт Кааб, писала стихи на персидском языке. Более того, Шейх Абульфазл Дакани и Шейх Файзи Маликушшуара, его брат, сыновья Шейха Мубарака Йеменского, славились как мастера персидского слова и ритмов прозы и поэзии» [14, 139-140]. Иными словами,

среди арабоязычных мастеров поэтического слога также были приверженцы персидского языка, имена которых упоминаются в «Стилистике» Маликушшуаро Бахора.

По вопросам наследия арабоязычных средневековых персидских поэтов, У. Гафарова отмечает и о научных работах Э. Бертельса: «Рассматривая взаимодействие арабоязычной поэзии и литературы на дари в X веке, в Мавераннахре и Хорасане, Е. Э. Бертельс подчеркивал, что разделение этих литератур по языковому принципу является условным, ибо стили, темы одинаковы и различаются они только по языку. В целом, арабская литература Хорасана и Мавераннахра, согласно исследованиям, Э. Бертельса, Т. Мардони, Н. Зохидова являются неотъемлемой частью персидско-таджикской литературы» [25, 17].

Примечательно, что сегодня в Таджикистане арабистика как научное направление получила широкое развитие, в чем неоценим вклад отечественных ученых, в исследованиях которых подвергаются анализу различные аспекты этой области, в частности, вопросы, касающиеся комментариев географических трудов, переводческого движения и летописей. Следует отметить, что в развитие арабской лингвистики внесли свой посильный вклад такие отечественные ученые как Саидрахмон Сулаймони, Фия Исаева, Нурулло Гиясов, и др. В числе исследователей проблем развития средневековых таджикско-арабских литературных связей следует назвать имена Таджиддина Мардони, Абдушукура Абдусаттора, Низомиддина Зохида, Умеды Гафаровой, Фахриддина Насриддинова, Умриддина Юсуфова, Н. Хамробоева и др., научные труды которых представляют большую ценность для развития этой области литературоведения. Названные таджикские арабисты сосредоточили свое внимание в основном на изучение средневекового периода культурных взаимосвязей арабов и персов.

Заметным достижением в этой области признаны труды видного таджикского ученого - арабиста Таджиддина Нуриддина Мардони, научные

изыскания которого заложили основу для дальнейших научных разработок в этом направлении и внесли достойный вклад в дело изучения и укрепления литературных связей таджикского и арабского народа. Этот ученый одним из первых, кто обратил внимание научного сообщества на проблемы изучения и научного осмысления арабоязычной персидско-таджикской литературы. Т. Мардони является автором многочисленных монографий, ряд его статей опубликованы за рубежом и по достоинству оценены почитателями литературы.

В связи с этим следует упомянуть его научную работу «Арабско-таджикское двуязычие в поэзии IX-X веков» [68], которая охватывает проблемы двуязычия и пути их решения в творческом наследии известных поэтов-классиков, таких как Абу Абдуллаха Рудаки, Абу Али Ибн Сина, Омара Хайяма, Фаридаддина Атгара, Джалалиддина Руми, Саади Ширази, Хафиз Ширази, Абдурахмана Джами, Ибн Ямина, Шахида Балхи, Хусрава Сарахси, Абулфазла ас-Суккари аль-Марвази и многих других.

Арабские произведения персидско-таджикских поэтов: Джабали, Омара Хайяма, Ата ибн Якуба, Сайида Хасана Газневи и др. стали предметом изучения и всестороннего освещения другого исследования этого ученого – «Влияние арабской поэзии на творчество персидско-таджикских поэтов XI-XII веков» [70].

В своих монографических трудах – «Насир Хусрав и арабоязычная культура» [78] и «Мас'уд Саад Салман и арабская поэзия» [71] ученый также затрагивает вопросы, связанные с поэтическим наследием поэтов - билингов средневековья, в частности, особенностей воплощения этих произведений в арабоязычной персидско-таджикской литературе. Т. Мардони также является автором книг «Арабско-таджикские литературные связи» [69] и «Страницы из арабско-таджикских литературных взаимосвязей» [65], посвященных персидско-таджикским и арабским взаимосвязям в средние века, в советской период и на современном этапе.

В статье У. Гафаровой «Корномаҳои пажуғиши дар чодаи пайвандҳои адабии арабу аджам» [24] («Важные исследования в области арабско-таджикских литературных взаимосвязей»), освещаются роль и значение четырех монографий Т. Мардони: «Насир Хусрав и арабоязычная культура», «Слово об Абуали ибн Сина. Исследования и переводы», «Мас'уд Саад Салман и арабская поэзия» и «Арабско-таджикские литературные связи» в развитии арабистики отечественного литературоведения. Отмечая научную ценность трудов Т. Мардони, автор данной статьи пишет: «Тема литературных взаимосвязей двух народов находится в центре научно-исследовательских работ ученого. Ученый, уделив пристальное внимание изучению этой проблемы с самых ранних периодов истории по сегодняшний день, тем самым вовлекает в орбиту своих исследований весь исторический путь развития культурных взаимоотношений этих двух народов» [24, 205-210].

Другой монографический труд Т. Мардони – «Арабско-таджикские литературные связи» можно назвать достоверным источником изучения проблем арабистики, в которой автор подвергает всестороннему анализу художественное наследие арабоязычных классиков персидско-таджикской литературы – Абу Али ибн Сины, Насира Хусрава, Шахида Балхи, Захира Фарьяби, Закарийа аль-Казвини, Омара Хайяма, Хафиза Ширази, Амира Хусрава Дехлеви, а также арабский перевод произведений Мухаммада Икбала Лохури и известного таджикского писателя Садриддина Айни.

Другая книга Т. Мардони – «Слово об Абуали Ибн Сина. Исследование и переводы» [73] состоит из двух частей. Первая часть содержит трактаты Абу Али ибн Сины, переведенные ученым с арабского на русский язык, а вторая часть представляет собой исследование арабской поэзии Абу Али ибн Сины и его жизнедеятельности, и включает трактаты Абу Али ибн Сины о политике. В конце книги ученый приводит статьи иранских ученых Мухаммадризо Шафеии Кадкани, Махди Мохаббати, Заррина Вориди, посвященные Ибн Сине, переведенные им с персидского на

кириллицу. Также, ученому принадлежат переводы статей арабских ученых, таких как Абдуррахман Бадави, Алиасгар Хикмат, Али Ибрагим Мансур и Мухаммадтаки аль-Куми на русский язык.

Наиболее важным исследованием Мардони в области рудакиведения является его труд– «Рудаки и арабская литература» [72], признанный в таджикском литературоведении, в частности в области таджикско-арабских взаимосвязей, наилучшим образцом научной работы, имеющим особое теоретическое и прикладное значение.

Таким образом, обобщение научно-критических работ таджикского арабиста Т. Мардони убеждает нас в том, что научные изыскания этого ученого, открывающие дальнейшие перспективы исследований этого цикла вопросов, являются заметным достижением, как в отечественном, так и в персоязычном литературоведении, поскольку благодаря усилиям, приложенным им в изучении проблем таджикско-арабских литературных взаимосвязей, сформировалась школа современной компаративистики в арабской филологии в Таджикистане.

Основополагающими для учения о межкультурных связях являются и труды профессора Абдушукура Абдусаттора, в центре научных интересов которого находится проблема таджикско-арабских литературных взаимосвязей. Работы этого видного ученого «Литературные взаимосвязи арабов и аджамцев в XI веке» [4], «Арабская тематика и литература эпохи Газневидов» [8], «Арабская культура и литература Газневидов» [7] отражают основные грани средневековых персидско-таджикских и арабских литературных взаимодействий. В своем исследовании «Арабская тематика и литература эпохи Газневидов» ученый придает большое внимание степени влияния арабских художественных принципов на поэзию Газневидов, которые рассмотрены им с точки зрения лингвоспецифического своеобразия и использования арабских пословиц и стихов, коранических аятов и хадисов. На наш взгляд, избрание ученым этого периода развития персидско-таджикской литературы, а именно X-XI века, обусловлено тем, что

указанные столетия в истории таджикской культуры признаны эпохой становления и расцвета литературы на фарси, ставший отправной вехой для эволюции персидско-таджикской литературы, подарившей миру имена известных мастеров художественного слова.

Изучению проблем персидско-таджикских и арабских литературных взаимодействий посвящен обширный труд А. Абдусаттора – «Литературные связи арабов и аджамов в XI веке», отражающий культурно-историческое и этнолингвистическое значение этого феномена для развития литературных процессов. По утверждению самого ученого: «В данной книге рассматриваются два периода этих взаимодействий в истории персидско-таджикской литературы, а именно XI век, а также подвергаются анализу проблемы, связанные с арабскими источниками поэмы Аюки «Варка и Гульшах» и поэзии Манучехра Домгани» [4, 3], относящиеся к средневековому периоду развития литературы.

Наиболее значительным событием в области таджикской арабистики является выход в свет двухтомной книги А. Абдусаттора «История арабской литературы» [5], [6] признанной одним из важнейших источников изучения арабской словесности. Этот труд является первой книгой по истории арабской литературы на таджикском языке. Первый том книги, охватывает вопросы, связанные с изучением доисламского периода развития литературы до периода правления Аббасидов, и непосредственно Аббасидский период средневековой литературы. Книга содержит подробные сведения об экономическом, политическом и географическом положении Аравийского полуострова в доисламский период, в ней исследуются вопросы происхождения арабской расы, их религии, факторы возникновения и развития арабской литературы в доисламский период, поэзия периода «джахилийя» и литературное наследие видных представителей периода становления и развития литературы этого периода, а также факторы развития литературы периода правления праведных халифов и Омейядов. В этой части книги ученым также освещаются социальное положение Аравийского

полуострова после распространения ислама, своеобразие исламской арабской поэзии и газелей поэтов-бедуинов.

Второй том «Истории арабской литературы» посвящен изучению литературы периода Аббасидов. Автор, рассматривая политическое и социальное положение этого периода, определяет влияние исторических и культурных событий на литературу периода Аббасидов, в частности на творчество представителей багдадской литературной школы, а также на состояние науки в этот период, определяет пути развития переводческого движения и степень его влияния на развитие науки и словесности.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что вклад, внесенный профессором А. Абдусатторовым в становление и развитие отечественной арабистики значителен. Его труд «История арабской литературы», представленный современному научному и читательскому сообществу в период развития интереса к вопросам межкультурного диалога различных народов, в частности таджикского и арабского, стал своего рода путеводителем для молодых ученых, специализирующихся на исследовании проблем арабистики и подготовил почву для появления большого числа исследований по таджикско-арабским литературным связям.

Другим известным таджикским востоковедом, внесшим достойную лепту в исследование таджикско-арабских литературных взаимосвязей, является Низомиддин Зохиди. Его перу принадлежит ряд монографий, посвященных вопросам таджикско-арабских связей в средневековый период. Научный труд Н. Зохиди - «Арабоязычный период персидско-таджикской литературы VIII-IX вв.» [36], предметом изучения которого явились история арабского завоевания и его влияние на литературу и культуру иранских народов, факторы и предпосылки становления и развития персидской литературы в раннеисламский период, в частности, место персоязычных поэтов в арабской поэзии, иранские мотивы в арабоязычной поэзии VIII-IX веков, использование персидских элементов в арабской прозе, а также возникновение переводческого движения и перевод пехлевийской прозы на

арабский язык и арабской прозы VIII-IX вв., достойны внимания и пристального изучения.

Следует отметить, что названная книга «Арабоязычный период персидско-таджикской литературы VIII-IX вв.» охватывает также вопросы, связанные с изучением произведений персидских поэтов, написанных на арабском языке, таких как Зийад 'Аджам, Сабит Кутнат, Муса Шахавот, Абулаббас А'ма, Юнус Котиб, Хаммад Равия, Ваззах Яман, Исмаил ибн Ясар, Башшар ибн Бурд, Салех ибн Абдул Куддус, Хаммад Аджрад, Абу Я'куб аль-Хурайми Сугди, Халаф Ахмар, Абу Нувас, Аббан ибн Абдул Хамид Лахики, Сахл ибн Харун, Аллан Шу'уби, Балозури, Ибрагим ибн Мамшад Мутаваккили и другие. Также ученым в орбиту исследования вовлечены и прозаические произведения средневековых арабских писателей (VIII-IX вв.), таких как Сахл ибн Харун Даштимешани, Али ибн Убайда Райхани, Аллани Шу'уби, Саййид ибн Хумайд, Абу Убайда Ма'мар ибн Мусанна, Хайсам ибн Ади, Мухаммад ибн Лайси Хатиб, Амр ибн Масада, Саид ибн Хурейми, Абу Хассин, Джа'фар ибн Ахмад Марвази, Ахмад ибн Абу Тахир Тайфур.

Как упоминалось ранее, данное исследование предоставляет подробные сведения относительно первых переводчиков пехлевийских произведений, к которым относятся Абдуллах ибн Мукаффа', Али ибн Зияд ат-Тамими, Хасан ибн Сахл, Балазури, Джабала ибн Салим, Исхак ибн Язмак, Мухаммад ибн Джахм Бармаки, Хишам ибн Касим, Муса ибн Иса Кисрави, Умар ибн Фаррухон, Асгаби Систани, Мюрид Асвад и другие.

В этом русле написана и другая книга Н. Зохиди «Арабоязычная персидско-таджикская литература» (от арабского завоевания до эпохи Саманидов) [37], в которой подвергаются анализу арабские произведения персоязычных поэтов VIII-IX веков, а также доисламские литературно-художественные традиции иранских народов и эпохи Саманидов.

Немаловажную роль в развитии теории таджикской арабистики сыграло и другое исследование ученого – «Арабоязычная проза персидско-таджикской литературы в VIII-IX веках» [39], в которой автор, выявляя пути

проникновения традиций доисламской иранской письменности в арабоязычную прозу, воссоздает наиболее полную картину развития прозы VIII-IX вв. В работе также определен круг иранских переводчиков VIII-IX вв., факторы развития переводческого движения, разнообразие пехлевийских произведений, переведенных на арабский язык. В исследовании представляют большой интерес научные положения ученого по вопросам перевода историко-художественного и дидактического наследия персов, в частности доисламского персидского эпоса, лирики и сказки.

Дополнительные сведения об исследованиях ученого в области таджикской литературы и арабистики можно найти в книге «Член-корреспондент Академии, профессор Низомиддин Зохида» [125], по материалам которой можно убедиться в весомости вклада учёного в области таджикско-арабских литературных взаимосвязей.

Значительных успехов в исследовании проблем арабистики добилась и известный таджикский ученый - арабист Умеда Гафарова. Отличительной чертой ее работ является обращение к изучению и научной интерпретации роли и места Корана в развитии средневековой таджикской литературной мысли. Её перу принадлежит ряд важных научных трудов в области арабистики и таджикско-арабских литературных взаимосвязей: «Арабское ораторское искусство (хитаба) в ранние века ислама» (1995), «Сказания Корана» в «Переводе «Тафсира» Табари» (2004 г.), «Литературные связи арабов и аджамцев» (сборник статей), (2015 г.), «Мухаммад ибн Джарир ат-Табари и диалог культур» (2018 г.) [28] и другие. Большим вкладом ученого в этом направлении является подготовка текстов таких памятников литературы как «Диван Махфи» (Худжанд, 1998 г.). Весом вклад У. Гафаровой и в переводе наследия арабских литераторов. Так, ученым инициирован перевод и издание на русском языке произведения Насириддина Туси «Ахлоки Носири» («Насырова этика») (2015 г.), а также, таджикский перевод этого сочинения в соавторстве с Н. Салими (2009 г.) [50, 65].

Монографическая работа У. Гафаровой «Арабское ораторское искусство (хитаба) в ранние века ислама» примечательна тем, что освещает вопросы арабского ораторского искусства, в частности развития жанра хутбы в арабской литературе в тесной взаимосвязи с историческими, социальными и культурными факторами доисламского и исламского периодов, в особенности во времена правления праведных халифов и Омейядов.

В работе У. Гафаровой «Сказания Корана» в переводе «Тафсира Табари» сравнительно-историческому исследованию подвергнуто художественное своеобразие одного из ценных памятников литературы периода «Саманидов» «Перевод «Комментария» Табари». Особое значение ученый придает описанию и научной интерпретации предпосылок развития литературных процессов в первом персоязычном государстве, исследованию вопросов исламоведения и историографии, жанрового своеобразия прозаических произведений исследуемого периода, определению значения перевода «Тафсири» Табари», особенностей развития жанра повести в древнем Иране, роли заимствований и реминисценций коранических сюжетов и сказаний, в частности хадисов о пророках, в развитии персидско-таджикской литературы. В этой связи заслуживают внимания размышления ученого о роли аллюзий на предания о пророках Моисее и Юсуфе в воплощении художественных идей литератора.

Значимость данного исследования таджикский ученый Абдулманнон Насриддинов подтверждает следующими словами: «Главы и разделы в книге, составленные логически последовательно, свидетельствуют о широких познаниях ученого, и тем самым создают благоприятные условия для всестороннего исследования темы и заключения. Автор не ограничивается анализом сказаний «Перевода «Комментария» Табари», и на конкретных примерах доказывает важность и популярность этого сочинения в литературе X-XV вв.» [88, 393].

Заслуживает внимания и сборник статей У. Гафаровой – «Литературные связи арабов и аджамцев» (2015 г.) [26], в котором

содержатся статьи автора по проблемам арабистики, суфизма, литературной критики и персидско-таджикских и арабских литературных взаимосвязей. В своих статьях ученый, в присущей ей научном стиле, рассматривает отражение суфийских воззрений в поэме «Юсуф и Зулейха», значение сказаний о Джемшеде с литературной и источниковедческой точки зрения, а также, своеобразие творческого наследия Ходжи Насируддина Туси, место муламма'ат в поэзии Камала Худжанди, факторы возникновения и развития ораторского искусства, место сказаний о сотворении мира в религиозном миропонимании иранцев, особенности комментариев Табари, и т.д. В книгу включены также статьи самого ученого на русском языке - «Имам Абу Ханифа и арабо-мусульманская культура», «Хаджа Насируддин Туси и его «Насырова этика», «Вопросы морали в религиозно-мифологических концепциях Востока», «Истоки формирования и развития арабской средневековой прозы», представляющие большую ценность в этой области исследования.

Исследованию историко-литературного значения двух произведений Мухаммада ибн Джарира ат-Табари посвящен другой монографический труд У. Гафаровой – «Мухаммад ибн Джарир ат-Табари и диалог культур» [28]. Основные цели проведения данного научного изыскания автор определяет следующим образом: «В книге историко-сопоставительному исследованию подвергается золотой век персидско-таджикской культуры и литературы, культурные процессы Саманидского периода, жизненный путь и наследие известного историка и комментатора X века Мухаммада ибн Джарира ат-Табари, литературное значение двух его трактатов – «Джаме' - ул-баян ан та'вили-л-Кур'он» («Собрание разъяснений к толкованию Корана» – официальное название «Тафсира Табари») и «Таърих ар-русул ва-л-мулук» («История пророков и царей»), признанные литературными шедеврами, а также персидский перевод этих двух литературно-исторических источников, влияние «Перевода «Комментария» Табари» на персидско-таджикскую литературу и культурные взаимосвязи арабов и персов» [28, 2]. Данное

исследование, по сути, является результатом многолетних поисков этого плодотворного ученого, внесшего достойную лепту в изучение вопросов арабистики.

В плане научно-теоретической и прикладной значимости большой интерес представляет совместный труд Умеды Гафаровой и Замиры Гафаровой – «Литературные взаимосвязи и культура Востока» [23], в которую вошли статьи видных отечественных и зарубежных ученых по вопросам литературоведения, литературной критики, языка и культуры Востока и литературно-культурных связей. Вторая часть книги включает статьи ученых, посвященные научной и общественной деятельности У. Гафаровой.

Краткое освещение и анализ научно-критических работ У.Гафаровой удостоверяет в том, что вклад этого арабиста в развитие и укрепление таджикско-арабских литературных связей несомненен, а ее исследования позволяют глубоко проникнуть в бескрайние горизонты этой важной для современного таджикского литературоведения области науки. Ограниченный объем диссертации не позволяет более широко раскрыть особенности ее работ.

Следует отметить, что значительную роль в изучении таджикско-арабских литературных связей сыграл и другой таджикский ученый Фахриддин Насриддинов, чьи научные труды заняли достойное место в современном таджикском литературоведении. Диссертационное исследование ученого «Кашфу-л-асрор» Абулфазла Майбуди и его литературное значение» [89] является одним из важнейших источников изучения персидско-таджикских и арабских литературных связей. Предметом исследования данной работы являются коранические комментарии и их место в персидско - таджикской литературе XI-XII веков. Работа ученого вызывает интерес тем, что в ней впервые в таджикском литературоведении разработаны научные принципы исследования тафсиров, в частности «Кашф-ул-асрор» Абулфазла Майбуди, исследованы его

строение и содержание, особенности использования реминисценций, заимствования персидских и арабских стихотворений в «Кашфу-л-Асрор» и его историко - литературное значение.

Огромное значение в исследовании проблем особенностей персидско-таджикских переводов Корана и его толкований имеют научные положения и идеи этого ученого, предложенные в монографической работе «Персидско-таджикские переводы Корана и комментарии к нему в X-XII вв. и их литературное значение» [92], в которой в ходе изучения факторов возникновения и развития персидско-таджикских переводов Корана и его толкований от начала возникновения до конца XII века, рассматриваются некоторые аспекты таджикско-персидских и арабских взаимодействий в области культуры и литературы. Работа охватывает также важнейшие проблемы словесности, такие как факторы возникновения и развития науки о комментировании и ее основные течения и школы, социальные, религиозные и нравственно - этические предпосылки возникновения комментариев на языке фарси и дари, прозаический стиль персидско-таджикских переводов Корана и комментариев к нему в X-XII вв. и использование в них средств художественного изображения, коранические сюжеты и их отражение в персидской и таджикской литературе, стиль прозы и литературное значение переводов и устных переводов X-XII вв.

Важнейшей заслугой Ф. Насриддинова в исследовании этой области литературоведения является отбор, комментирование и подготовка к изданию таких уникальных произведений как «Шукуфаҳои қур'они» («Цветы Корана»), «Армугони ахли дил» («Подарок близких сердцу») «Армугони хидоят» (« Подарок наставлений»), «Иксири саодат» («Эликсир счастья») «Чахор макола» («Четыре беседы») Низами Арузи Самарканди, «Шавоҳид ан-Нубувват» («Доказательство пророчества») Абдурахмани Джамии, «Диван» Камала Худжанди (научно-критический текст), а также издание научных работ, «Осорномаи Абдулманнони Насриддин» («Сочинения Абдулманнона Насриддина»), «Куллиёти осор»-и Абдулманнони Насриддин»

(«Полное собрание сочинений» Абдулманнона Насриддина»), «Рудаки – устои суханварони ачам» («Рудаки – наставник персидско-таджикских поэтов» (в соавторстве с А. Насриддином). В целом, перу ученого принадлежит более 260 научных статей. Также Ф. Насриддинов перевел ряд произведений известных писателей с арабского на таджикский язык, в частности трактаты «Олим ва мутааллим» («Ученый и воспитанник») Имама Абу Ханифы Ну’мана ибн Сабита [187], «Раби’у-л-абрар ва фусусу-л-ахбар» («Весна благочестивых») Абул-Касима Махмуда ибн Умара ибн Мухаммада Замахшари [32], «Аль-фарида фи-л-амсоли ва-л-одоб» («Редкая жемчужина в поведении и нравах») Шамсулмаоли Кабуса ибн Вушмгира [41], «Адабу-л-муджолисати-л-машоихи ва хифзу хурумотихим» («Этика общения с наставниками и проявление к ним уважения») Абдурахмана Сулами [118], «Дар фазилати адабиёт ва ахли он» (« О достоинствах литературы и ее представителей») Якута Хамави и др. в этом направлении, информацию о которых можно найти в разделе «Переводы научных и религиозных трудов» второй главы диссертации.

В целом, исследования Ф. Насриддинова, содержащие интерпретацию важнейших аспектов переводческого движения, комментариев и литературных таджикско-арабских взаимосвязей, примечательны тем, что в них можно исчерпать важнейшие сведения о лингвокультурных феноменах персидско-таджикской литературы исследуемого периода. Вклад ученого в исследование малоизученных страниц персидско-таджикской литературы, характеризующийся новизной и достоверностью, может стать предметом специального исследования.

Другим замечательным таджикским литературоведом, внесшим вклад в развитие арабистики и исследования арабско-таджикских литературных связей является Умридин Юсуфов.

Его кандидатская диссертация была посвящена теме: “Ибн Рашик ал-Кайравани и его "ал -`Умда фи махасин аш-ши`р ва адабих ва накдих"[130]. Данное исследование было направлено на изучение жизни и творчества одно

из известных средневековых арабских филологов Ибн Рашика Кайравани. У. Юсуфов уделяет особое внимание на взаимовлияние арабской и персидско-таджикской поэтики и литературно-эстетических взглядов средневековых филологов. На примере главного сочинения Ибн Рашика «ал-`Умда фи махасин аш-ши`р ва адабих ва накдих» автор также подробно рассматривает его литературно-эстетические воззрения и определяет его роль в развитии арабской поэтики.

Монография арабиста Умридина Юсуфова под названием «Взаимовлияние поэтики Араба и Аджам в IX-XV вв.» [131] относится к числу фундаментальных исследований, которая охватом широкого круга вопросов и научных направлений, огромного пласта достоверных научных источников, восполняет существующий пробел в литературоведении. Данная работа является первой попыткой определения влияния арабоязычной поэтики на персидско - таджикские теоретические воззрения и литературные эстетические ценности персидско-таджикской теории литературы на базе системного анализа средневековых источников Араба и Аджам. В этом исследовании, проведенном на базе изучения и обобщения авторитетных источников, научных концепций отечественных и зарубежных литературоведов, автор демонстрирует самостоятельность суждений в ходе рассмотрения и анализа основополагающих проблем литературоведения.

Подытоживая сказанное, можно говорить о достойном вкладе ученых-арабистов Таджикистана Таджиддин Мардони, Абдушукур Абдусаттор, Низомиддин Зохиди, Умеда Гафарова, Фахриддин Насриддинов, Умридин Юсуфов и других в развитии таджикско-арабских литературных связей.

Краткое освещение и анализ работ этих ученых по исследуемой проблеме показывает, что таджикские арабисты в основном стремились охватить средневековые персидско-таджикские и арабские литературные взаимосвязи.

1.3 Таджикско-арабские литературные взаимосвязи в советский период

В советский период интенсивно стали развиваться многоаспектные взаимосвязи и взаимодействия между арабскими странами и Республикой Таджикистан. В частности, в этот период значительно расширились таджикско-арабские литературные и культурные связи. Свидетельством тому является цитата из книги «Международные отношения Таджикской ССР» (Душанбе, 1965 г.): «В феврале 1944 года согласно закону, принятому Верховным Советом СССР, в Конституцию СССР была добавлена 18-ая статья, в соответствии с которой союзные республики имеют право самостоятельно выходить на международную арену при условии, что установление общих принципов выполнения внешнеполитических функций союзных республик остается на усмотрение СССР» [9, 3-4]. Аналогичная статья была принята и в Конституции Таджикской ССР: «Статья 16. Таджикская Советская Социалистическая Республика имеет право иметь непосредственные отношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры и направлять в иностранные государства дипломатических и консульских представителей и принимать их представителей» [9, 3-4].

Таким образом, на основе указанных законодательных актов в советские времена стали устанавливаться политические, культурные и литературные связи Республики Таджикистан с арабскими странами.

Как известно, теоретические основы и методология исследования востоковедения заложены в научно-исследовательских работах таджикских ученых С. Айни, Б. Гафурова, А.М. Бахауддинова, А.М. Мирзоева, М.Д. Диноршоева, а также русских исследователей и востоковедов – В.В.Бартольда, Е.Э. Бертельса, С.Ф. Ольденбурга, А.А.Семенова, М.Е.Андреева и других. В трудах этих ученых обсуждаются различные вопросы таджикской истории, культуры и философии, и народов соседних

стран Ближнего Востока. С развитием востоковедения в Таджикистане стало постепенно расширяться и направление арабистики [69, 5].

«До конца пятидесятих годов XX века в Таджикистане не было востоковедческого центра и развитию арабистики как научного направления не уделялось должного внимания, не были даже созданы научно-исследовательские базы и площадки для подготовки отечественных кадров в этой области науки. Лишь в 1958 году на основе сектора таджикской классической литературы и восточных рукописей ИЯЛ АН Таджикской ССР был создан Отдел востоковедения и письменного наследия Института языка и литературы при Президиума АН ТССР». [69, 6].

Наряду с открытием отдела востоковедения и письменного наследия, в том же году на историко-филологическом факультете Таджикского Государственного университета была открыта кафедра восточных языков с отделениями персидского и арабского языков. Первым руководителем этой кафедры стал академик А. Мирзоев, под руководством которого осуществляли свою педагогическую деятельность первые преподаватели арабского языка и литературы Хасан Ибрахим ан-Наккаш, Владимир Павлович Демидчик, Матин Хусейнзаде и др.

В 1970 году отделение востоковедения и письменного наследия было преобразовано в Институт востоковедения, который состоял из шести отделов, включая отдел арабистики.

Таджикскую арабистику невозможно представить без обширных исследований известных ученых и востоковедов советского периода и периода независимости Таджикистана, таких как Владимир Павлович Демидик, Матин Хусейнзаде, Ибрагим Наккош, Наима Каххарова, Таджиддин Мардони, Абдушукур Абдусаттор, Низомиддин Зохиди, Абдулло Юлдашев, Комил Мусофиров, Халим Муминов, Саидрахмон Сулаймони, Фия Исаева, Турдихон Бердиева, Саида Шукроева, Фарход Дехоти, Саиднуриддин Шахобуддинов, Мухаммаджон Умаров, Файзулло Бобоев, Умеда Гафарова, Рухшона Восиева, Нурулло Гиясов, Фахриддин

Насриддинов, Ситам Рахимов, Эркин Рахматуллоев, Умриддин Юсуфов, Хусрав Нозири, Акрам Карими, Мархабо Раджабова, Асрориддин Эмомов, Насим Хамробоев, Комил Бекзода, Сафарбой Гаибов, Санавбар Худойдодова, и др., труды которых стали важной вехой в деле изучения арабистики как научного направления, заложили почву для развития научного и читательского интереса к этой области науки и сформировали основные направления исследования ее проблем.

В действительности, таджикско-арабские взаимоотношения в области культуры и литературы, получили развитие в советские времена, когда таджикская литература была представлена арабскому миру, и арабская литература стала предметом изучения таджикских ученых.

Известные таджикские писатели и поэты советского периода С. Айни, М. Турзунзаде и Дж. Икрами относятся к числу деятелей культуры и науки, чья деятельность и цивилизаторские устремления способствовали укреплению и продвижению межкультурного диалога таджикского народа с другими странами и народностями, в том числе таджикско-арабских литературных связей. Благодаря этим сыновьям отечества не только арабские страны, но и весь мир познакомился с наукой, высокой культурой и цивилизацией таджиков. Перевод уникальных творений этих художников слова на арабский язык и их издание в арабских странах, позволили арабскому читателю, уже знакомому с наследием персоязычных литераторов, познать новые грани таджикской культуры и познакомиться с современным Таджикистаном.

В данном разделе на основе изучения и обобщения огромного корпуса материалов, собраны интересные данные о произведениях С. Айни, М. Турсунзаде и Дж. Икрами, переведенных на арабский язык и, тем самым, подробно представлен культурологический аспект развития интереса арабской интеллигенции к таджикской литературе и к самой республике, первые шаги, которого были предприняты еще в советский период истории страны.

1.3.1 Вклад Таджиддина Мардони в исследование таджикско-арабских литературных взаимосвязей советского периода

Факторы и предпосылки развития таджикско-арабских литературных связей рассмотрены в исследованиях таджикского арабиста Таджиддина Мардони, признанного одним из ведущих специалистов как в области исследования средневековых персидско-таджикских и арабских литературных взаимосвязей, так и межкультурных взаимосвязей и взаимодействий таджикского и арабского народов в советский, постсоветский и современный периоды, о чем свидетельствуют его работы «Страницы из арабско-таджикских литературных взаимосвязей», «Арабско-таджикские литературные связи», «Народы Востока в произведениях Садриддина Айни» [75] и др. Так, в одной из своих статей под названием «Арабистика Таджикистана в советский период» [62] ученый представляет подробную информацию о становлении и развитии таджикской арабистики, получившей развитие еще в советские времена.

Вопросы изучения таджикской литературы в арабском мире также стали предметом изучения исследования Т. Мардони, в котором ученый, подвергая научному осмыслению, первые статьи арабских ученых о Таджикистане, приводит такие сведения: «Например, в двух номерах газеты «Ат-Таахи» в 1975 году опубликована статья иракского литературоведа Махди Хашима ан-Наджафи, под названием «Несколько дней в советском Таджикистане», а в центральной газете Йеменской Республики «Ас-Саури», в январе 1979 года опубликована статья йеменского журналиста под заголовком «Памир...Снег... Страна таджиков...»[74, 128]. Несомненно, такие статьи предоставили арабскому миру возможность познакомиться с родиной и многовековой уникальной культурой таджикского народа.

В этой связи следует отметить статью Т. Мардони – «Современная таджикская литература в арабском мире», [74] в которой отражены первые шаги культурных взаимоотношений таджикского и арабского народов в

советское время, о которых сам автор высказывается следующим образом: «Первое знакомство с Таджикистаном для арабов начинается с небольших новостей и статей, опубликованных в популярных газетах и журналах разных арабских стран. Этому знакомству в некоторой степени способствовали статьи о Советском Таджикистане в ряде газет и журналов, которые издавались в различных арабских странах» [74, 128].

Как было отмечено ранее перевод произведений таджикских литераторов, таких как С. Айни, М. Турсунзаде, Дж. Икромии, и их широкое общественная деятельность в деле укрепления дружбы между народами способствовали развитию таджикско-арабских литературных связей советского периода.

В связи с этим в нижеследующих подразделах анализируются наиболее важные труды таджикского арабиста Т. Мардони, исследования, которого аккумулировали весь опыт таджикско-арабских литературных связей советского периода и традиции их восприятия, в частности значения творческой деятельности С. Айни, М. Турсунзаде, Дж. Икромии в развитии диалога культур.

1.3.2 О книге «Народы Востока в произведениях Садриддина Айни»

Известный таджикский поэт и прозаик Садриддин Айни уделял пристальное внимание судьбам и истории народов Востока, в особенности, арабскому языку и литературе, традиции и устои, в которых он смог реалистично отобразить в своих произведениях. В этой связи, вклад этого художника слова, произведения которого, переведены на арабский язык, стали предметом изучения Т. Мардони в его книге «Народы Востока в произведениях Садриддина Айни» [75], в которую вошли статьи о переводах произведений Айни на арабский язык, особенностях отражения образов представителей арабского народа в его произведениях, а также статьи о

популярности и значении С. Айни на арабском Востоке, о степени изучения его деятельности и творческого наследия арабскими учеными и т.д.

Согласно заключениям ученого, первым шагом в укреплении таджикско-арабских отношений в советское время стало издание арабского перевода «Воспоминаний» («Ёддоштхо») С. Айни, которое было осуществлено в 1957 году в Бейруте (Ливан) арабским литературным критиком Ахмадом Абу Саадом и приобрело большую популярность среди читателей и литературоведов арабского Востока. Вскоре, после ее издания в ливанском журнале «аль-Адиб» (№9, 1957 г.) была опубликована научно-критическая статья под названием «Зикро Айни халидатун» («Имя Айни бессмертно»), в которой автор, в ходе рассмотрения жизни и творчества С.Айни, достоинствах перевода его произведений на арабский язык и переводческих ошибках в нем, устанавливает параллели в условиях жизни простых людей, описанных в произведении, с условиями быта и жизни арабов в сельских и городских местностях» [75, 9]. Сам факт обращения ливанского писателя и других литературоведов к изучению «Воспоминаний» («Ёддоштхо») [174] С.Айни, является доказательством возрастания заинтересованности арабского читателя к творческой личности этого известного писателя.

Наряду с воспоминаниями, было уделено внимание и переводу других произведений С.Айни. Так, в 1964 году в издательстве «Прогресс» была издана его книга «Коротко о моей жизни» [175] в арабском переводе известного арабского ученого Гоиба Ту'ма Фармана под названием «Сафахот ан хайати» (Музаккарот) [234]. Перевод этого произведения был осуществлен на основе русского перевода этого произведения, изданного в 1958 году по случаю 80-летия С.Айни. В своей статье «Об арабском переводе одного произведения Айни» [66] ученый, оценивая степень коммуникативной равнозначности оригинала и перевода, отмечает: «Следует отметить, что русский перевод не лишен некоторых ошибок. Поскольку русский перевод текста не был еще изучен, нам пришлось сравнить его с

арабским переводом исходного текста. Оказалось, что ошибки в русском переводе неизбежно привели к упущениям в арабском переводе произведения. Однако, некоторые ошибки в арабском переводе допущены самим Фарманом» [66, 67-68]. Таким образом, в данной статье Т. Мардони все переводы указанного произведения, изданные на трех языках: «Мухтасари тарчумаи холи худам» - на таджикском языке, «С.Айни. Коротко о моей жизни» - в русском переводе М. Занда (Сталинабад-1958)» и «Сафхот ан хайати» ((Музаккарот), Дор-ут-такаддум, 1964), в арабском переводе Гаиба Ту'мы Фармана, подвергнуты сопоставительному анализу, в результате которого ученый приходит к следующему заключению: «В новом русском переводе этого произведения, сделанном И.С.Брагинским, устранены указанные выше недостатки первого русского перевода. Было бы лучше в ходе перевода «Мухтасари тарчумаи холи худам» на арабский язык обратиться к этой русской версии перевода. Во всяком случае, недостатки арабского перевода этого произведения Айни не умаляют его ценности и значения» [66, 75].

В 1978 году в московском издательстве «Прогресс» был издан арабский перевод книги С. Айни – «Бухара», состоящий из двух частей «Ёддоштхо» («Воспоминаний») и «Марги судхур» («Смерть ростовщика»). Согласно сведениям Т. Мардони, предоставленным в статье, «имя переводчика в переводе нигде не упоминается» [75, 76] и, к сожалению, этот факт до сих пор остается нераскрытым. Перевод этого произведения также был осуществлен на основе русских переводов этих произведений и это обстоятельство обусловило допущение переводческих ошибок в арабском переводе. В частности, незнание переводчиком заимствованных таджикским языком арабских слов и выражений, которые в русском языке имеют иное произношение, стало причиной переводческого несоответствия исходного и переводного текстов. Вместе с тем, в целом в переводе рассказов С.Айни переводчику удалось добиться высокого уровня эквивалентности и

обеспечить передачу экспрессивно-стилистических и модальных аспектов содержания оригинала.

Повесть «Смерть ростовщика» (موت المرابي) [235]- С. Айни был также переведена на арабский язык и издана в 2003 году в Каире Мухаммедом Алауддином Мансуром и Абдулхафизом Якубом Хаджабом. Знакомство с переводами произведений С.Айни убеждает в том, что большинство произведений писателя были переведены талантливыми арабскими переводчиками и знатоками таджикского языка и литературы. Кроме того, литературоведческому анализу историко-художественной ценности произведений С. Айни уделили внимание и ряд известных арабских ученых. Например, иракский литературовед Джалил Камалуддин обращает внимание на изучение творческой личности С.Айни, и высказывает по этому поводу ценностные мысли, которые нашли отражение в его статье под названием «Садриддин Айни», приуроченной к 90-летию писателя и опубликованной в ливанском журнале «аль - Одоб». [75, 21].

Творчество семнадцати таджикских поэтов, в том числе С. Айни, Лахути, Мирзо Турсунзаде, Мирсаида Миршакара, Пайрава Сулаймони, Хабиба Юсуфи, Абдусалома Дехоти, Боки Рахимзаде и др. освещены в работе другого иракского литератора Хусейна Али Махфуза. В одной из глав своей работы «Асар ал-луга аль-арабия фи-л-луга ат-таджикийя» («Влияние арабского языка на таджикский язык»), изданной Иракской Академией наук в Багдаде в 1964 году, исследователь подчеркивает, что четверть слов выражений, используемые в произведениях С. Айни, составляют арабские лексемы[65, 130].

В действительности, то, что С. Айни был хорошим знатоком арабского языка ясно прослеживается в его дореволюционных произведениях. В этой связи представляет интерес статья Т. Мардони «Устод Айни и арабский язык», [77] в которой ученый рассуждает о первом знакомстве С. Айни с арабским языком во время учебы в медресе, о беседах С. Айни на арабском языке с иностранцами в период его пребывания на

посту президента Академии наук Республики Таджикистана, об использовании писателем арабских пословиц и поговорок в «Воспоминаниях» и т.д.

Т. Мардони в данной книге приводит сведения и об исследовании, проведенном доктором Абдулваххабом Аллубом относительно вопросов творческого наследия С.Айни, в частности, о его статье «Ривояту «Мавт муруби» ли-л-котиб ат-таджики Садриддин Айни (1878-1954). Диросатун тахлилия» («Повесть «Смерть ростовщика» таджикского писателя Садриддина Айни (1878-1954). Аналитическое исследование»), изданном в одном из номеров журнала филологического факультета Каирского университета [65, 133].

Таджикский арабист Саидрахмон Сулаймони также высказал свои мысли об особенностях арабского перевода произведений писателя в статье «Перевод и исследование повести «Смерть ростовщика» устода С. Айни на арабском языке» [117, 351], изданном в его книге «Чихил макола» (Сорок статей) [115].

Научные положения арабского литературоведа А. Аллуба относительно адекватного перевода повести «Смерть ростовщика» на арабский язык также рассмотрены С.Сулаймони в статье «Взгляд на перевод «Смерти ростовщика» Садриддина Айни в арабской литературе» [116, 363].

Следует отметить, что перу арабского ученого А.Аллуба принадлежат также две статьи по вопросам таджикской истории, культуры и поэзии: 1) «Бахсун фи та'рих ат-таджик мин ал-карн ас-содис ашара ила кийам ад-давла» (Спор об истории таджиков с XVI века до установления их государства) объемом в 55 печатных страниц; 2) «Аш-Ши'р ат-таджик мин 1917 ила 1960» («Таджикская поэзия с 1917 по 1960 год»), объемом в 32 страниц печати; [75, 25]. Эти и другие вопросы, связанные с исследованием и переводом произведений С.Айни арабскими учеными и переводчиками, нашли всестороннее освещение в книге таджикского арабиста Т.Мардони - «Народы Востока в произведениях Садриддина Айни», которая содержит

анализ и обобщение опыта арабских лингвистов в деле изучения и научного осмысления творческой личности С. Айни.

О значимости этого труда в исследовании проблем литературных связей арабского и таджикского народов У. Гафарова в своей статье «Ценностные исследования в области арабско-таджикских литературных взаимосвязей» отмечает: «Знакомство с этим сборником статей показывает, что исследования, проведенные Таджиддином Мардони по вопросам айниведения, в особенности, изучение творчества С. Айни в арабской литературе и литературоведении, сравнительный анализ близких по содержанию произведений таджикского писателя с произведениями арабоязычных писателей, а также значение переводов его произведений для арабского языка – все это удостоверяет значение и ценность его трудов в таджикском литературоведении, в особенности, в сравнительном литературоведении [24, 210].

Высоко оценивает данное исследование и Саидрахмон Сулаймони: «Следует отметить, что таджикский арабист Т. Мардони не ограничился определением литературной и культурной ценности произведений С. Айни в арабской литературе, и подвергая анализу факторы популяризации произведений писателя среди арабских читателей и исследователей и качество переводов его произведений на арабский язык, высказывает ценные научные суждения. В этой связи, сборник, подготовленный Т. Мардони, в современной таджикской арабистике, можно назвать своего рода окном познания современной таджикской литературы в арабской словесности» [113, 6].

О значимости творческой и общественной деятельности С. Айни в развитии межкультурного диалога таджикского и арабского народа таджикский деятель науки и культуры М. Турсунзаде в своей поэме «Вечный свет» приводит следующие строки:

“Ба рӯяи нур бинам, барқ бинам, / Хувайдо саргузашти Шарқ бинам. /

Чу Айнӣ Шарқ асиру бенаво буд - / Ба зери чоҳи зиндон Осиё буд. /
Кунун Шарқи куҳан бедор гаштаст, / Ба озодипарастон ёр гаштаст”
 [210, 260].

*Перевод С. Липкина: Он тысячи сердец к себе привлек, / Не в нем ли
 воплощается Восток? / Как он, Восток бесправен был и слаб, / На дно
 темницы брошен был, как раб. / Но вот свободы свет к нему проник, / И
 молодость обрел Восток – старик* [206, 224].

Таким образом, труды Т. Мардони имеют большое значение для развития науки арабистики, поскольку в них освещаются малоизученные страницы и аспекты таджикско-арабских литературных связей и содержатся концептуальные методологические положения по проблемам литературных связей таджикского и арабского народа. Его труд «Народы Востока в произведениях Садриддина Айнаи», охватывающий проблемы, связанные с изучением роли и значения творчества С. Айнаи в развитии таджикско-арабских литературных связей, является ценным источником, представляющим самостоятельный интерес для специалистов как в области айниведения, так и литературных взаимосвязей.

1.3.3 Роль Мирзо Турсунзаде в укреплении таджикско-арабских литературных связей

Таджикский поэт Мирзо Турсунзаде, известный во всем мире как неустанный борец за мир и справедливость, на посту Председателя Советского Комитета солидарности стран Азии и Африки, проводил широкую деятельность по развитию и укреплению межкультурных связей со многими странами мира, в частности со странами Азии и Африки.

О значимости его деятельности в развитии дружественных отношений с восточными странами таджикский литературовед Мирзо Муллоахмад в своей книге «Мирзо Турсунзаде – певец Востока» (Мирзо Турсунзода-вассофи Шарқ) [82] говорит следующее: «Мирзо Турсунзаде,

познакомившись во время поездок с жизнью в большинстве стран этого континента, в своих стихотворениях, таких как «Сестра моя, Африка», «Пусть все говорят – Лумумба» и др. описывает их борьбу за свободу. Еще в поэме «Голос Азии» поэт говорил о пробуждении Африки: *Осиё ҳамроҳи Африқо сухан оғоз кард, / Бо ду дасти худ дари иқболи худро боз кард*”. [82, 18].

Перевод С. Липкина: «В старой Азии много сказаний, / Много песен она сохранила, / Вместе с Африкой, смуглой сестрою, / Нам поведала летопись Нила» [206, 207].

В поэме «Сестра моя, Африка» освободительное движение арабского мира отражены поэтом в эмоционально-экспрессивной окраске:

*Пурс акнун, / Кист дорои Ватан? / Қоҳира аз ҷой бархезад, ки: - Ман!
/ Кӣ кунад бо ғайр ҷанги сафишкан? / Алҷазоир хуни худ резад, ки: - Ман!*” [209, 27.]

Перевод С. Липкина: Ты спроси: кто работает, к братьям любви не тая? / И Каир выступает вперёд: “Это я, это я!” / Кто решил, чтобы сделались вольными предков края? / И Алжир непреклонный встает: “Это я, это я!” [206, 131].

Свои поездки в арабские страны, куда он часто приезжал, поэт описывает в своём стихе «Ду роҳ» (Две дороги) следующими строками: *“Роҳи Куръону Мадоин, роҳи дин, / Роҳи зарҷўяндагон то Ҳинду Чин. / Роҳи Фиръавну раҳи пайгамбарон, / Роҳи Нилу Даҷлаи аз хун равон.../ Мепаридем аз сари чандин диёр, / Аз сари Байтулмақаддас шўълавор, / Аз сари хоки Фаластину Ироқ- / Дашту сахроҳои майдони нифоқ” [65, 169].*

Перевод С. Липкина: «Мы летели над черной дорогой бед и пороков, / Над путём фараонов и ветхозаветных пророков. / Мы летели – и нам открывались развалины Мекки, / Ассирийские идолы и вавилонские реки. / Мы летели над Тигром седым, над безмолвьем Ефрата, / Над землей опаленной, где брат нападает на брата. / Мы, как радостный луч, просияли

безрадостным странам, / Пролетев над Багдадом, Мединою и Тегераном».
[206, 105]

В статье «Мирзо Турсунзаде и арабский мир» [76] Т.Мардони, рассматривая плодотворную деятельность поэта на пути к миру, анализирует его статью «Факел мира», в которой он делаясь со своими впечатлениями от поездок в Каир и участия на Конференции солидарности народов Азии и Африки, состоявшейся 23 декабря 1957 г., в первую годовщину победы Египта над британскими, французскими и израильскими оккупантами в Порт - Саиде, говорит следующее: «О том, как дело справедливости на земле пронизывает народы Азии и Африки, мы можем понять из работы конференции, прошедшей в Каире» [76, 182].

Также впечатляюще рассказывает М. Турсунзаде и о своей поездке в Дамаск: «Я недавно вернулся из Дамаска, родины «Тысячи и одной ночи», тысячи и одной сказки о безграничных возможностях человека, о его величии и статусе на земле...» [76, 183].

Отношение поэта к странам Востока, особенно к арабскому народу и арабскому языку, ярко отражено в его поэтических сочинениях. Более того, в его поэзии прослеживается мастерское использование арабских слов и выражений, примером чему является его стихотворение «Салламно», которое в переводе с арабского означает «Наше приветствие»: “...*Ба туву мардҳои майдонат, / Аз дилу ҷон салому салламно! / Ҳам бар миробу бар раисонат / Шарафу эҳтиромуму салламно!*” [210, 43].

Подстрочный перевод: Тебе и твоим героям, / От всего сердца салам и салламно! / И мирабам, и раисам / Мое почтение и салламно!

Следует отметить, что поэт также в стихотворении «Савганд» (Клятва) поэт приводит строки о «Ночи Предопределения» (Ляйляту-л-Кадр), о которой говорится в Священном Коране в суре «аль - Кадр» (Могущество, Предопределение):

“Солҳои сол / мегуфтанд мардум, ки: / ба мо / Бахту шодӣ мерасад / аз лайлатулқадр, - / аз қазо. / Дар шаби торик / Нурафшон / Гузар хоҳад

намуд, / Аввали шаб, / Нисфи шаб, / Майли сафар хоҳад намуд. / Шакли он гирд аст, / Рӯяи мисли оташпорае, / То саҳар бедор хобӣ, / Гар кунӣ наззорае. / Метавонӣ дид онро, / Мақсадат иҷро шавад, / Ҳар чиро ки даст гирӣ, / Ҷо ба ҷо тилло шавад” [210, 85].

Перевод С. Липкина: Мне седое поверье поведали старые люди. / Это сказка о счастье, мечта о богатстве, о чуде. / Говорили мне, будто заметили в нашем народе, / Что горит иногда чудо – свет на ночном небосводе, - / В бездне блестящих звезд угольком пламенеет горящим, / Только редко он виден и людям, и птицам парящим. / Тот, кто взором найдет чудо – свет на сверкающем небе, / Навсегда обретет удивительный, радостный жребий: / Все предметы, которых счастливцев коснется рукою, / Станут золотом ярким, заблещут казной дорогою... [206, 60].

Из этих строк явствует, что поэт был хорошо осведомлен о понятиях и значениях Корана и питал особое уважение к арабской культуре и цивилизации. Арабские друзья поэта также испытывали к поэту большое уважение и почитали его за высокую культуру, нравственность и человеческие качества. В связи с этим Мардони пишет: «...Свидетельством такого уважения и почитания является статья, опубликованная Саадия Хишомом, через несколько недель после смерти поэта в сирийской газете «аль-Баас», под заголовком «Последнее лето Мирзо Турсунзаде» (18 октября, 1977), в которой он так описывает личность М. Турсунзаде: «Он всегда защищал воспрянувший и связанный со всеми мировыми событиями Восток, и пресекал всякое эгоистичное и ошибочное представление о застое на Востоке и его слабостях, отсталости в развитии и от мировых процессов» [76, 181].

М. Муллаахмад о проявлении арабскими учеными и литераторами интереса к жизни и творчеству М. Турсунзаде говорит следующее: «Не случайно суданский поэт Абдурахман Гулди высоко оценивает поэзию поэта, посвященную Африке, и говорит от имени своих соотечественников: «Мы, сыны Африки, хорошо знаем Мирзо Турсунзаде. Его имя символизирует

борьбу народов Азии и Африки, а его пламенная поэзия согревает наши сердца, вселяет в нас надежду и призывает к борьбе» [82, 20].

Следует отметить, что Мирзо Турсунзаде был знаком с многими арабскими поэтами, в частности с Муином Бсису, Ламия Аббасом, Бахр аль-Улумом и др. По словам Т.Мардони: «О тесных связях Мирзо Турсунзаде и его дружеских отношениях с Мухаммадом Салихом Бахр аль-Улумом (известным иракским поэтом) и другими представителями различных слоев иракского народа, свидетельствует огромное количество писем, телеграмм и приглашений, а также книги, подаренные ими с автографами» [76, 175].

Йеменский писатель Фарук аль-Хакими, руководивший Организацией африканского единства, так отзывается о значимости деятельности поэта в процессе укрепления мира: «Мирзо Турсунзаде хорошо известен в арабском мире как активный поборник идей мира и социализма. Своим безграничным и чутким сердцем он хорошо чувствовал горести и радости простых людей, и прилагал все усилия, чтобы помочь им обрести счастливую жизнь» [76, 168]. Несомненно, Мирзо Турсунзаде был весьма популярен в арабском мире, доказательством чему являются многочисленные переводы его произведений арабскими писателями. «Первым поэтическим сочинением М. Турсунзаде, переведенным на арабский язык известным арабским поэтом Абдул Ваххабом аль-Баййати, является поэма «Голос Азии», опубликованная, по словам В.П.Демидчика, в ливанском журнале «Ат-Тарик» и перепечатанной в газете «Маориф ва маданият» от 25 ноября 1961 г., в которой, к сожалению, не приводятся сведения о дате выхода и номере журнала» [76, 189].

После публикаций арабских переводов поэтических сочинений М.Турсунзаде в журналах и газетах арабского Востока, тема творчества этого незаурядного поэта Таджикистана была вовлечена арабскими литературоведами в орбиту своих научных исследований. Так, арабскими переводчиками Махир Асал и Абу Бакр Юсуфом был осуществлен перевод стихов 17 известных советских поэтов с русского на арабский язык, которые были опубликованы в августе 1973 года бейрутским издательством «Дар аль-

Араб». Подчеркивая значение художественного перевода в укреплении таджикско-арабских литературных взаимосвязей, в частности переводов поэзии стихотворцев современности, в своей статье «Современная таджикская литература в арабском мире» Т. Мардони приводит следующие сведения: «Сборник называется «Хамсин касида суфйетия» («Пятьдесят советских поэм»). Издание этой книги инициировано известным ливанским писателем Сухайлом Идрисом. Из стихотворений Мирзо Турсунзаде в сборник вошли только два его стихотворения – «Твои глаза», «Вершины» и поэмы «Сестра моя, Африка» [74, 136-137].

Таджикскому арабисту Назрулло Назару принадлежит арабский перевод поэм М. Турсунзаде – «Земля» и «Довольно этого», изданные в разное время издательствами «аль-Маджалла ас-суфйетия», «аш-Шабаб ас-Суфйети», «Анба Моску» [74, 136].

Кроме того, Н. Назар в своей книге «Парокандабаргхо» («Рассыпанные листья»), изданной в Каире в 2017 году, приводит арабский перевод поэтических сочинений М. Турсунзаде и девятнадцати таджикских поэтов современности таких как Мирсаид Миршакар, Мумин Каноат, Лоик Шерали, Бозор Собир, Гулназар, Гулрухсор, Фарзона, Аскар Хахим, Низом Касым, Кутби Киром, Мавджуда Хакимова, Хадиса, Мехринисо, Зульфия Атои, Камол Насрулло, Доро Наджат, Рахмат Назри, Исфандиёр и Бури Каримов.

Также из поэзии М. Турсунзаде на арабский язык переведены поэма «Дорогая моя» («Галияти») и стихотворение «О, сердце мое» («Йа фуади»). Следует отметить, что в целом, перевод поэмы «Дорогая моя» Н. Назаром осуществлен на высоком уровне. Название поэмы переведено вольным способом, и избрание переводчиком слова «Галияти», обозначающий на таджикском языке – «моя драгоценная», обусловлено тем, что использование близких по значению слов «Рухи» (моя душа), «Хилви» (сладкая) или «Рухул-хилв» (сладкая душа), придали бы названию некоторую двусмысленность, поскольку выражение «рухул-хилв» имеет в арабском языке несколько

значений, а слово «рух» в Коране приводится в значении второго имени ангела Гавриила. С этой точки зрения, использование Н. Назаром слова «Галияти» является правильным переводческим решением. Следует отметить, что в русском языке название книги поэмы М. Турсунзаде «Чони ширин» также переведено свободным стилем – «Милая моя» [209] и «Дорогая моя» [206].

В своем исследовании мы попытались провести сопоставительный анализ исходного текста с текстом арабского перевода: «*Чони ширин, ин қадар қангам макун, / Ин қадар беҳуда дилтангам макун*» [209, 47].

Перевод С. Липкина: Дорогая моя, не сердись на меня, / Неповинного мужа напрасно браня. [206, 227].

На арабский язык этот отрывок переведен следующим образом:

أُتْرُكِي غَالِيَتِي هَذَا الْعِتَابُ / وَأَقْبَلِينِي بِكَلِمَاتٍ عَذَابٍ. [241, 32]

Дословный перевод которого с арабского является таковым: «*Дорогая, оставь эти упреки, / И прими меня и мои мучительные слова*». Сопоставительный анализ исходного и переводного текстов показывает, что первая строка переведена дословным способом, в переводе второй же строки наблюдается переводческое несоответствие, поскольку таджикская лексема «дилтанг» в арабском языке не имеет аналога, и соответствием ему в данном языке может быть арабское словосочетание ضاقت قلبه (ее сердце сжалось), использование которого в переводе нарушило бы ритмику и строй стиха. С этой точки зрения, подбор Н. Назаром, подходящей по семантическому компоненту контекстуальной замены, является правильным переводческим решением.

Степень адекватности данного перевода подтверждается и тем, что в арабском переводе стиха сохраняются мотив и мелодичность, присущие поэме «Чони ширин» М.Турсунзаде. Преимуществом данного перевода является и мастерское использование переводчиком художественных средств выражения, в частности поэтических фигур *тавсиф* и *ташбих*. Например, для передачи выражения «чони ширин», использует описательный способ

перевода, то есть тавсиф и передает посредством лексемы «галияти», означающее «моя драгоценная». Текстологический анализ исходного и переводного тестов показывает, что перевод первого и третьего бейтов осуществлен вольным способом, а второго – дословным: *«Гашта-гашта дар сафар, боз омадам, / Боз дар наздат ба парвоз омадам, Ҳар кучо, ки хоб кардам, хестам, / Ҳар кучо, ки буд ҷои зистам. / Ин дили ман манзили ёди ту буд, / Ёди руи хуснободи ту буд»* [209, 47].

Перевод С. Липкина: Колесил, колесил я по шири земной, / И опять я с тобой, я вернулся домой. / Где бы я ни ложился и где б ни вставал, / Где бы ни был мой краткий приют и привал, - / У тебя постоянное было жильё, / То жильё – беспокойное сердце мое. [206, 227].

ها أَنَا جِئْتُ إِلَيْكَ مِنْ جَدِيدٍ / مِثْلَ ضَيْفٍ بَعْدَ تَجَوَّالٍ مَدِيدٍ.
 حَيْثُمَا كُنْتُ أَنَا فِيهِ الْمُقِيمِ / حَيْثُمَا اصْبَحْتُ أَنَا الضَّيْفَ الْكَرِيمِ.
 كَانَ هَذَا الْقَلْبُ مَشْدُودًا إِلَى / وَجَنَّتَيْنِ مِنْهُمَا الْقُرْبُ حَلَا [241, 32].

Подстрочный перевод арабского текста выглядит следующим образом: *«Вот опять я вернулся к тебе, / Как гость после долгих странствий / Где бы я не проживал / Где бы я ни был знатным гостем. / Это сердце стремилось к тем двум ланитам, что / Приближение к ним станет усладой».*

Как видим, в стихотворении М.Турсунзаде использованы аллегории, однако, в переведенном варианте их не видим. Так, аллегорическое выражение «ба парвоз омадам» (примчался на крыльях), переведен посредством словосочетания, означающего «боз ба наздат баргаштам», что адекватен названному выражению. Принимается и оригинальная рифмовка при переводе этого стихотворения. Более того, в тексте оригинала поэтом с целью уподобления сердца родному дому и пристанищу применяется художественный прием *ташбих*, однако в переводе данный художественный троп не находит отражение. Конечно же, в переводе художественных произведений, в особенности поэтического текста, в отличие от научных и религиозных, где требуется предельная точность, допускается вольный

перевод, поскольку в поэзии добиться полной передачи стиля писателя не всегда представляется возможным.

Таким образом, текстологическое сравнение способов передачи слов и выражений предложений, относящихся к различным регистрам языка, показывает, Н. Назару удалось в переводе поэмы передать всю красочность образного мышления поэта, его поэтику и ритмико-интонационные особенности поэтического текста.

Несомненно, произведения М. Турсунзаде заслуживают широкого представления мировому сообществу, которое можно осуществить посредством художественного перевода на различные языки, поскольку гуманистические идеи этого певца мира и свободы, вступая в диалог с людьми различных национальностей, призывают их к добру и человечности.

К сожалению, в рамках одного раздела невозможно охватить все аспекты этой темы. Несмотря на то, что изучению жизненного и творческого пути М.Турсунзаде посвящено бесчисленное количество исследований и научных работ, некоторые страницы его жизнедеятельности все еще нуждаются в более масштабном научном осмыслении. В этом подразделе мы пытались определить место М.Турсунзаде в развитии таджикско-арабских литературных связей в советскую эпоху.

1.3.4 Арабский перевод книги «Дочь огня»

Известный таджикский прозаик Джалол Икрами прославился в арабском мире благодаря роману «Дочь огня» [186], перевод которого на арабский язык был осуществлен известным арабским писателем Юсуфом Аббудом под названием «Ибнату-н-нор» [229]. Арабский перевод романа в 1980 году был издан ташкентским издательством «Прогресс» объемом в 575 страниц. Отмечая художественно-эстетическое значение арабского перевода романа Джалола Икрами, таджикский арабист Т. Мардони подчеркивает: «Несмотря на некоторые упущения и несоответствия, что не умаляют

ценности работы переводчика Юсуфа Аббуда, перевод совершенно адекватен и отражает содержание и дух произведения» [74, 134].

Примечательно, что на основе арабского перевода романа «Дочь огня» Дж. Икрами, бахрейнскими кинематографистами был снят телесериал под названием «Нийрон» из тридцати трех серий, который в дни месяца Рамадана транслировался по телевидениям Бахрейна, Кувейта, Объединенных Арабских Эмиратов и других арабских стран. Впервые фильм «Нийрон» показали по бахрейнскому телевидению в 2001 году. Несомненно, этот факт является предметом гордости каждого таджика, и свидетельствует о возрастании интереса арабского мира к таджикской литературе, в том числе к творчеству одного из крупных таджикских писателей, художественные воззрения которого смогли затронуть арабскую аудиторию. Сценарий к этому фильму на основе арабского перевода повести «Дочь огня», т.е. «Ибнату-н-нор» написал сценарист Амин Солах. Режиссером фильма является Ахмад Я'куб аль-Мукла. Фильм «Дочь огня» (Нийрон) в достаточно хорошем качестве представлен на сайтах «www.youtube.com» и «awaan.ae» [58, 7].

Таким образом, перевод романа Дж. Икрами и большой успех фильма, снятого по мотивам этого произведения, сыграли значимую роль в развитии таджикско-арабских литературных связей.

В целом, изучение и исследование динамики развития таджикско - арабских литературных взаимосвязей и особенностей их отражения в научных изысканиях Гаджиддина Мардони, убеждает в том, что ученым, сыгравшем с советских времен весомую роль в укреплении таджикско-арабских взаимосвязей, внесен достойный вклад в дело изучения проблем взаимосвязей двух народов.

ВЫВОДЫ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ

Таджикско-арабские литературные взаимосвязи, восходящие к древним векам истории развития таджикского народа, представляют собой один из актуальных направлений современного таджикского литературоведения.

Обобщение историко-литературных и научных источников, приведенных в данной главе, убеждают в том, что истоки таджикско-арабских взаимосвязей восходят ко временам Ахеменидов, и получили широкое развитие в период правления Сасанидов.

Следует отметить, что одним из факторов развития таджикско-арабских литературных связей, стало распространение исламской религии, поскольку именно это историческое событие способствовало обращению персов к письменности, языку, обычаям и традициям арабов, к тому же общественным и политическим деятелям вменялось обязательное владение арабским языком.

Развитие таджикско-арабских литературных связей в средние века привело к формированию литературного билингвизма, особенностью которого было создание произведений на двух языках: таджикском и арабском. Более того, популяризация арабского языка послужила основой для развития арабоязычной литературы, представители которой писали исключительно на арабском языке. Этот период длился два столетия (VIII-IX вв. до н.э.) и известен как «период безмолвия», в течение которого персидский и таджикский языки использовались литераторами редко.

Среди исследователей проблем развития средневековых таджикско-арабских литературных связей можно назвать имена Таджиддина Мардони, Абдушукура Абдусаттора, Низомиддина Зохида, Умеды Гафаровой, Фахриддина Насриддинова, Умриддина Юсуфова и др., научные труды которых представляют большую ценность для развития этой области литературоведения.

Научные изыскания названных ученых, исследующих проблемы эволюции таджикской культуры через призму таджикско-арабских литературных связей на материале наследий классиков персидско-таджикской и арабской литературы, удостоверяют в том, что их вклад в историю современного востоковедения и литературоведения значителен и достаточно весом.

Таджикско-арабские литературные связи получили новый импульс в советский период, когда арабские литературоведы, а также писатели и поэты обратились к изучению и познанию таджикской литературы и культуры. В этом плане перевод произведений мастеров художественного слова – С. Айни, М. Турсунзаде и Дж. Икрами на арабский язык носителями арабского языка и их издание в арабских странах, сыграли значимую роль в развитии и укреплении связей двух народов.

Следует отметить, что среди таджикских арабистов исследованию проблем развития таджикско-арабских литературных отношений советского периода, посвящены научные изыскания Тоджиддин Мардони, в частности его работы – «Страницы арабско-таджикских литературных связей», «Арабско-таджикские литературные связи», «Народы Востока в творчестве Садриддина Айни», в которых подвергаются исследованию различные аспекты развития и укрепления таджикско-арабских литературных связей в период советской власти.

Обобщая широкий спектр взглядов таджикского ученого Тоджиддина Мардони по проблемам арабистики, следует отметить, что благодаря его исследованиям были раскрыты многие неизвестные страницы таджикско-арабских литературных взаимосвязей.

В настоящее время в Таджикистане арабистика как научное направление получила широкое развитие. В работах современных таджикских арабистов рассматриваются различные аспекты, как лингвистики, так и литературоведения.

В этой связи в круг исследований таджикских литературоведов был вовлечен комплекс проблем, связанных с истоками, и факторами и предпосылками развития межкультурного диалога двух народов.

Фундаментальные исследования ученых, заложившие основу для концептуального исследования проблем этого научного направления исследования, в частности, таджикско-арабских литературных связей, заслуживают многоаспектного изучения и научного осмысления. Сегодня назрела необходимость всестороннего освещения и научной интерпретации научно-критических работ таджикских арабистов.

Таким образом, всестороннее исследование научных работ ведущих отечественных ученых и арабистов периода независимости, а также, зарубежных востоковедов, в исследованиях которых вопросы развития персидско-таджикских и арабских литературных взаимосвязей в той или иной мере нашли отражение, показывает, что в отечественном литературоведении все еще отсутствует работа, в которой глубоко и многопланово проанализировано историческое значение таджикско-арабских взаимосвязей периода независимости Таджикистана в контексте усвоения одной литературой художественного опыта другой и ускорения в целом литературного процесса.

ГЛАВА II. РАЗВИТИЕ ТАДЖИКСКО-АРАБСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ В ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ ТАДЖИКИСТАНА

2.1 Тема арабского сопротивления в таджикской поэзии

Одним из факторов развития таджикско-арабских межлитературных связей является обращение таджикских литераторов к проблематике политической и социальной жизни стран арабского Востока, таких как Палестина, Сирия и Ирак. Как уже упоминалось в первой главе диссертации, таджикский поэт Мирзо Турсунзаде в своих стихах очень чувственно и проникновенно передал боль, страдания, стремления и чаяния народов стран арабского Востока.

Таджикский литературовед Мухаммаджон Шукуров в статье «Тема зарубежного Востока в поэзии М.Турсунзаде» верно подметил: «Поэма «Садои Осиё» («Голос Востока») стала оружием в руках арабских сил сопротивления. Не случайно, что ливанский журнал «Ат-тарик» в скором времени опубликовал ее арабский перевод. Поистине, поэма «Голос Востока» стала бальзамом на рану многострадального арабского народа, придавшим ему силу в противостоянии, в борьбе с врагами и, несомненно, эта поэма дала мощный толчок передовой мысли арабского народа в борьбе с несправедливостью и гнетом на их родных землях» [129, 243].

Как уже упоминалось ранее, перевод «Голос Востока» осуществлен известным иракским поэтом Абдулваххабом ал-Баййати, который в период длительного пребывания в Советском Союзе, несколько раз приезжал в Таджикистан, где он познакомился с таджикской культурой и литературой, завязал дружбу с таджикскими литераторами, в особенности с поэтом М. Турсунзаде. Именно дружба с ним побудила его написать целый цикл стихотворений, посвященных современному Таджикистану.

Следует отметить, что наряду с ал-Баййати и М.Турсунзаде состояли в дружеских и литературных взаимоотношениях и многие другие арабские поэты. К примеру, иракский поэт Бахру-л-улум находился в постоянной переписке с М. Турсунзаде. Мухаммад Салех Бахру-л-улум также много раз приезжал в Таджикистан и воспел дружбу таджикского и арабского народов в одном из своих стихотворений под названием «Таджик, мы пришли, чтобы поприветствовать твоего поэта!» (تاجيک، جننا نحیی شاعراً فيک) [241, 197]. Из названия стиха ощущается, что речь идет об одном из таджикских поэтов. Несомненно, Бахру-л-улум, посвятил стихотворение родоначальнику персидско-таджикской литературы Абуабдуллаху Рудаки:

تفنى العصورُ وتبقى روحُ جعفرکم [241, 197].

В первой строке поэт именем Джафар упоминается Абуабдуллах Рудаки: *Века проходят, (но) дух Джафара остается с нами.* В другом бейте его стиха говорится:

أنا العراق وتمجيدى لشاعرکم // شعور شعبِ يواخي شعبَ تاجيک [241, 197].

Я (из) Ирака и воспеваю вашего поэта, / С народом таджиков у меня братские отношения.

Из приведенных выше строк можно понять, что иракский поэт поэтическим словом выражает свою любовь и искренние чувства таджикскому народу и основоположнику таджикской классической литературы – Абуабдуллаху Рудаки. (Стихотворение в полном объеме можно найти в книге «Аврок мутафаррика» (Рассыпанные листья) Н. Назара [241, 197].

Другой иракский поэт Мисра'и, в 1955 году воодушевленный гостеприимством трудящихся республики, написал стихотворение «Здравствуй, Таджикистан» [9, 22].

В этой связи таджикские арабисты Таджиддин Мардони и Наима Каххарова приготовили сборник стихов арабских поэтов под названием «Земля добра и света», в который вошли стихи, посвященные Ленину, Октябрю, Таджикистану и др. Эта книга вышла в свет в 1980 году под

редакцией Владимира Павловича Демидчика. В ней приведены стихи арабских поэтов Мухаммада Салиха Бахр ул-Улума, Абдулваххаба ал-Баййати, Абдулраззака Абдулвахида и других, посвященные Таджикистану.

Как уже упоминалось ранее, Мирзо Турсунзаде в своей поэзии уделял пристальное внимание проблемам и освободительной борьбе иракского народа и других арабоязычных стран. В свою очередь, арабские поэты и прозаики, в частности иракские литераторы, познакомились с национальной культурой и традициями таджиков посредством поэзии Мирзо Турсунзаде, благодаря которой они стали испытывать огромное уважение к таджикскому народу и прекрасной таджикской земле. Таким образом, прямые и опосредованные связи таджикских и арабских литераторов стали своего рода импульсом для усиления межлитературных контактных связей дружественных народов, в результате которого в литературе обеих стран стали наблюдаться перекичка тем, жанров и способов выражения художественной мысли. Перу другого иракского поэта Хасана Ибрахима Наккаша также принадлежит цикл стихов о Таджикистане, которые были включены в сборник «Аврок мутафаррика» [241, 204-205].

В дружеских отношениях с Мирзо Турсунзаде, Мумином Каноатом и Гулрухсор состоял и известный палестинский поэт Муин Бсису (1926-1984), в чем можно убедиться из его стихов, где он описал свои впечатления о своем визите в Таджикистан в дни празднования юбилея Мирзо Турсунзаде посвященного его 60-летию (1971 г.). Как отмечает М. Бсису, на юбилей таджикского поэта прибыло множество поэтов со всех уголков мира. Среди гостей были поэты из Палестины, Ирака, Ливана и Туниса. Эти памятные дни и вечера, проведенные в саду на софе у Мирзо Турсунзаде, навсегда оставили след в памяти палестинского поэта. Впечатлениями об этом грандиозном юбилее в своей книге "الاتحاد السوفيتي لي" («Мой Советский союз», 1983 г.) он поделился такими словами:

الشاعر الطاجيكي - مؤمن قناعت - الشبيهه بنخلة تتدلى منها قطوف دالية.. أهداني اسمه.. حفر
بسكين تفاحة وملأها بالنبيذ وقال:

اشرب.. فأنت من القرية التي يجئ منها الشعراء -
 الشاعرة - جولرُخسار صافييفا - التي يداها - ضفتنا نهر - يصنع السمك فوقهما - عرائس
 من العشب والماء لأطفال فلسطين... [241, 203].

Перевод: *Таджикский поэт Мумин Каноат подобен огромному, полному плодов финиковому дереву, плоды которого свисают гроздьями и можно собрать много плодов с одной грозди. Он подарил мне свое имя. Он взял яблоко, вырезал в нем сердцевину ножом и, наполнив яблоко вином, сказал: “Пейте. Вы родом из селения, из которого происходят поэты”.*

Поэтесса Гулрухсор Сафиева – та, у которой руки два берега реки. – На них рыбки делают из глины и травы куклы для детей Палестины...”

М. Бсису в своей книге чрезвычайно красочно и образно описал вечера, проведенные с таджикскими поэтами в саду Мирзо Турсунзаде, а одну из глав своей книги посвятил городу Душанбе, воплощая все свои впечатления в касыде, состоящей из 56 строк [241, 203].

В ответ современные таджикские поэты также посвятили стихи Муину Бсису и событиям, происходящим в Палестине. К стихотворениям такого рода относится и стихотворение народной таджикской поэтессы Гулрухсор, посвященное арабскому поэту Муину Бсису под названием «Номаи норасида» («Недошедшее письмо»):

*Шабе, ки кӯҳсори ман /Ба сони тифл қад кашид, / Чу кӯҳи дигаре
 баланд / Хаёли ман туро бидид. / Даме, ки ларза доштӣ / Замину хонаву
 дарам, / Ту омадӣ ба ёди ман, / Чӣ ҳол дорӣ, додарам? / Гурехт тифли хоби
 ман / Ба мулки безамини ту. / Парид мурғи ёди ман / Ба разми бекамини ту. /
 Ба ҷои хома тег буд / Ба дасти гулпарастии ту. / Чу Сабраву Шатилаат / Ба
 разм будӣ зиндарӯҳ. / Муин, Муини оташин, / Бародари самандарам, / Ба сӯзи
 ақлу рӯҳи ту / Ба чашими раҳм бингарам. / Бигӯядам алови ту / Самандарӣ
 фасона нест. / Шиори тирбори ту / Ду сатри маҳрамона нест. / Забини
 туст дар дилат, / Барӣ варо ба ҳар макон. / Биё, ба мулки ҷони ман, / Маро
 ба қалби худ бихон! / Замин ба ларза омада, / Ва ё дили қарини дӯст? / Ва ё*

*дили бузурги ту, / Ки маркази замини туст?! / Ту дар замини безамин, /
Муин, Муини оташин. / Барои ту биларзадо / Дили ману дили замин [204, 43].*

*В ту ночь, когда мои горы / Вытянулись словно дитя, / Словно другая
высокая гора / Мои мысли увидели тебя. / Когда тряслись / Моя земля и дом,
/ Ты проник в мои мысли, / Как ты чувствуешь себя, брат мой? / Убежало
дитя моего сна / В твою беспочвенную страну. / Взлетели птицей мои мысли
/ К твоим сражениям беспомощным. / Вместо пера был меч / В твоих руках
цветистых. / Как твои Сабра и Шатила / Ты был жив в бою. / Муин,
страстный Муин, / Мой брат, феникс мой, / На твою боль, ум и дух /
Смотрю со слезами я / Скажу пламя твое / Не сказочный феникс. / Твой
девиз похожий на стрелу / Не два любовных строк. / Твоя земля в твоём
сердце, / Несешь его повсюду. / Приди в царство души моей, / Призови меня к
своему сердцу! / Земля трепещет, / Или сердце друга? / Или твое великое
сердце, / Что центр твоей земли?! / Ты в земле беспочвенной, / Муин,
огненный Муин. / За тебя трепещут / Мое сердце и сердце земное.
(Подстрочный перевод автора)*

Изучение содержательного аспекта данного поэтического отрывка показывает, что в своем стихотворении Гулрухсор, проводя аналогию между землетрясением, случившемся в ночь смерти Бсису, и своей душевной болью из-за смерти близкого друга, пишет, что вместе с сердцем земли дрогнуло и сердце поэта. Как отмечает сама Гулрухсор, Бсису умер в Лондоне в ночь, когда было написано это стихотворение.

С целью решения художественных задач мастерски поэтесса использует такие средства образного выражения, как сравнение («ба сони тифл»), эпитеты - кӯхи дигаре баланд, мулки безамини ту, разми бекамини ту, дасти гулпараст), метафора (Муини оташин, бигӯядам алови ту, биё ба мулки чони ман) и тд.

Этой тематике посвящено и стихотворение Народного поэта Таджикистана Гулназара – «Нома ба шоири фаластинӣ» («Письмо

палестинскому поэту»), свидетельствующее о тесной литературной взаимосвязи таджикской и палестинской культур:

«Хонаву гаҳвораи ман / Пора шуд аз кини душман / Чун дили садпораи ман» (Муин Бсису)

Хирмани деҳқони ту барбод шуд / Аз дами бадхоҳи обу донаат / Лек дар шеъри ту хирман мекунад / Хаши ми худро мардуми мардонаат / Гарчӣ аз гармои саҳрои кабир / Решаи бегонаи бадкин насӯхт / З-оташи шеъри ту, аммо ҳар кучо / Қалби нопоки адӯ дар сина сӯхт / Ҳамчу сарбози Фаластин ҳарфи ту / Дар масофи зиндагӣ бечора нест / Дар миёни пораҳои шеъри ту / Хоки аҷдодони ту садпора нест / Аз соқа то садр, / Ситезаҳоят аргувонист / Гунчаҳоят лоззор аст / Ту чӣ саҳрое, ки ҳар як зарра ту / Сели дарё нолабор аст [190, 5].

Мой дом и колыбель моя / Злобою недруга разбиты на куски / Как и мое сердце» (Муин Бсису)

По ветру пошло зерно с полей / От дуновения ветра врагов твоих / Поэзия лишь остается нетронутым жнивьем / Питаясь праведным гневом отважного народа / И пусть от пустынного жаркого ветра / Не сгорели корни недругов / От пламени твоих стихов везде / Сердце бесчестное врага сгорело в груди / Речь твоя как речь воина Палестины / Не останется в судьбе беспомощной / По среди строк твоего стиха / Следы предков не стали прахом / От кончиков ног до головы / Пылает твой гнев / Щеки пылают словно маковое поле / Ты, словно пустыня, в каждой крупинке которой / Кричат реки гнева. (Подстрочный перевод автора).

В этом стихотворении поэтом с большим мастерством использованы такие поэтические фигуры, как аллегория (оташи шеър, сели дарё, решаи бегонаи бадкин, хирман мекунад), сравнение (хамчун сарбоз), эпитеты (бадкин), гипербола (сели дарё нолабор аст) и др., посредством которых, поэт искренне и душевно высказывает свою поддержку и единодушие борцу и воину Муину Бсису и отважному народу Палестины, борющегося со злым врагом.

Другое стихотворение таджикского поэта Гулназара «Эй Фаластини даруни синаи ман!» («О, Палестина, что в сердце моем!»), также характеризуется проникновенностью:

*Сабзаҳоят арғувонист, / Ғунчаҳоят лолазор аст. / Ту чӣ сахрой, ки ҳар як зарраи ту / Мисли дарё нолабор аст, / Эй дили оинаи ман, / Эй Фаластини даруни синаи ман?! / Қитъа-қитъа гиря дорӣ аз гами хеш, / Пора-пора метапӣ дар мотами хеш. / Барабас донистай нӯши замонро / Марҳами ҷони ками хеш, / Эй дили оинаи ман, / Эй Фаластини даруни синаи ман. / Бонги майдон мекунад кар гӯши овозат, / Бори зиндон мефитад дар боли парвозат, / Меҳри ту дар ҳалқаи дори баланд аст, / Шавқи ту саркӯби ин чархи нажанд аст, / Эй дили оинаи ман, / Эй Фаластини даруни синаи ман. / Аз кадомин сарви олам ту асо чӯӣ? / Аз кадомин муттаҷоне муттако чӯӣ? / Лаззати ҳалво ту аз мавҷи ҳаво чӯӣ? / Нораво чӯӣ, носазо чӯӣ, / Эй дили оинаи ман, / Эй Фаластини даруни синаи ман. / Аз кучо ҷамъ оварам кишти парешонатро? / Хирмани пурбори тӯфонатро? / Аз кучо ҷамъ оварам ман пораҳоятро? / Бечораҳоятро? / Овораҳоятро? / Аз аламҳое чунин рӯзе бимирам, / Чун **Муин** рӯзе бимирам, / Эй дили оинаи ман, / Эй Фаластини даруни синаи ман [189, 97-98].*

Цветущие поля твои красны / Бутонов полные равнины / Ты, как пустыня, каждая песчинка которой / Рекою печальной плачем наполнена / О, мое зеркально чистое сердце / О, Палестина, что в сердце моем. / Плачешь, разрываясь на куски / Сердце стонет в трауре горестном / Веселья мира считаешь ты напрасным / Для души своей даже то небольшое / О, мое зеркально чистое сердце / О, Палестина, что в сердце моем. / Боевые крики закладывают уши / Тяжесть тюремная на крылья твои падает, / Твоя любовь повешена на высокой виселице, / Твой интерес повесили на этом ничтожном колесе, / О, мое зеркально чистое сердце / О, Палестина, что в сердце моем./ Из какого дерева мира хочешь вырезать посох?/ Где ищешь ты опору?/ Ищешь сладость от дуновения воздуха?/ Ищешь недозволенное, ищешь скверно./ О, мое зеркально чистое сердце / О, Палестина, что в

*сердце моем./ Как собрать твоё рассыпанные зерна?/ Вихри полные
могущества?/ Откуда собрать твои осколки?/ Твоих обездоленных?/ Твоих
скитальцев?/ Я умру от этих страданий, / Как Муин умру когда-нибудь / О,
мое зеркально чистое сердце / О, Палестина, что в сердце моем.*
(Подстрочный перевод автора)

Текстологический анализ показывает, что поэт посредством белого стиха и использованием художественных тропов – сравнение (мисли дарё), повторы (китъа-китъа, пора-пора), тарси'- внутренняя рифмовка (*Нораво чӯӣ, носазо чӯӣ*), таджохули ориф - притворство (*Аз кучо чамъ оварам кишти парешонатро?/ Хирмани пурбори тӯфонатро?*), аллегории (мавчи хаво, Фаластини даруни синаи ман), эпитеты (пурбор, нажанд, нолабор), каламбур (*муттачоне муттако*) и др. смог передать свою боль, сожаление и сострадание к разорванной на части Палестине через колоритные и плавные словосочетания и выражения.

В этом русле примечательны и работы талантливого переводчика Назрулло Назара, представившего на арабском языке стихи нескольких таджикских поэтов, таких как Низом Касым, Бури Каримов, Доро Наджат и других арабским ценителям таджикской литературы, в которых нашли отражение социально-политическая обстановка и жизнь палестинского народа. Также его перу принадлежит перевод на арабский язык стихотворения поэтов Гулназара и Гулрухсор, посвященные палестинскому поэту Муину Бсису. [306, 70-71; 89-91].

В настоящее время взаимоотношения Таджикистана и государства Палестина находятся на дипломатическом уровне. Посольство государства Палестина в городе Душанбе было открыто в 2020 году, а полномочным послом Палестины в Республики Таджикистан является доктор Луай Иса. Посольство Палестины также стремится укрепить политическое, культурное и литературное сотрудничество с Республикой Таджикистан и на постоянной основе проводит встречи с государственными учреждениями и органами. Например, 25 мая 2021 года Посольство Палестины провело встречу с

представителями средств массовой информации и деятелями культуры и науки Таджикистана. Посол Палестины в Таджикистане доктор Л. Иса в ходе встречи дал комментарии по вопросам израильско-палестинских проблем и призвал таджикский народ не оставаться равнодушными к решению этой проблемы.

Необходимо подчеркнуть, что современные таджикские поэты всегда были неравнодушны к проблемам Палестины и в своем творчестве уделяли пристальное внимание отражению темы сопротивления палестинцев, изъясняя тем самым свою солидарность палестинцам в их борьбе за свободу. Например, народный поэт Таджикистана Рустам Ваххаб в своем стихотворении «Киблаи нахустин» («Первая кыбла») с особой искренностью и любовью называет Палестину «первой кыблой сердца», «Каабой в сердце» и выражает свою скорбь, видя камни, покрытые кровью и раны палестинского ребенка.

*Мекашад зи банди дил қиблаи нахустинам, / Каъба дар миёни ҷон, рӯй
бар Фаластинам. / Ку ҳаловати имон? То зи Қудс маҳрумам, / Аз маломати
виҷдон дард мекунад динам. / Санғҳои хунолуд, санғҳои хунолуд, / Ҳар шаб аз
канори дил ситора мечинам. / Бӯса мезанам аз дур, кӯдаки фаластинӣ, /
Лолаҳои захи ту – муҳри Оли Ёсинам. / Новгони Озодӣ то ба гил фуру
биншаст, / Ошно нахоҳам буд, беш аз ин чу бинишам. / Эӣ башар,
тафовутро бас азим меёбам. / З-он ки ту ҳамерӯӣ то ман он ки мебинам. /
Пойгоҳи меъроҷ, эӣ хоки поки Озодӣ, / Обрӯ зи ту дорад осмони рангинам. /
Дидаам ба рӯёе аз миёни хоку хун / Даст мебарад Ҳуре сӯи қалби сангинам
[49, 167].*

*Тянет меня за струны души моя первая кыбла / Кааба посреди души,
лицом к Палестине / Где радость от веры? Лишен я святости / Муки
совести терзают веру мою / Окровавленные камни, окровавленные камни.../
Каждую ночь собираю звезды вокруг сердца / Целую воздушным поцелуем
палестинского ребенка / Кровь твоих ран – печать Оли Ясин / Весть о
свободе погрязла в тине / Не буду близок, если буду сидеть также / О, люди,*

разница для меня слишком велика / В том, что ты говоришь, и в том что вижу я. / Оплот восхождения, о, чистая земля свободы / Гордиться тобою моё красивое небо / Взор мой на мечту посредине крови и праха / Тянется руками ангел к моему каменному сердцу. (Подстрочный перевод автора).

Анализ текстологической ткани вышеприведенного стихотворения показывает, что поэтом мастерски использованы тематика и понятия исламской веры (“қиблаи нахустинам”, “Қаъба дар миёни чон”, “ҳаловати имон”, “даст мебарад Хуре”, “муҳри Оли Ёсинам”), а также средства художественной выразительности: аллегории (“дард мекунад динам”), гиперболы (ситора мечинам), метафора (“Лолахои захми ту”), эпитеты (осмони рангинам, қалби сангинам, санғҳои хунолуд) и т.п., посредством которых поэт привлекает внимание мировой общественности к борьбе палестинцев за независимость.

Стихотворение народного поэта Таджикистана Гулназара “Аналхак” (Я - есть Истина), посвященной теме сопротивления, также проникнуто глубокой философией:

Эй Фаластин, эй ту Ҳаллоҷи Аналҳақ! / Бар сари ту монда Ҳақ тоҷи Аналҳақ, / Як туй ёри вафодори Аналҳақ, / Мекуни ҷавлон сари дори Аналҳақ, / Аз гулӯят мечакад хуни Аналҳақ, / Дар танат карбоси гулгуни Аналҳақ. / Эй дарего, эй дарего, / Интиқоматро кӣ меҳоҳад гирифт / Туву хубиву раъноӣ / Аз душмани дуни Аналҳақ?! / Зиндагӣ, эй дори Ҳаллоҷ! / Аз Аналҳақ то Аналҳақ имтиҳонам мекуни, / Бе сару бе даступою бе забонам мекуни, / Бо ҳамин бечорагӣ / Сӯйи Ҷовидон равонам мекуни... [191, 28-29].

О, Палестина, о, Халладж Аналхак / На голову твою возложил Всевышний венец Аналхак, / Лишь ты один верный друг Аналхак, / Возвышаясь над виселицей Аналхак / Из горла хлещет кровь Аналхак, / Одет в красные одежды Аналхак. / Жаль мне, жаль / Кто отомстит за тебя, / Ты прекрасен и хорош / Пред ничтожным врагом Аналхак, / Жизнь, о виселица Халладжа! / От Аналхака до Аналхака все испытываешь меня /

Срывая голову, делая безруким и безногим, немым, / С моей нуждой / Отправляешь меня в Вечность... (Подстрочный перевод автора).

Использование аллюзий на коранические предания и хадисы позволили поэту создать пронзительное стихотворение, которое обращает читателя к преданию о Мансуре Халладже и его известному выражению: «Аналхак» - «Я - есть Истина». В этом стихотворении отражены воззрения и учение суфизма в том аспекте, что «нет другого существа кроме Истинного (Бога) и он абсолютное существо». Поэт считает Палестину преемником Аналхака, точкой соприкосновения, пределом высоты, истинным последователем высокого звания, присущего Мансуру Халладжу. Перед глазами читателя предстает кровавая картина казни Мансура Халладжа, заставляющая плакать и почувствовать боль и страдания.

Стихотворение известного таджикского поэта Немата Оташа «Ў намемирад» («Он не умрет») описывает состояние плачущего ребенка, который в окровавленной, объятай войной родине, потерял свою мать. Поэт высказал в своем стихотворении горе и боль, звуки разрывающихся бомб и снарядов, надеется на победу палестинцев, которые никогда не умрут и отомстят за все страдания:

Дар Фаластин дар дили вайронаҳо / Кӯдаке нолону саргардон бувад / Меҳаросад аз садои тунҳо / Аз ғамони гуссаҳо гирён бувад / Дар канораиш модараш ҷон медиҳад / Ин замон афтода андар хоку хун / Пеши чаими кӯдаки ҳайрону зор / Мешавад як хона ҳар дам сарнагун / Имшабу ҳар шаб насими меҳанаш / Алла мегӯяд ба ҷои модараш / Мешавад болини тифли бепаноҳ / Санги дашту кӯҳсори кишвараш / Ў намемирад, намемирад ҳеҷ гоҳ / Ў намемирад ба рағми душманаш / Меситонад кини модар аз адӯ, / Меситонад кини халқи меҳанаш / Аз соқа то садр [248].

В Палестине, в сердце развалин / Ребенок плача, бродит / Боится разрывов бомб / Плачет от нескончаемого горя / Рядом на последнем вздохе его мать / Упав на землю, вся в крови / Перед глазами растерянного ребенка / Каждую минуту с землёй сравнивается дом / В эту ночь и каждую ночь ему

поёт / Колыбельную вместо матери ветер / Вместо подушки для младенца безвинного / Камни пустынь и горных долин родины / Он не умрет, никогда не умрет / Он не умрет назло врагам / Отомстит за мать свою врагам / Отомстит за народ своей родины / Сполна (Подстрочный перевод автора).

Народный поэт Таджикистана Низом Касым написал скорбное стихотворение под названием «Палестина», в котором для описания этой многострадальной земли использует такие выражения как «дом без крыш и дверей», «столы, лишённые хлеба», «вечная земля без границ», «птица с надломленными крыльями», «вечные руины» и «связанная с истиной навеки история»:

Ашки талх бар мижаи яхбастаи таърих / Нафаси гармони дили сарди замон / Ҳар лаҳза / Обат мекунад аз нав / Ва хунолуда ҷорӣ мешавӣ / Бар гунаҳои хастаи таърих. / Чу пеши модари дилхун / Ба пешат / Зиндагӣ ҳам / Мекунад гум сабру тамкинро, / Ки байни лола хун ёбӣ / Ҳамеша наслҳои – тифлакони шӯхи гулчинро... / Худо дорӣ фақат, / Эӣ рӯи роҳи додгар бинишастаи таърих. / Фаластин, / Хонаи бебому дар, / Эӣ хони бенони замон, / Эӣ давлати бемарзи ҷовидон, / Нигоҳи хаставу умедворат бар самоат, / Эӣ мурғи парбишикастаи таърих. / Ҷудо аз ҳақ най, / Эӣ бо ҳақиқат то абад пайвастаи таърих, / Биларзонанд ҳар гоҳе буну беҳат, / Вале барҷост таърихат. / Харобободи ҷовидон, / Ту бо ободии ҷону дилат якумр ободӣ, / Ту дар дунёи озодипарастонат сарозодӣ, / Аё, эӣ бандии ворастаи таърих. / Аё эӣ хок, / Эӣ дили чок, / Эӣ бебок, / Сано бар ҷони беҷисмат, / Сано бар ҷисми бечонат, / Ки ҳастӣ кундаи қатли ҳавасҳои фаровонат / Ва то ҳастӣ, / Дарахти ноҳақиро то бибуррӣ аз бех, / Ту бо исёни беанҷому оғозат / Ва бо фарёди беовову овозат / Табар хоҳӣ шудан бар дастаи таърих [194, 6].

Застывшая слеза на ресницах истории / Горячее дыхание в ледном сердце времени / Каждый миг / Плавит тебя / И течет ты окровавленной слезой / По щекам уставшим истории / Как горящая мать / Пред тобой / Жизнь тоже / Теряет терпение и сдержанность / Что находишь между

*тюльпанами / Всегда своих детей – детей веселых, собиравших цветы /
 Надеешься только на бога/Ты воплощаешь справедливый путь истории./
 Палестина, / Дома без окон и дверей / Кровь без хлеба насущного / О, страна
 вечная без границ / Твой взгляд усталый направлен на небо / О, птица с
 надломленными крыльями / Ты не оторвана от истины / С истиной навечно
 связана / Невзгоды сотрясают корни твои часто / Но история твоя
 непоколебима / Страна вечной разрухи / Но процветаешь светлой душой и
 сердцем / Ты в мире свободных людей самая свободная / О, истории
 невольница свободная / О, земля / О, разорванная душа,/ О, отважное сердце
 / Слава душе без тела / Слава телу без души / Стала плахой для своих мечти
 чаяний / И пока ты есть,/ Будешь на корню уничтожать несправедливость /
 Своей непокорностью нескончаемой, / Криком безмолвным / Станешь для
 рукояти истории топором (Подстрочный перевод автора).*

Текстологическое описание вышеприведенного стиха показывает, что поэт, направив силу и гнев своего пера на зло и несправедливость, защиту мира и истины, стремится представить Палестину в выразительных образах, подчеркнуть истинную принадлежность им родной, разрушенной и изувеченной земли и с этой целью использует образные слова и выражения, стилеобразующие художественные фигуры – реминисценции и аллюзии, содержащие аналоги на религиозные и исторические события, и тем самым воссоздает реальную картину происходящих событий, выражает свою веру в победу Палестины и воспеваает твердость и силу духа свободолюбивого палестинского народа в борьбе с врагами.

Этой тематике посвящено также стихотворение современного таджикского поэта Сиявуша «Номаи манзум ба рафиқи фаластини» («Письмо палестинскому другу»), в которой приводятся следующие строки:

*Ин ҳама, охир дурӯғ аст / Шарқи ман ҳоло намурдаст! / То лабе
 хунбор, фарёди азоне мезанад, / То дарахте тирхӯрда, дар намоз истодааст,
 / Ин ватан ҳоло намурдаст! / Эй Фаластин, / Эй садои хастаи виҷдони дунё,*

*/ Эй азони субҳдам дар гӯши карҳо, / Он қадар бар хоби сере рафта мағриб, /
Ки ба ҷуз овозҳои шиками худ / Кай садои дигаре хоҳад шунидан? [49, 169].*

*Все это ложь / Мой Восток еще не умер! / Пока один окровавленный
рот, читает молитву призывную, / Пока одно дерево стоит в молитве / Эта
земля еще не умерла! / О, Палестина, / О, голос усталой совести мира, / О,
молитва утренняя в ушах глухих, / Как сладко спит Запад, / Который кроме
звуков урчания своего живота/Ничего больше не слышит? (Подстрочный
перевод автора)*

В данном стихотворении также наблюдается использование таких художественных средств выражения как *гипербола* (лабе хунбор), *эпитет* (дарахти тирхӯрда, садои хаста), *аллегория* (вичдони дунё, дар хоби сере рафта мағриб) и т.п.

Стихотворение другого таджикского поэта Мухаммадали Аджамии «Садои сангҳо» («Голос камней»), написанное в жанре газели, благодаря использованию художественных средств выразительности звучит искренне и пронзительно:

*Чаро имшаб газал дар қолаби мазмун намегунҷад? / Ба соҳилҳои худ,
ҳис мекунам, Чайхун намегунҷад? / Зи худ берун шудам, дар он тараф дидам
Фаластинро, / Фаластини шаҳодат, дар ҳисори хун намегунҷад. / Сукути
сангҳо пур мешавад аз хандаи шайтон, / Қиёми сарвҳо дар қомати мавзун
намегунҷад. / Ба изни ҳар шаҳид, ойина меборад ба шайдоӣ, / Дигар дар
ҳаҷми ҳайрат, ҳайрати Маҷнун намегунҷад. / Тамомии шиқро дидам, ба даври
шиқ мечархид, / Аҷаб чархест чархи шиқ, дар гардун намегунҷад. / Ва дидам
чашиҳои ту, ба дарё мехурад пайванд, / Чаро имшаб газал дар қолаби
мазмун намегунҷад? [184, 6].*

*Почему газель в эту ночь не помещается в рамки смысла? / В свои
берега, я чувствую, Джейхун не помещается / Взлетев, увидел я там
Палестину, / Жертвы Палестины, в крепости крови не помещаются. /
Тишина камней заполняется смехом дьявола, / Восстание кипарисов без
стройного стана. / В повиновение каждой жертвы зеркало разлетается в*

безумстве, / Не помещается в изумление, удивление Меджнуна не помещается, / Я видел всю любовь, кружилась в танце, / Удивителен танец любви, не вмещается в целый мир, / Я увидел твои глаза, ты похожи на реку, / Почему газель в эту ночь не помещается в рамки смысла? (Подстрочный перевод автора)

Исследование образных средств в поэтическом тексте М. Аджами показывает, что использование таких оборотов речи как аллегории (*зи худ берун шудам*), (*сукути сангхо*), (*қиёми сарвхо*), повтора (*дар ҳаҷми ҳайрат, ҳайрати маҷнун*), (*ишқро дидам, ба даври ишқ мечархид*), (*аҷаб чархест чархи ишқ*), гиперболы (*дидам чаимхои ту, ба дарё мехурад пайванд*) и др. позволили поэту вызвать у читателя определенные ассоциации и чувства к многострадальной Палестине.

Стихотворение Доро Наджата «Чамани лоласангхо» («Сад каменных тюльпанов») преисполнено сильной экспрессии посредством различных средств выразительности, к примеру, каламбур и повтор, (*санг-санг, нафас-нафас, шафак*), *садж* (*силох, кулох*), сравнение (*ба сони асби хунчакон, чун дастони ҳазрати Зайнаб*), эпитет (*шеваи сангсори шайтанатӣ, субхдамида*), *нидо* и т.п.:

Хоҳарам, / бедиранг / бичин санг-/санг, / ки санг ва фалохун бувад омода бар ҷанг. / Бояд нишон дод / дастосанг ва / бартарӣ аз тонк / ва паёӣ / дар инфичори гулӯлаҳо. / Хоҳарам, / санг бичин, / ки санг аст / силоҳи муҷоҳидат алайҳи иблис / ва ҷиҳоди мост / фаризае аз ҳаҷ. / Хоҳарам, / ин покубам / гулбуни паёмбарист / бо нақҳати шуҳуд / ва гулафшони муъҷиза / ва ин ҳама тапиш / фароянде аз иброҳемист, / ки зистанро шукуфтаем / дар ҳалқам ҳариқ. / Мо / нафас-нафас / муъҷизаро / таҷриба мекунем / ва ин чарма сангандоз / ёдгори каф Мӯсо(ъ) / ва рағбори санг / дурахши яди байзост. / Хоҳарам, / муъҷиза / дар парпари санги силаҳо / ба ҷои парандаҳои фирорӣ бол мезанад. / Магар муъҷиза нест, / ки онон / Саросар кулаҳхуд нӯшиданд ва / гарқ дар силоҳ / аммо кулоҳи мо / осмон аст ва силоҳи мо / Аллоҳу акбар / ва ҷиҳод / бо шеваи сангсори шайтанатӣ, / ки мехоҳад / садои

гӯсола ояд аз ҳарамии Қудс / ба ҷои азон. / Хоҳарам, / Фаластин / чамани
 субҳдамида / аз лола сангҳост / ва шукуфаҳои мардумак / бо ҳазорон чашма
 шафақ. / Инак / мебинам / шафақ ба сони асби хунчакони Имом Хусайн (а) /
 шиҳа мекашад, / дар остони сарпардаи сапеда / ва тоқ ва зайтун / печ зада
 ба ёлаш / чун дастони ҳазрати Зайнаб (раз). / Хоҳарам, / бархез, / ту ҳам
 овеза шав бар гардани асб, / хуноба рез дар сӯғи мавло / аз дида, ки набарди
 Фаластин идома оварди ўст. / Хоҳарам, / пас аз ман озодӣ мерасад / ва
 хусайнгунагӣ меояд / ба сурати ҳумо аз биҳишт / дар гулборони пирӯзии
 Фаластин. / Ту он рӯз / бо азони тӯпи салом / ба ҷои ман бархон / иқомаи
 намози ҷамоати зайтунҳоро / ва ба ҳаво барондоз / дафтари алифбоямро /
 ки парпар занад / ба ҷои кабӯтарҳо [148, 1].

Сестра / немедля / камни собирай, / камни и праща готовы к войне. /
 Надо показать / что камни в руках / лучшие танков / и летящих бомб. /
 Сестра, / собери камни, / ведь камень / это оружие борьбы с дьяволом / и
 нашей борьбы / это обязательство как паломничество. / Сестра, / эти
 старания / как как розы посланника / с ароматом мучеников / и ниспослание
 чуда / и все это биение/послание Ибрахима, / чтобы жить расцветая / в
 кругу огня. / Мы чудо / понемногу / ощущаем / и этот ремень от пращи / как
 рука Мусы (а) и камни / как яркость белой руки. / Сестра / чудо / в полете
 камней летящих / вместо перелетных птиц./ Разве это не чудо, / как они /
 Надели на головы шлемы и / полны оружия / но наш шлем / это небеса и
 наше оружие / Аллаху акбар / и борьба / как побивание дьявола камнями, /
 который хочет / чтобы голос тельца из священной мечети/ слышался
 вместо молитвенного призыва./ Сестра, / Палестина / сад утренней зари /
 тюльпанов застывших сад / и расцветшими глазками / из тысячи родников
 заря. / Вот / вижу заря, ржет, как конь, окровавленный Имама Хусейна (а), /
 на пороге зари / лоза и олива / переплелись в гриве / как руки досточтимой
 Зейнаб (р). / Сестра, / вставай, / ты тоже вскочи на гриву коня, / плачь
 кровавыми слезами в горе по родственникам / в глазах / , ведь борьба в
 Палестине еще длится. / Сестра, / после меня придет свобода/ и придет

почитание как почитание Хусейна / подобно птице райской / в победе Палестины. / Ты в тот день/ прочитай молитву призывную / вместо меня/ поднимаясь с поклонения олив / вознеси в небо / книгу мою / ту, что летает вместо голубей (Подстрочный перевод автора).

В приведенном выше стихотворении также ощущается сильное чувство патриотизма и призыв к сопротивлению, к освободительному движению, уверенность в победе народа Палестины. В нем тема сопротивления также находит отражение посредством реминисценций на религиозные слова и выражения (намаз, джихад, хадж, харам, муджиза, бихишт), аллюзий на коранические предания (яди байзо, Мусо, Иброхим, Иблис), отсылок на исторические события и персоны (Зейнаб, Имам Хусейн).

Назрулло Назар также написал трагическое стихотворение на арабском языке о Палестине, включающее 18 строк и опубликованное в книге «Парокандабаргхо» (Рассыпанные листья), см. стр.22-23).

Следует отметить, что книга «Аврок мутафаррика» со стихотворением Н. Назара, посвященная палестинскому поэту Махмуду Дарвишу, начинается со следующих строк:

*إلى شاعر المقاومة محمود درويش
/ أخي الشاعر / أذنبُ قلبك بالدمع / وألقى الذوب في الصحراء /
وفي وادٍ بلا ماء / هضابٍ أصبحت عطشى. [14-13, 241] ...*

В переводе эти стихи звучат следующим образом:

«Махмуду Дарвишу, поэту сопротивления: «Мой брат-поэт, / Сердце растопи слезами, / и воду вылей в пустыню, / В безводные долины, / долины жаждут воды...» (Подстрочный перевод автора).

Н. Назар в своем стихотворении «Поэту сопротивления Махмуду Дарвишу» выразил свою веру и искренность поэту, земле Палестины и проблемам, происходящим на этой территории и сочувствие палестинскому народу. Примечательно, что Н. Назар перевел серию стихов Махмуда Дарвиша с арабского на таджикский язык, которые были опубликованы на страницах различных газет.

Сочувствие и равнодушие таджикских писателей к проблемам многострадального арабского народа и сочинение ими поэм и стихов об этой братской стране свидетельствует о том, что и сегодня между странами существуют литературные связи.

К большому сожалению, жители Сирии и Ирака также находятся в очень напряженной ситуации. Например, Сирийская Арабская Республика уже десять лет переживает разрушительную войну и хаос. В результате многие сирийцы покинули свою родину и вынужденно эмигрировали в другие страны.

В 2015 году внимание всех интернет-изданий и СМИ было обращено на фото трехлетнего мальчика, бездыханно лежащего на морском пляже. Его семья хотела бежать от сирийской войны в Европу по морю, но поднялся шторм, и они потеряли ребенка. Его бездыханное тело нашли у берегов Турции спустя несколько дней, 30 сентября 2015 года. Это трагическое событие опечалило всех людей мира. Писатели всего мира не остались равнодушными к данному событию и подчеркнули его как проблему и боль человеческого общества в своих стихах. Стихотворение народного поэта Таджикистана Озарахша под названием «Айлан», отражает горе и сострадание, испытанное поэтом:

*...Дар синаву дар нигоҳи ман ханҷари кист? / Хоки сари бепаноҳи ман
кишвари кист? / Бозичаи кӯдакии ман бишкаста, / Хуни дили бегуноҳи ман
бар сари кист?! / Номам ба ҳама забони олам –Айлон / Руҳам ба ҳама макони
олам – нолон... / Дунёдорон! Фигон зи фарҳанги шумо! / Аз моли шумо! Сулҳи
шумо! Ҷанги шумо! / Билло, ба худо рӯзи ҷазо хоҳам гуфт / Аз баҳси шумо,
фиребу найранги шумо!..[200, 7].*

*...Чей взгляд как кинжал в моей груди? / Чья страна земля
пристанище для моей скитающейся головы? / Моя детская игрушка
сломана, / На ком кровь моего невинного сердца?! / Имя мое на всех языках
мира - Айлан / Душа моя везде - плачет... / О, люди мира! Горе вашей
культуре! / Вашему имуществу! Вашему миру! Вашей войне! / Клянусь,*

скажу Богу в Судный день / О ваших притязаниях, обмане и плутовстве!
(Подстрочный перевод автора).

В стихах народного поэта Таджикистана Озарахша также затронута темы войны в Сирии, Ираке и других странах мира, как боль современного человеческого общества. Картины войны, кровопролития и политической несправедливости в беспокойных арабских странах ярко описаны в следующем стихотворении:

*Ҳодиса ашк мешавад, манзара гирия мекунад, / Фосила оҳ мекашад,
хотира гирия мекунад / Вой, ба ин замон чӣ шуд, мулк чӣ шуд, макон чӣ шуд? /
Кӯҳнаҷаҳон ба ҳоли худ, шайдара гирия мекунад / Кишваракон ба сӯи ҳам
тиру гулӯла мезананд, / Қалби замин даридааст, бефара гирия мекунад / Чӯли
Ироқ хастаҷон аз хатари самуми ҷанг, / Шаҳри фаранг мотамӣ, пайкара
гирия мекунад. / Обу ҳавои Суриё гаркаи хуну нафт шуд, / Мӯъмину кофари
бараиш яксара гирия мекунад... [199, 110].*

*Произошедшее влечет слезы, природа плачет горькими слезами, /
Вздыхают времена, плачет память / Что случилось с этим временем, что
случилось со страной, что случилось с местом? / Плачет старый мир,
плачет реками слез / Страны бьют друг в друга бомбами / Сердце земли
разбито, оно беспомощно плачет / Иракская пустыня устала от самума
войны, / Город скорби плачет, статуи плачут. / Залита Сирия кровью и
нефтью, / Плачут бок о бок верующий и неверующий ... (Подстрочный
перевод автора).*

Словом, в годы независимости страны тема патриотизма и защиты исконной земли предков, а также надежда на победу в освободительной войне арабских стран стали занимать важное место в творчестве как арабских, так и таджикских поэтов. Таджикские поэты и писатели, создали множество произведений, в которых освещали проблемы арабских стран, что, несомненно, способствует укреплению таджикско-арабских литературных взаимосвязей.

2.2 Особенности адекватного перевода научной и религиозной литературы (с таджикского на арабский и арабского на таджикский язык)

За тридцать лет независимости Таджикистана множество научных, религиозных и литературных текстов были переведены с арабского на таджикский и с таджикского на арабский язык. В данном разделе охвачены исследованием особенности научных и религиозных текстов и произведений, переведенных таджикскими и арабскими востоковедами с таджикского на арабский и с арабского на таджикский язык:

1. Книга Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона «Таджики в зеркале истории», впервые была издана в 1997 году в сокращенном виде. Затем в разные годы вышли в свет четыре тома этой книги. Первая книга была издана в 1999 году [99], вторая книга – в 2002 году, [100], третья книга – в 2006 году [101] и четвертая книга – в 2009 году [102].

Арабский перевод четырех томов книги «Таджики в зеркале истории» Э.Рахмона под редакцией Н.Назара дважды издавался каирским издательством «Дару-л-фикри-л-араби»: первое издание – в 2009 году, второе – в 2011 году. Четвертая часть книги была опубликована в 2013 году этим же каирским издательством.

Презентация арабского перевода книги «Таджики в зеркале истории» впервые состоялась 15 июля 2015 года в египетском городе Шарм-аль-Шейх при участии Президента Республики Эмомали Рахмона. Первый том произведения [136] был переведен на арабский язык египетским ученым, профессором Макаримом аль-Гамра из университета Айну-аш-Шамс, а второй [137] и третий том [138] – профессором каирского университета Абдулваххабом Аллубом. Арабский перевод четвертого тома книги [139] принадлежит Послу Республики Таджикистан в Королевстве Саудовская Аравия – Акраму Карими. Следует подчеркнуть, что перевод этой книги на арабский язык сыграл важную роль в представлении богатой культуры и

древней истории таджикского народа арабскому миру и в целом межлитературным связям.

2. Арабский перевод сборника статей Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона **«Взгляд на наследие великого Имама Абу Ханифы Ну’мана»** [140] в 2009 г., выполненный доктором Абдулваххабом Аллуба опубликован под редакцией Нарзулло Назара, Акрама Карима и Салохиддина Насриддина в Эр-Рияде издательством «Дару-т-таййиба». Книга состоит из 90 страниц и включает в себя четыре статьи Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона. Издание книги «Взгляд на наследие великого Имама Абуханифа Ну’мана» было осуществлено в преддверии объявления Лидером таджикского народа Эмомали Рахмоном 2009 года – Годом памяти великого Имама.

3. В книге **«Точки оламшумул» («Признанный миром таджик»)** [108] говорится о роли Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в построении национальной государственности, развитии государственной независимости и становлении гражданского общества на протяжении двадцатилетнего периода современной таджикской истории.

Авторами книги «Всемирно известный таджик» являются таджикские ученые Носиржон Салими и Абдуфаттох Шарифзода. Данная книга также содержит и русский текст в переводе Комиламо Комиловой. Книга переведена на несколько языков, в том числе на арабский, под названием **طاجیکی مشهور** («Знаменитый таджик») [168] совместно с английским текстом под названием «World-known tajik» в переводе Шермухаммада Ниёзова и издана в 2011 году издательством «Ирфон» в Душанбе. Перевод арабского текста выполнен Икромшо Сатторовым, Зиёваддином Каримовым, Зубайдулло Курбоновым и Далером Пулотовым. Это же издательство выпустило в свет узбекское издание под названием «Dunyo Tan olgan tojik» [167] в переводе Джуманазара Умурзакова.

4. Книга **«Хатм-ал-авлийа»** Хакима Тирмизи (**«Печать святых»**), [120] изданная в 2016 году под редакцией известного арабиста Умеды

Гафаровой, приурочена празднованию 1250-летия Хакима Тирмизи (820-910). В переводе книги приняли участие Умеда Гафарова, Кобил Дадобоев и Абдушукур Гафуров. Книгу предваряет обширная статья президента Таджикистана Эмомали Рахмона – «Жизнь и творчество Хакима Тирмизи», в которой дается оценка бесценному наследию Хакима Тирмизи: «Абуабдуллах Мухаммад ибн Али ибни Хасан (Хусейн) ибн Бишр, известный как Хаким Тирмизи является одним из выдающихся философов, толкователем хадисов, мутакаллимом и ученым-мистиком Хорасана периода правления Саманидов, внесший своими благородными идеями и ценностным наследием огромный вклад в развитие мистической практики и теории суфизма, науки и культуры исламской цивилизации»[97, 7-29].

Книга «Хатм-ал-авлия», переведенная и изданная на таджикский язык содержит сведения о восьмидесяти одном произведении названного ученого-философа с указанием места издания, переводчиков и составителей книги, а также образцов рукописей Хакима Тирмизи. Трактат «Хатм-ал-авлия» состоит из 29 глав, в конце книги имеется список коранических аятов, хадисов, имен людей и прозвищ, а также словарь. Перевод книги «Хатм-ал-авлия» с арабского на таджикский язык можно назвать весомым вкладом таджикских арабистов в укреплении таджикско-арабских литературных связей.

5. Перевод «ал-Конун» («Канон врачебной науки») Абу Али Ибн Сина и подготовка его критического текста, комментариев и библиографии [171] осуществлены таджикским востоковедом Сайиднуриддином Шахобуддиновым. Произведение, состоящее из пяти книг, опубликовано в объеме одного большого издания в 2021 году в преддверии тридцатилетия независимости Республики Таджикистан.

Первая книга известная как «Куллиёти ал-Конун» охватывает медицинские науки. Также в этой книге обсуждаются вопросы теории медицины, медицинских понятий, приводится общее описание организма,

определение и классификация болезней и их причин, инструкции по уходу за ребенком и т.д.

«Вторая книга описывает простые лекарства (фармакогнозию) и состоит из двух разделов: В первом разделе Ибн Сина дает общую теорию фармакологии, правила и рекомендации по выбору лекарств, правила сбора и хранения лекарственных трав. Во втором разделе перечислено более 800 видов растительных, животных и минеральных лекарственных средств не в алфавитном порядке, а в порядке абджад» [171, 4].

Третья книга представляет собой подробное исследование болезней, поражающих организм человека с головы до ног. По словам переводчика, книга является самым крупным разделом «ал - Конун», составляющим почти половину всего произведения, и содержит сведения о лечении указанных заболеваний.

Четвертая книга посвящена болезням и травмам, общим для всего организма, и способам их лечения, таким как лихорадка, опухоли и фурункулы, травмы, вызывающие переломы и вывихи костей и конечностей, отравление организма ядами животных и пр.

Пятая книга посвящена сложным по составу лекарствам, разделу известному в медицинской сфере как «Карободин». Вот почему пятая книга именуется как «Карободин ал - Конун». Пятая книга состоит из трех частей, в первой части содержатся сведения об общей теории сложных лекарств. Вторая часть посвящена видовой классификации сложных лекарств, а третья часть - классификации протестированных лекарств по функциональной классификации.

Несомненно, переводчик осуществил многолетнюю кропотливую работу и профессионально перевел это произведение, состоящее из пяти книг, с арабского языка на современный таджикский язык. С. Шахобиддинов признан известным востоковедом, который произведя перевод, редактирование и комментарий книги Ибн Сины «ал - Конун», внес значимый вклад, как в сферу медицины, так и арабистики.

6. Книга «Гиях-наме и джанвар-наме» («Книга растений, Книга животных») Абу Али ибн Сина [170] была переведена с арабского языка на таджикский язык таджикским арабистом Саидрахмоном Сулаймони и издана в 2021 году. Вступительная статья, комментарии к книге также написаны С. Сулаймони. Следует отметить, что «Книга растений» («Китабу-л-набат») и «Книга животных» («Китабу-л-хайван») относятся к части естествознания книги Абу Али ибн Сины «Китабу-ш-шифа». Переводчик говорит следующее об указанных книгах: «В «Китабу-л-хайван» ученый-философ описал животный мир в круговороте жизни с научной точки зрения и пристального наблюдения» [170, 3]. Книга издана также и на русском языке в 2021 году под названием «Книга растений, Книга животных» [169] (Из энциклопедии «Книга исцеления»).

7. Абу Али ибн Сино «Осор» («Произведения») [172]. Вторым том этой книги, также переведен, отредактирован и прокомментирован С. Сулаймони. Его издание (2005 г., Душанбе) можно назвать значимым событием в области исследования творчества Ибн Сины и таджикско-арабских литературных связей.

Следует отметить, что С. Сулаймони является членом-корреспондентом Академии арабского языка в Каире (Арабская Республика Египет) и посвятил 22 года своей жизни подготовке «Арабско-таджикского словаря», получившим признание Египетской научной организации. В 2007 году на факультете востоковедения Каирского университета состоялась презентация этого словаря.

8. Книга «аль-Алим ва аль-мутааллим» («Ученый и ученик») [187] является одним из лучших трактатов Имама Абуханифы Ну'мана ибн Сабита (699-767), перевод которого на таджикский язык, осуществлен востоковедом Фахриддином Насриддиновым, к которому он также написал комментарии. Эта книга, изданная в 2009 году в честь года Имама Абуханифы, содержит религиозные воззрения выдающегося мусульманского ученого и философа на основе Корана и сунны. Следует отметить, что все

сочинения Имама Абуханифы написаны на арабском языке, и перевод этого ценностного произведения на таджикский язык Ф. Насриддиновым заслуживает одобрения.

9. «Раби'у-л-абрар и фусусу-л-ахбар» («Прекрасная весна») [32] является одним из значимых произведений персидско-таджикского писателя и комментатора Абулкасима Махмуда ибн Умара ибн Мухаммада Замахшари (1075-1144). На таджикском языке книга названа **«Бахори хубон»** («Прекрасная весна»). Она состоит из предисловия и 98 глав, переведена на персидский язык Нуриддином Ахмадом ибн Нематуллахом Мусави Шуштари. Эта книга также была опубликована в Бейруте в 1412 г. хиджры с исправлениями и комментариями Абдуламира Али Муханна. Перевод таджикского востоковеда Фахриддина Насриддинова, осуществленный непосредственно с арабского текста «Рабиу-л-абрар» на таджикский язык, был опубликован на страницах научно-литературного журнала «Камоли Хучанди» (Камал Худжанди). Этот перевод представляет большую значимость в том аспекте, что обладает огромной нравственно-философской ценностью. [32, 92].

10. Трактат «аль-Фарида фи-л-амсали ва-л-адаб», [41] принадлежащий перу Шамсулмаали Кабусом ибн Вушмгир (ум. 1013 г.) - известного поэта и прозаика XI века, занимает особое место в персидско-таджикской литературе. В связи с этим, перевод этого произведения Ф. Насриддиновым с арабского на таджикский язык под названием **«Гавхаре ноёб дар амсолу одоб»** («Редкая жемчужина нравственных притч») и ее публикацию в научно-литературном журнале «Камал Худжанди» (№3(3) 2015 г., стр.121-132), можно назвать значимым вкладом в развитие таджикско-арабских взаимосвязей. Как отмечает ученый: «Перевод рассматриваемого трактата основан на единственном экземпляре арабского текста, который осуществлен Али Мухаддисом и опубликован в «Ёдномаи Адиби Нишапури» («Воспоминания Адиба Нишапури»)» (Тегеран, 1365, с. 339-354) [41, 121]. В ходе перевода некоторой лексики, переведенной

дословно с арабского на таджикский язык, например, асмаа-л-хусна (самые прекрасные имена; имена Аллаха), переводчиком даны пояснения и дополнительные комментарии. Для современного читателя знакомство с такими высоконравственными произведениями имеет большую значимость, поскольку с расширением сфер литературных взаимосвязей, происходит глубокое освоение и переосмысление литературных тенденций.

11. Трактат «Адабу-л-муджалисати-л-машаихи ва хифзу хурумотихим» («Правила уважения наставников и их почитания») [118], принадлежащий перу известного таджикского писателя Абдуррахмана Сулами (991-1064), является одним из лучших научных произведений. Переводчиком указанного трактата также является таджикский арабист Ф. Насриддинов. Перевод осуществлен по тексту, представленном в «Сборнике сочинений Абуабдуррахмана Сулами» (том 3, стр.105-119) и опубликован в научно-литературном журнале «Камал Худжанди» (№4 (4) 2015 г.). Тематика произведения обладает высокой познавательной и воспитательной ценностью и знакомство таджикского читателя с этим нравственно-этическим произведением, позволит понять нравственные устои народа, с которым имеет многовековые литературные взаимосвязи.

12. Книга Закарийа Казвини «Асар ал-билад ва ахбар ал -’ибад» [193] - переведена с арабского на таджикский язык исследователем Абдушукуром Гафуровым и издана под редакцией таджикского востоковеда Умеды Гафаровой в 2018 году по инициативе Государственного учреждения «Центр Камала Худжанди» в издательстве «Хуросон» города Худжанд.

Следует отметить, что в Государственном учреждении «Центр Камала Худжанди» существует отдел «Перевода и исследования произведений», и данная книга является первым результатом научной деятельности отдела в сфере переводов с арабского языка.

Первые страницы книги содержат введение и предисловие от переводчика под названием «Закарийа Казвини и его «Асар ал-билад ва ахбар ал -’ибад», в которой указаны сведения о жизни и деятельности ученого,

известного географа и астронома, оставившем после себя две ценные книги: «Асар ал-билад ва ахбар ал -'ибад» и «Аджа'иб ал-махлукаат ва гара'иб ал-мауджудат» .

Как отмечает переводчик, книга «Асар ал-билад ва ахбар ал -'ибад» написана на распространенном в период жизни автора международном научном языке – арабском, а ее содержание разделено на три предисловия и семь разделов. В трех введениях автор постарался сделать доступными и понятными основные вопросы мировой географии в целях верного понимания произведения» [193, 9].

13. «Му'джаму-л-удабо» [243]. Якута аль-Хамави (род. 574/1178), другим названием которого является «Иршад-аль-ариб ила ма'рифат аль-адиб», охватывает биографии 800 поэтов, писателей и литературных деятелей. Благодаря плодотворной деятельности сотрудников ГУ «Научный центр Камала Худжанди» читателям стали известны сведения из биографий таджикских поэтов и ученых, имена которых упоминаются в книге. Якут аль-Хамави, полное имя которого Шихабуддин Абу Абдуллах Якут ибн Абдуллах аль-Хамави Багдади, является одним из величайших средневековых деятелей, географов, писателей, историков и переписчиков рукописей. Перевод некоторых частей его сочинения, выполненный таджикским востоковедом Абдушукур Гафуровым с арабского на таджикский язык и издание в рубрике переводов научно-литературного журнала «Камал Худжанди» (начиная с №4 (12) 2017 года и до ныне) позволит получить ценные сведения относительно жанровых традиций арабских литераторов и ученых VII—XIII веков и проследить общие черты и мотивы персидско-таджикской и арабской литератур и тем самым особенности их литературной взаимосвязи.

14. Избранные отрывки из трактата «Камусу-л-а'лам» («Энциклопедия ученых») [35] известного ученого-исследователя Хайридина Зирикли, последний том которого содержит сведения о четырехстах ученых, известных деятелях, писателях и поэтах, сделавших

свои первые открытия, исследования, изобретения, переведены с арабского на таджикский язык таджикским востоковедом Нумонджоном Нематовым (Бейрут: Дару-л-илми ли-л-малайин, т.8). Перевод опубликован под названием «Бахрамандони фазилат» («Удовольствие от познания») в научно-литературном журнале «Камали Худжанди» (№2 (6), 2016 г., стр.95).

Перевод религиозных произведений

Очевиден факт, что с распространением исламской религии в Средней Азии и других странах арабский язык стал вторым разговорным языком региона. С ниспосланием священного Корана престиж и статус арабского языка сильно возросли, поскольку, как упоминалось раньше, в средневековье персидско-таджикские литераторы писали свои произведения на двух языках: таджикском и арабском.

Изучение и анализ переводной литературы свидетельствуют о том, что в период независимости Таджикистана благотворное влияние на дальнейшее развитие таджикско-арабских литературных взаимосвязей оказал перевод целого ряда научных и религиозных произведений деятелей литературы с арабского на таджикский язык, посредством которого процесс взаимообогащения литератур стал приобретать интенсивность и общественную значимость:

1. Книга «Священный Коран» [195] впервые переведена и издана на таджикском языке в 2007 году по инициативе Президента страны Эмомали Рахмона. Переводчиком «Священного Корана» является таджикский ученый Мухаммаджон Умаров (1950-2015), который посвятил восемь лет своей жизни переводу и сравнительному анализу переводов священного Корана. Прежде чем приступить к переводу священной книги, М.Умаров в течение нескольких лет изучал множество переводов священного Корана, переведенных на персидский и другие языки. Вначале им был осуществлен перевод на кириллицу персидского текста Корана, выполненный Шах Валиюллахом Дехлави – «Фатху-р-рахмон фи

тарджумати-л- Куран», который был опубликован в 1992-2005 гг. в журнале «Илм ва хаёт» («Науки и жизнь»).

Следует отметить, что впервые в Таджикистане священный Коран был подготовлен к печати на кириллице член-корреспондентом НАНТ Мирзо Муллоахмадом на основе персидского перевода Абдулмухаммада Аяти.

Таджикский востоковед Нурулло Гиясов также внес свой вклад в перевод Корана, отрывки из его таджикского перевода публиковались в журнале «Илм ва хаёт» в течение пяти лет (1990-1995 гг.).

Перевод священного Корана, осуществленный М.Умаровым на таджикский язык, состоит из 616 страниц и издан издательством «Ирфон» в Душанбе. Ответственными редакторами издания являются Саиднуриддин Шахобуддинов и Файзулло Бобоев. В предисловии перевода священного Корана сказано: «Этот перевод священного Корана основан на богатом опыте предшественников, в том числе на переводе «Джамиу-л-баян ан-та'вили-л-Кур'ан» Мухаммада ибн Джарира ат-Табари (известный как «Перевод «Тафсири Табари», X в.), «Тафсири Хусайни» Мавляна Хусейна Ваиза Кашифи (XV век), в частности на переводе Шаха Валиюллаха ибн Абдуррахима Дехлави – «Фатху-р-рахман фи тарджумати-л-Куран» (XVIII в.) и др., ставшие для таджиков священными книгами, по которым они читали и изучали Коран, обучали кораническим канонам и писали книги по кораническим и исламским наукам» [195, 610].

В 2011 году таджикский перевод «Священного Корана», состоящий из 640 страниц, [196] в переводе М. Умарова был переиздан издательством «Эр-Граф» в Душанбе.

М.Умарову принадлежит также перевод «Священного Хафтияка» (название последней части Корана, которая печаталась отдельной книгой и читалась в начальных мусульманских школах) с арабского на персидский, который впоследствии был переведен Н.Назаром с персидского алфавита на кириллицу. Впервые книга была издана в 1999 году с указанием арабского текста вместе с кириллицей, а в 2003 году была переиздана во второй раз.

Кроме того, в 2006 году этими арабистами был подготовлен текст «Священного Хафтияка» из «Тафсири Хунайни» («Комментарий Хунайни») с арабским текстом, огласовками и комментарием. Помимо всех научных заслуг М. Умарова можно назвать также и его другие исследования, в том числе: 1. Подготовка критического текста «Истории Табари в переводе Абуали Бал'ами» (по рукописи XIII века н.э., в соавторстве с Ф. Бобоевым, изданной в 2001 г. на кириллице). 2. Редактирование восьми томов книги «Та'риху-л-мулуки ва-р-русул» Имама Табари (известной как «История Табари» в соавторстве с Ф. Бобоевым), Душанбе, 2015 г. 3. Перевод полного текста «Сахих» Имама аль-Бухари» (в шести томах, в соавторстве с Ф. Бобоевым). 4. Авторство десятка статей и рецензий по религиозным наукам и религиозным книгам.

2. Книга «Сахих аль-Бухари» («Сборник достоверных хадисов аль-Бухари») [176] - сборник пророческих хадисов, собранный и составленный Абуабдуллахом Мухаммадом ибн Исмаилом, известным под именем Имам аль-Бухари (810-870), впервые был переведен на таджикский язык М. Умаровым и Ф. Бобоевым.

Книга «Сахих аль-Бухари» состоит из шести томов, и в настоящее время издано четыре тома этой книги. Первый том книги был опубликован в 2004 году [177], второй том – в 2005 году [178], третий том – в 2008 году [179] и четвертый том – в 2012 году [180] издательством «Эр-Граф». На первых страницах первого тома книги «Сахих аль-Бухари» в предисловии, написанном М. Умаровым и Ф. Бобоевым под названием «Асахху китобин баъда китоби-л-лох» («Самая достоверная книга после Божьей книги»), приводятся сведения о жизни и творчестве имама Абуабдуллаха Мухаммада ибн Исмаила аль-Бухари, а также содержатся краткая информация о произведении «Сахих аль-Бухари».

Важно отметить, что «Сахих аль-Бухари» многократно переводился на персидский язык. Например, книга «Мухтасари Сахехи Бухари» («Краткое изложение Сахих аль-Бухари») («Дару-н-нафаис», изд. Бейрут, Ливан, 1985

г.) [176] была переведена с арабского на фарси-дари афганским писателем доктором Абдурахимом Фирузом. На таджикский язык данное произведение было переведено таджикским ученым Абдулхалимом Орифи и издано впервые в 2005 году и во второй раз – в 2011 году под названием «Краткое изложение Сахиha Бухари». Эта книга отличается от предыдущих книг тем, что в ней хадисы приводятся в краткой форме без какого-либо повторения.

Имам аль-Бухари потратил шестнадцать лет своей жизни на сбор достоверных хадисов Пророка Мухаммада (с). За это время он отобрал 7 397 достоверных хадисов из 600 000 существующих хадисов и включил их в свою книгу. Поскольку к каждому хадису прилагалось обоснование, а некоторые хадисы повторялись, возникли трудности в поиске хадиса, в связи с чем появилась идея собрать данные хадисы в одном томе. Известный знаток хадисов Ахмад ибн Абдуллатиф Зубайди успешно воплотил эту идею в реальность.

3. Произведение Хаkима Тирмизи «Навадиру-л-усул фи марифати ахадис-ир-расул» («Редчайшие принципы познаний хадисов пророка») [119] было переведено с арабского на таджикский язык таджикскими востоковедами Умедой Гафаровой (редактор книги), К. Дадобоевым, Х. Хомидиён, А. Гафуровым и Дж. Каноатовым и издана в 2016 году в Душанбе. Как указано в книге, «перевод с арабского на таджикский язык был сделан с экземпляра, подготовленного Исмаилом Ибрахимом Мутавалли Авазом в 2008 году в Каире» [119, 3]. В предисловии книги – «Хаkим Тирмизи и его роль в развитии науки о хадисах» [162], написанной президентом НАНТ Фарходом Рахими в соавторстве с профессором Умедой Гафаровой и содержащей краткие сведения о биографии и письменном наследии Хаkима Тирмизи и его книге пророческих хадисов «Навадир-ул-усул фи марифати ахадис-ир-расул», подчеркивается, что: « В отличие от традиционных сборников хадисов, широко распространенных в тот период, Хаkим Тирмизи написал первый мистический комментарий к 1578 хадисам,

избранным в 291 главах. В каждой главе он размышляет о сути избранных хадисов на тему медицины, философии, молитв и т. д. и дает им всестороннее лексическое, философское и мистическое объяснение» [162, 8].

4. Книга «Тафсири Кур'он» («Комментарии Корана») Абу Али ибн Сина [173] переведена на таджикский язык известным таджикским востоковедом Саидрахмоном Сулаймони и издана в 1994 году издательством «Ирфон» в Душанбе. В книгу включены комментарии к сурам «Нур», «Фуссилат», «ал-Аъля», «Ихлас», «Фаляк» и «ан-Нас», которые впервые были переведены с арабского на таджикский язык.

Таким образом, в годы независимости страны с арабского на таджикский язык был переведен целый ряд уникальных религиозных и научно–теоретических работ арабских ученых и литераторов. К сожалению, в рамках одного раздела диссертационной работы охватить исследованием все существующие в этом направлении труды не представляется возможным, в то время как обращение к Корану в качестве литературного памятника и его толкованиям, как к важнейшему первоисточникам позволит проследить глубинную взаимосвязь исламских источников с персидско-таджикской литературой.

В этом плане развитие процесса перевода, подготовки и издания произведений с арабского на таджикский и с таджикского на арабский язык, в частности, перевод книги Бабаджана Гафурова «Таджики» на арабский язык, над которым уже несколько лет работает сирийский ученый Ибрахим Истамбули, представляется значимым, поскольку завершение этого дела и других работ в этом направлении способствовало бы укреплению литературных взаимосвязей таджикского и арабского народов.

2.3 Исследование таджикской литературы в арабских странах

Ученые и исследователи арабского Востока всегда интересовались наследием персидской и таджикской литературы и науки, ведь на таджикской земле родилось множество выдающихся людей, которые наряду с арабами оказали содействие в развитии грамматики, права, арабской риторики и литературы. Сегодня арабский Восток по-прежнему сохраняет тесные дружеские отношения с Таджикистаном. К счастью, культурные, научно-литературные взаимосвязи между двумя странами, с единой религией и традициями продолжают существовать. Эта статья посвящена вопросам изучения таджикской литературы в арабском мире. В этом аспекте можно привести ряд ярких примеров, о которых пойдет речь в настоящей статье.

В современном арабском литературоведении египетский ученый доктор Насир Сайид Махмуд осуществил исследование произведений Камала Худжанди в своей диссертационной работе – «Камал Худжанди и его поэзия» [158]. В связи с этим таджикский востоковед У. Гафарова в статье «Камал Худжанди в зеркале исследований таджикских востоковедов и арабских литературоведов» [27] предоставляет обширные сведения по данному вопросу. По ее словам, в первой главе научной работы Насира Сайида Махмуда Хиджжи под названием «Биография поэта» содержатся сведения о биографии Камала Худжанди (1321-1401). Вторая глава диссертации – «Газели в творчестве поэта», посвященная изучению поэтических жанров в диване шейха Камала Худжанди, таких как касыда, газель, кит'а, рубаи, масневи, состоит из двух разделов, в первом из которых рассматриваются особенности «земной» газели, воспевающей земную любовь. Во втором разделе исследованы особенности мистической газели. Третья глава диссертации состоит из двух разделов, первый из которых называется «Поэтический стиль» и посвящен применению художественных средств в поэтическом диване Камала Худжанди. Четвертая глава – «Таъсир

ва таассур» также состоит из двух разделов, первый раздел посвящен влиянию Корана и выдающихся поэтов таджикского народа на поэзию Камала Худжанди. Второй раздел посвящен вопросам поэтического мастерства Камала Худжанди.

У. Гафарова в качестве примера также приводит некоторые арабские переводы знаменитых газелей Камала Худжанди, осуществленные Насиром аль-Хиджжи, и проводит сравнительное исследование перевода и оригинального текста газелей. Автор статьи оценивает научную работу Насира аль-Хиджжи следующим образом: «К сожалению, вследствие того, что исследователь не имел доступа к научным изысканиям таджикских литературоведов, и ему не удалось ими воспользоваться, диссертация требует дальнейшего укрепления аналитического аспекта. Вместе с тем, особым достоинством данного изыскания заключается в том, что оно является первым специальным исследованием о жизни и творчестве Камала Худжанди, написанным на арабском языке с большим интересом и любовью» [27, 496].

Далее, в своей статье ученый рассматривает статьи другого арабского литературоведа Риф'ата Абдуллаха Сулеймана Хусейна по вопросам камаловедения, одна из которых под названием «Взгляд на поэзию Камала Худжанди» [105], опубликована в материалах Международной конференции «Камала Худжанди: становление литературной критики и литературных взаимосвязей». Согласно заключениям У. Гафаровой: «В статье «Взгляд на поэзию Камала Худжанди» автор акцентирует внимание на проблемах социальной среды, описании социальной обстановки, описании природы, поэтических выражениях и терминологии, притчах и поговорках, тематике и поэтическом стиле Камала Худжанди» [27, 497].

В другой статье Риф'ата Хусейна «Путешествие в страну поэзии» [141], опубликованной в газете «аль-Ахрам» (5 декабря 2016 г.), исследованы некоторые особенности поэзии Камала Худжанди, таджикский перевод

которого, выполнен У. Гафаровой, опубликован в журнале «Оинаи пажушишгох» (№3 (3), 2020 г, стр. 193-196).

Исследователь и преподаватель персидско-таджикского языка и литературы Центра восточных языков Университета литературы и гуманитарных наук Суэцкого канала, Доктор Риф'ат Абдуллах Сулейман Хусейн внес значительный вклад в укрепление литературных связей между Египтом и Таджикистаном. На протяжении нескольких десятилетий его внимание сосредоточено на изучении Таджикистана и научно-литературной деятельности таджикских ученых и представителей литературы и культуры.

Р. Хусейн дважды принимал участие на международных симпозиумах, проходивших в Таджикистане. Первый раз ученый выступил на международной научно-литературной конференции «Камал Худжанди: становление литературоведения и литературных взаимосвязей», состоявшейся 28-29 октября 2016 г. в городе Худжанде по инициативе «Научного центра Камала Худжанди». Второе выступление Р. Хусейна состоялось 6 сентября 2021 года на международной конференции «Таджикистан на историческом пути (Тоҷикистон дар масири таърих): независимость, достижения и перспективы», прошедшей в Национальной библиотеке Таджикистана. Он также является членом редколлегии научно-литературного журнала «Камал Худжанди». Его статьи опубликованы в журналах Египта и Таджикистана, в том числе в журналах «аль-Ахрам», «Наследие и цивилизация», «Зеркало университета», научно-литературном журнале «Камал Худжанди» и в сборнике «Материалы международных конференций», и т.д.

Египетский литературный критик Аффаф осуществил сравнительное исследование творчества Фаррухи с поэзией аббасидского периода Абу Нуваса ибн Хани [151]. Исследованию проблем творчества Абу Нуваса посвящен научный труд таджикского востоковеда Нигоры Акиловой – «Традиции доисламской литературы иранских народов в творчестве Абу Нуваса» [10].

Другой арабский ученый Хусейн Али Махфуз, в своем исследовании «аль-Мутанабби и Саади» [195] осуществил сравнительный анализ поэзии выдающегося персидско-таджикского поэта Саади Ширози (1210-1291) и знаменитого арабского поэта Мутанабби (915-965) с точки зрения общностей и отличий в поэтическом стиле и художественных образов в их творчестве.

В этом русле выполнена и научная работа тунисского ученого Али аш-Шаби - «аль-Адаб ал-Фарси фи-л-асри-л-Газневи («Персидская литература в эпоху Газневидов), [146] в котором подвергаются сравнительному анализу творчество Мутанабби с поэзией персидских поэтов периода Газневидов, в частности с поэзией Фарруха Систани. В этой связи Т. Мардони отмечает: «Автор поражает читателя тонкими рассуждениями, ясным взглядом, рассудительными и искусными сравнениями» [65, 209]. Наряду с этим, таджикский исследователь А. Ишанхонов осуществил исследование по теме «Мутанабби и его влияние на поэзию поэтов эпохи Газневидов» [43].

Таджикско-арабским литературным связям посвящены и статьи другого арабского ученого – Мухаммада Алтунджи из древнего сирийского города Алеппо, к которым относятся: «Далил аль-луга-ль-фарсия» (Путеводитель по персидскому языку, Бейрут, 1960), «аль-Луга-л-фарсия и адабуха» (Персидский язык и литература, Бейрут, 1967), «Кутуфун мина-л-адаби-л-фарси» («Избранная персидская литература», Бейрут, 1967), «аль-Маджмуат аль-фарсия» (Дамаск, 1968) и др. Тематика и научная значимость статей Мухаммада Алтунджи подробно рассмотрены в статье таджикского ученого Т. Мардони – «Уроки доктора Мухаммада Алтунджи» [67, 199].

Арабский литературовед из Бейрута Виктор аль-Кик изучил влияние арабской культуры на поэзию Манучехра Дамгани. Его исследование, изданное в 1971 году в Ливане, является одним из наиболее серьезных в области персидско-таджикских и арабских отношений. Подробные сведения о других научных работах этого ученого можно найти в книге Т. Мардони «Страницы из арабско- таджикских литературных взаимосвязей» [65, 207].

Несомненно, самое большое и пристальное внимание арабские ученые уделяли трудам и философским произведениям Абу али Ибн Сины (980-1037). Таджикский ученый Ёрмахмад Ниязи, автор книги «Арабские ученые о философии Ибн Сины» [93], собрал воедино мнение и цитаты известных современных арабских ученых о философии Ибн Сины, в частности: «1. Хусейн Мурувва и Тайиб Тайзини считают общую тенденцию философии Ибн Сины материалистической; 2. Согласно Аббасу Махмуду аль-Аккаду Ибн Сина является одним из религиозных философов, чья философия имеет идеалистическую направленность. 3. Согласно Джамилу Салиба Ибн Сина был последователем Платона, а не Аристотеля. 4. Ханна-ль-Фахури, Умар Фаррух и Ахмад Фуад аль-Ахвани считают, что Ибн Сина усовершенствовал философию Аристотеля. 5. Абдурахман аль-Бадави и Тайсир Шейхуларз наблюдали в философии Ибн Сины множество элементов современной экзистенциальной философии. 6. Маджид Фахри упоминает биполярное мышление Ибн Сина» [93, 3 - 4]. Несомненно, книга «Арабских ученые о философии Ибн Сины» является одним из значимых работ в области исследования творчества Ибн Сина, его философии в арабском литературоведении.

Таджикский востоковед Субхиддин Зияев в своей статье «Сирийский мавлавивед – доктор Иса Али аль-Акуб», [34] посвященной изучению и обобщению научно-исследовательских работ арабских ученых по вопросам художественного наследия Джалалиддина Руми (1207-1273), упоминая слова иранских ученых – Наргис Ганджи и Фатимы Ишраки о том, что «история первых статей по мавлавиведению в арабском мире насчитывает более семидесяти лет», подчеркивает, что исследование проблем таджикской литературы арабскими учеными играет важную роль в обогащении национальных литератур [34, 125].

Об усилении интереса арабских ученых к изучению творческого наследия выдающихся поэтов и писателей таджикской литературы свидетельствует и обращение арабских специалистов к творчеству

Джалалиддина Руми. Так, согласно сведениям С. Зияева: «арабский ученый Сайид Мухаммад Джамал аль-Хашими ал-Ираки перевел на арабский язык рассказы «Масневи» Руми и опубликовал их в 1995 году в издательстве «Дар аль-Хакк» в Бейруте под названием «Хикаятун ва ибарун мин аль-Масневи» («Рассказы и словосочетания из Масневи») в объеме 325 страницы» [34, 126].

В данной статье С. Зияев рассматривая исследования арабского ученого, сирийского мавлавиведа - доктора Иса Али аль-Акуба, научный труд которого «Таъсир ал-хикам ал-фарси фи-л-адаби-л-араби ал-муассир фил-аср ил-аббаси-л-аввал» («Влияние персидской философии на арабскую литературу в первый аббасидский век»), переведенный на персидский язык Абдуллой Шарифом Худжаста, в 1996 году был издан Издательством науки и культуры [34, 128], высоко оценивает его работы. Следует отметить, что доктору Иса Али аль-Акубу принадлежит также перевод книги Джалалиддина Руми – «Маджалиси саба'а» («Собрание семёрки») с персидского на арабский язык.

В действительности, еще с древних времен арабские исследователи и ученые уделяли пристальное внимание изучению таджикской науки и литературы, а в период независимости Таджикистана эта тенденция получила еще большее развитие, ярким примером чему являются дружеские отношения иракского журналиста и политика Халиля Абдуазиза с академиком Бабаджаном Гафуровым, ставшего для него учителем и наставником. В статье Т. Мардони «Академик Бабаджан Гафуров глазами арабского журналиста и политика Халила Абдуазиза» [64], рассматривается значение этих дружеских отношений для будущего роста иракского журналиста. Согласно сведениям, предоставленным Т. Мардони, Халиль Абдуазиз родился в иракском городе Мосул в 1934 году и с молодого возраста участвовал в молодежных политических комитетах. За участие в движении сопротивления в 1956 году он был приговорен к одному году тюрьмы в Багдаде, затем его отправили в город Бадра в районе аль-Кут и переслали в военный лагерь аль-Шуейб на юге Ирака.

14 июля 1958 г. в Ираке произошла революция и Халил Абдулазиз, находящийся в то время в тюрьме, вернулся в свой родной город Мосул, чтобы продолжить работу в качестве главы Иракского союза молодежи. В 1959 году Халил Абдулазиз был приговорен к смертной казни за участие в движении сопротивления и борьбу за построение демократического государства. Благодаря Коммунистической партии он смог уехать в Москву, и начать там новую жизнь. Успешно закончив курсы русского языка на подготовительном факультете МГУ, Халил Абдулазиз поступил на факультет журналистики и после защиты диплома, продолжил свое обучение в аспирантуре, где он начал писать диссертацию.

Халил Абдулазиз много слышал об академике Б.С. Гафурове и питал к нему особое уважение, однако долгое время он не мог с ним встретиться. Благодаря активному участию в научной и общественной жизни, он был направлен на международную конференцию Комитета солидарности стран Азии и Африки, состоявшуюся в Ереване, в столице Армении, на которой он был назначен главой советской делегации. На этой конференции Х. Абдулазиз впервые лично встретился с Б. Гафуровым и рассказал ему о себе. Жизнь Х. Абдулазиза приняла совершенно другой оборот. Б. Гафуров оказал ему содействие в ходе защите диссертации, а затем пригласил на работу в качестве ассистента [64, 370-375]. Иракский журналист и политик Х. Абдулазиз рассказывает это событие в своей книге «Махаттат мин хаяти. Суджун. Истиграб. Низал...» («Вехи моей жизни. Тюрьмы... Чужбина... Борьба»), [224] изданной в 2018 году багдадским издательством «Сутур» объемом в 324 страницы, кульминационной точкой которой стало описание встречи иракского молодого журналиста с известным таджикским ученым и политическим деятелем Б. Гафуровым. Данная книга раскрывает малоизвестные стороны личности Б. Гафурова с точки зрения арабского политика.

Следует отметить, что арабские ученые также уделяли пристальное внимание поэзии современных таджикских поэтов. Например, доктор Хамди

Абдулрази, преподаватель таджикского языка и литературы факультета искусств Университета ал-Азхар в Египте, защитил диссертацию на тему «Ритм и контекстуальная структура в стихотворении Аскара Хакима «Санги ман- алмос» [135] («Мой камень-алмаз»). (Ритм ва сохтори матнӣ дар манзумаи Аскар Ҳаким “Санги ман-алмос”) В своей диссертации Хамди Абдулрази, предоставив краткий обзор творческой жизни народного поэта Аскара Хакима, подвергнул изучению и анализу художественное своеобразие его поэзии, в ходе которого он затронул вопросы, связанные с поэтикой и текстологией его поэмы – «Мой камень-алмаз», проанализировал поэтические образы, художественный стиль и особенности ритмики и рифмовки поэмы. Более того, его перу принадлежит перевод поэмы – «Мой камень-алмаз» А. Хакима на арабский язык. В качестве иллюстрации приведем следующий отрывок: [135, 5].

من أنا ؟	من کیم؟
انسان کما لو کان شجرة	آدمی انگار درخت
امتدت جذوری فی شریان القرية	ریشه م رفته در آب دل ده
اخضر فرعى فی جسد المدينة	شاخه م سبز شده در تن شهر
بحیث لم أکن لا قرویا ولا مدینیا	که بدین حال نه شهری نه دهاتی باشم
انفصلت عن نفسی فکیف اتصل بالآخر	کندم از خویش چه سان با دیگری پیوندم

(Кто я? // Человек, подобный дереву. // Корни мои ушли глубоко в сельскую почву // Ветви мои зеленеют на стволе города, // Я ни к селению, ни к городу теперь не отношусь/ Оторван я от истоков, как пристать к другому?) (Подстрочный перевод автора).

Текстологический анализ вышеприведенных отрывков показывает, что перевод, осуществленный доктором Хамди Абдулрази, позволяет выявить полное соответствие переводного материала исходному тексту как по внешней форме, так и по внутреннему содержанию. Переводчику удалось в полной мере передать ритмико-интонационный строй оригинала и отобразить художественные средства, встречающиеся в поэме А. Хакима и тем самым добиться максимальной близости перевода к тексту.

Последние годы исследованием газелей в современной таджикской литературе занимается преподаватель Каирского университета ал-Азхар Асма Ахмад, который на примере поэтических сочинений поэтессы Фарзоны Худжанди исследует эволюцию развития этого жанра в современном периоде. Научная работа этого ученого примечательна тем, что в ходе исследования творческой личности поэтессы Фарзоны и своеобразия ее поэзии Асма Ахмад обращается к английским, арабским и персидским источникам. Заслуживает внимания и то, что этому исследователю принадлежит перевод целого ряда газелей Фарзоны с таджикского на арабский язык в достаточно интересной манере и стиле.

В целом, как отметил Т. Мардони: «Число арабских ученых, известных своими научными работами в области сравнительного исследования персидско-таджикской и арабской литератур, достаточно велико не только в восточно-арабских странах, но и в научных и литературных кругах всего мира. Среди них известны имена Абдулваххаба Аззама, Мухаммада Гунайми Хилала, Хусейна Муджиба аль-Мисри, Мухаммада Мусу аль-Хиндави, Мухаммада Абдусалома Каффафи, Ибрагима Амина аш-Шавариби, Мухаммада аль-Фурати, Абдулхака Фазиля, Ахмада Хамида ас-Саррафа и многих других ученых из различных стран» [65, 208].

Таким образом, в период независимости Таджикистана арабские исследователи также обратились к таджикской литературе, о чем свидетельствуют приведенные выше материалы.

ВЫВОДЫ ВТОРОЙ ГЛАВЫ

С обретением Таджикистаном независимости таджикско-арабские литературные и культурные связи значительно укрепились и вступили на новый качественный уровень, поскольку именно в этот период Республика Таджикистан стал развивать многовекторные отношения и связи с арабскими странами, в том числе с Саудовской Аравией, Катаром, Кувейтом, Объединенными Арабскими Эмиратами, Египтом, Палестиной и др. Подписание соглашений между двумя странами, проведение Дней культуры и Дней открытых дверей, создание и развитие деятельности обществ и переводческих центров, проведение официальных визитов и научных конференций, а также литературных встреч с участием ученых и писателей обоих народов – все это способствовало усилению межлитературных связей.

Одним из важнейших факторов активизации литературных взаимосвязей стало обращение ученых и литературоведов обеих стран к изучению и научной интерпретации истории, научных, литературных и культурных достижений народа, с которым связывает общность судеб, мировоззренческие тенденции, скрепленные многовековыми культурными связями.

Другим факторов развития таджикско-арабских межлитературных связей является обращение таджикских литераторов к теме арабского сопротивления. Благодаря творчеству таджикских поэтов по вопросам Палестины, Сирии и Ирака в таджикской и арабской литературе возникла общая тематика сопротивления и взаимовлияния литератур.

Литературные взаимосвязи Таджикистана и Палестины получили новый виток развития в период обретения Таджикистаном независимости, чему способствовало наряду с другими факторами и обращение таджикских поэтов к проблемам многострадального арабского народа, в частности, к теме сопротивления палестинцев, отражению борьбы этого народа за

независимость. В поэзии современных таджикских и палестинских поэтов наблюдаются произведения, объединенные общностью тем, в особенности темы патриотизма, защиты исконной земли предков, притеснения и насилия врагов, памяти и почитания мучеников, надежды на победу в освободительной войне, а также использованием религиозных понятий и выражений, аллюзий и реминисценций на исторические события и коранические сказания.

Литературные связи между Таджикистаном и арабскими странами имеют взаимный характер, поскольку, в результате прямых и опосредованных контактов арабские поэты – Муин Бсису, Махмуд Дарвиш, Хасан Ибрахим Наккаш, Абдулваххаб аль-Баййати и Мухаммад Салех Бахру-л-улум посвятили Таджикистану и современным таджикским поэтам ряд стихов, посвященных таджикскому народу, его культуре и литературе. Примечательно, что таджикские поэты и писатели, понимая важность творческого освоения опыта арабской литературы, создавали стихи об арабских поэтах и о проблемах арабских стран, что, несомненно, способствует укреплению таджикско-арабских литературных взаимосвязей.

За тридцать лет независимости Таджикистана с арабского на таджикский язык был переведен целый ряд уникальных религиозных и научно–теоретических работ арабских ученых и литераторов, представляющие большую ценность с точки зрения развития литературных взаимосвязей. Такой же интерес проявляли к таджикским научным трудам и арабские исследователи и переводчики, примером которого могут быть переводы трудов Б.Гафурова и президента Таджикистана Э.Рахмона.

Таким образом, в период независимости Таджикистана перевод произведений с таджикского на арабский язык и с арабского на таджикский язык стал одним из основных направлений таджикско-арабских литературных взаимосвязей и сравнительное литературоведение арабской и персидско-таджикской литератур в арабских странах и в Таджикистане вступило на новый уровень развития.

ГЛАВА III. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД КАК ФОРМА ТАДЖИКСКО-АРАБСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

3.1 Роль переводчиков в развитии таджикско-арабских литературных взаимосвязей

История перевода книг, несомненно, восходит к глубокой древности и продолжается в настоящее время, оказывая тем самым определенное влияние на развитие литературных взаимосвязей. В этой связи в данном разделе подвергаются научному осмыслению художественные произведения, переведенные с таджикского на арабский и с арабского на таджикский язык в период независимости Таджикистана.

Следует отметить, что за последние тридцать лет с таджикского языка на арабский язык и с арабского на таджикский язык был переведен ряд прозаических и поэтических сочинений. Таджикские поэты – Гулназар Келди, Кутби Киром, Низом Касым, Ато Мирходжа и Назрулло Назар, перу которых принадлежат переводы стихотворений известных современных арабских поэтов, таких как Суад Мухаммад ас-Сабах, Низар Каббани, Абдулазиз аль-Маколах, Халида Фейсал, Махмуд Дарвеш, Саадия Муфаррах и др., смогли внести свою лепту в дело перевода современной арабской поэзии. Развитие переводческого процесса в этом направлении обусловлено также переводами стихотворений таджикских поэтов, таких как Мирзо Турсунзаде, Мирсаида Миршакара, Мумина Каноата, Лоика Шерали, Бозора Собира, Гулназара, Гулрухсор, Фарзоны, Аскара Хакима, Низома Касыма, Кутби Киром, Мавджуды Хакимовой, Хадисы, Мехринисо, Зулфии Атои, Камола Насрулло, Рахмата Назри, Доро Наджата на арабский язык Н.Назаром и их изданием за границей.

Наряду с поэтическими переводами таджикские арабисты стали уделять внимание и переводу прозаических произведений. Примером может

послужить перевод рассказа Сотима Улугзода «Марги хофиз» (Смерть певца) [211], на арабский язык, выполненный Н. Назаром. Ему также принадлежат переводы на таджикский язык рассказов ливанского писателя Джебран Халиль Джебрана – «Грёзы» [215] и «Великаны» [217]. В таджикском переводе Саидрахмона Сулаймони был издан также сборник рассказов этого писателя под названием «Пророк» [216]. Переводу книги «Улыбка и слезы» Джебран Халиль Джебрана на таджикский язык уделил внимание другой таджикский писатель Фотех Абдулло. Произведение «Девона» Джебран Халиль Джебрана переведенная на персидский язык иранским писателем Наджафом Дарёбандари, была подготовлена на кириллице таджикским арабистом Умридин Юсуфовым и издана в 2012 году издательством Дониш г. Душанбе. Жемчужины арабского фольклора представлены в сборнике арабских анекдотов и афоризмов, переведенных на таджикский язык арабистом Комилем Мусофировым.

Следует отметить, что в период независимости Таджикистана ряд научных и религиозных книг были переведены арабскими учеными, о чем упоминалось в предыдущих главах. В переводе прозаических произведений весом вклад арабского литературоведа Сайид Мухаммад Джамал аль-Хашими ал-Ираки, перу которого принадлежит перевод на арабский язык рассказов «Масневи» Руми, изданный в 1995 году в издательстве «Дар аль-Хакк» в Бейруте под названием «Хикаятун ва ибарун мин аль-Масневи» («Рассказы и словосочетания из Масневи») в объеме 325 страницы» [34, 126]. Или же, другому сирийскому мавлавиведу - доктору Иса Али аль-Акубу принадлежит перевод книги Джалалиддина Руми – «Маджалиси саба'а» («Собрание семёрки») с персидского на арабский язык. Египетский литературовед Насир аль-Хиджжи перевел ряд стихов Камала Худжанди на арабский язык.

Арабскими знатоками таджикского языка наряду с произведениями Мавляна Джалалиддина Руми, Камала Худжанди на арабский язык переведены и образцы поэзии Омара Хайяма. Так, иракским поэтом Махди Джосима на арабский язык переведены 178 рубаи поэта, перевод же 78 рубаи

Хайяма на этот язык принадлежат другому иракскому поэту – Ахмад ас-Сафи - Наджафи. Эти и другие переводы стихов Хайяма вошли в книгу «Омар Хайям. Рубайят» [212], который вышел в свет в 2000 году под редакцией Саидрахмона Сулаймони.

К числу переводов прозаических произведений относится и роман «Бозгашти падар» [202], переведенный на русский язык под названием «Лабиринты женской души» [203]. Этот роман, принадлежащий перу таджикского ираниста Умара Сафара, был издан в 2014 году в арабском переводе Кароматуллаха Усманова и под редакцией доктора ал-Амина Мухаммада Абдуллаха под названием (الاب عوده) شه نازه

Следует отметить, что в рамках одной кандидатской диссертации не представляется возможным рассмотреть все без исключения художественные переводы, сделанные арабскими и таджикскими переводчиками за последние тридцать лет. Вместе с тем, мы попытались в данной главе предоставить необходимую информации об их творчестве, а также о поэтических вопросах арабского перевода произведений таджикских поэтов, выполненные Н.Назаром.

3.1.1 Вклад Назрулло Назара в развитии художественного перевода

Диалог культур, цивилизаций и национальных литератур в современном мире является важным способом решения социальных проблем и достижения взаимопониманий тех понятий и ценностей, которые объединяют человечество. В частности, следует отметить, что культуры, имеющие давнюю историю взаимосвязи и взаимопроникновения в прошлом, всегда отдавали дань уважения достижениям друг друга и сохраняют тесные связи и по настоящее время. В этом контексте следует отметить взаимосвязь таджикской и арабской литератур, в лоне которой таджикские и арабские литераторы продолжительные века творили и создавали величайшие шедевры, вдохновляясь духовным величием друг друга. Взаимосвязь

литератур продолжает развиваться и в период независимости Таджикистана, открывая новые, яркие, современные грани.

Благодаря работам ряда известных таджикских арабистов, открывающие арабскому народу замечательные произведения таджикской поэзии и прозы, и в то же время знакомящие таджикский народ с лучшими произведениями арабской литературы, словами Абдурахмана Джами, «золотая цепь» (“Силсилату-л-захаб”) вековой дружбы и привязанности остается прочной и нерушимой до сих пор. Среди плеяды известных литературоведов и переводчиков, таких как Таджиддин Мардони, Абдушукур Абдусаттор, Низомиддин Зохиди, Умеда Гафарова, Саидрахмон Сулаймони, Нурулло Гиясов, Фахриддин Насриддинов, Саиднуриддин Шахобиддинов и других, особо можно отметить имя признанного знатока арабского языка и литературы, посланника дружбы таджикского и арабского народов - Назрулло Назара.

Следует отметить, что Н. Назар с 2007 по 2014 года являлся Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Таджикистан в Арабской Республике Египет.

Назрулло Назар относится к числу переводчиков, отдавших много сил и труда делу укрепления таджикско - арабских литературных связи. Он осуществил перевод ряда научных, религиозных, художественных и нравственных произведений с таджикского на арабский и с арабского на таджикский язык.

Очевидно, что перевод художественного произведения с языка оригинала должен быть осуществлен до той степени тождества и экспрессивного восприятия, чтобы читатель не чувствовал, что материал является лишь переводом. Перевод поэзии в особенности является сложным. При переводе стихотворения переводчик должен стараться сохранить художественные образы, рифму и ритм, красивую и проникновенную мелодию, передать глубинную идею стихотворения. Также в процессе перевода следует учесть культурные, религиозные, языковые особенности,

географическое положение, обычаи, этнические особенности текста оригинала.

Известный русский писатель А. И. Куприн верно подметил: «Для перевода с иностранного языка недостаточно хорошо знать язык, необходимо проникнуть в духовную глубину каждого слова, в чудесную связь каждого из них» [95, 26]. На самом деле один бейт стихотворения десять переводчиков могут перевести десятью разными способами, но выиграет тот, кто передаст стихотворение без смысловых и формальных сокращений, не меняя при этом смысл стихотворения. Лишь тот переводчик достигнет успеха, у которого перевод выполнен в соответствии с вышеуказанными нормами интерпретации.

Действительно, Назрулло Назар известен на арабском Востоке как поэт, писатель и переводчик. Он перевел стихи целого ряда арабских поэтов с арабского на таджикский язык, в том числе поэзию Абдулазиза аль-Макалих, Низара Каббани, Халида аль-Фейсала, Суада ас-Сабаха, Махмуда Дарвеша, Абдулваххаба аль-Баййати и других. Более того, он перевел на арабский язык стихи многих советских и современных таджикских поэтов.

Назрулло Назар посредством своих переводов распахнул перед арабским читателем двери в богатую таджикскую культуру и литературу. Его переводы были хорошо восприняты арабским читательским сообществом. В Интернет-сайтах можно найти отзывы арабских исследователей о его переведенных произведениях. Например, известный кувейтский писатель, главный редактор журнала «аль-Баян» Аднан Фурзат написал рецензию на официальной странице данного журнала (www.albayan.ae) о книге «Гули рухсор ва гули назар» («Красота лица и красота мысли»): [245].

المتتبع لصفحات الديوان يجد ان هناك ثقافة عميقة وتجربة شعرية ناضجة لدى الشعراء الطاجيكستانيين، ويجد انهم على اطلاع جيد بما وصلت اليه مراحل الشعر وتطوره في انحاء العالم بعد قراءة هذه التجربة يبرز التساؤل الأهم: كيف لم ننتبه طوال هذه السنين الى ان لدينا جيرانا في آسيا مبدعين بهذا الحجم؟

Перевод цитаты: «Те, кто следит за страницами поэтического сборника, обнаружат, что таджикские поэты обладают глубокой культурой и большим поэтическим опытом, а также поймут то, как прекрасно осведомлены таджикские литераторы об этапах становления поэзии и ее развития во всем мире. После прочтения этой книги возникает важный вопрос: почему мы за все эти годы не осознали, что у нас в Азии есть такие замечательные соседи - творцы слова» (*перевод автора диссертации*)

Следует отметить, что Аднан Фурзат написал ещё одну большую статью о книге «Гули рухсор ва гули назар» под названием «Таджики знают нас, а мы не знаем их», (9 августа 2007 года) где отметил: [245].

ومما لا نعرفه عن شعراء طاجيكستان ان لديهم ثقافة جيدة عن العرب، فهم يكتبون عن امرئ القيس ويهدون قصائدهم الى الشاعر الفلسطيني معين بسيسو ويواسوننا بمجزرة صبرا وشاتيلا.. فهل قابلناهم بالابداع نفسه؟ هل قدم لهم شاعر عربي قصيدة تواسي جراحهم خلال مأساة الحرب التي عصفت بهم؟

Перевод цитаты: «Все, что мы знаем о поэтах Таджикистана, это то, что они хорошо знакомы с культурой арабов, они пишут об Имруулькайсе, посвящают стихи палестинцу Муину Бсису и горюют и утешают нас в связи с убийством Сабры и Шатилы. Получают ли они такое же отношение в отношении себя в нашем творчестве? Сочинил ли им какой-нибудь арабский поэт стихотворение, чтобы смягчить их боль во время постигшей их трагической войны?». (*перевод автора диссертации*).

Безусловно, арабские литераторы уделяли значительное внимание таджикской литературе, культуре и цивилизации, и тема Таджикистана, тема таджикского народа никогда не оставалась без внимания арабских поэтов, аспекты которой рассмотрены в разделах: «Исследование таджикской литературы в арабских странах», «Тема арабского сопротивления в творчестве таджикских поэтов», «Таджикско-арабские литературные взаимосвязи в советский период».

3.2 Поэтика переводов таджикской поэзии на арабский язык

Осуществляя статистический анализ поэтических и прозаических переводов с таджикского на арабский и с арабского на таджикский языки, опубликованных в период независимости Таджикистана, можно сделать вывод, что около 70% переводов художественного произведения осуществлены Назрулло Назаром, 30% - принадлежат другим переводчикам.

Переведенные им произведения можно разделить на несколько групп:

1. Художественный перевод таджикской поэзии на арабский язык.
2. Художественный перевод арабской поэзии на таджикский язык.
3. Перевод прозаических произведений (с таджикского на арабский и с арабского на таджикский языки).
4. Перевод научных произведений (с таджикского на арабский язык)
5. Перевод произведений религиозного характера (с арабского на таджикский язык).
6. Перевод научных работ с русского на арабский язык.
7. Словари (с таджикского на арабский и с арабского на таджикский языки).

Следует отметить, что переводы Н. Назара публиковались в журналах и газетах ряда арабских стран, таких как Кувейт, Египет, Ирак, Саудовская Аравия, Ливан, Йемен, Сирия, Палестина и др. В авторитетных зарубежных издательствах, особенно в арабских странах, также опубликованы сборники стихов современных таджикских поэтов. Например, книга «Парокандабаргхо» («Рассыпанные листья» - «أوراق متفرقة») [241] была издана на арабском языке в 2017 г. в каирском издательстве «Шамс» тиражом 1000 экземпляров, что считается значимым событием в сфере становления таджикско-арабских литературных связей.

«Рассыпанные листья» представляет собой сборник касыд, стихотворений и двустиший на арабском языке. В первой части книги

собраны стихи, написанные Н. Назаром в различные периоды жизни. В частности, в указанном сборнике собраны его первые стихи, написанные еще в годы студенчества. Как упоминалось в предыдущей главе диссертации, автор дал начало книге стихотворением, посвященным палестинскому поэту-патриоту Махмуду Дарвешу. Искренними нотами исполнено другое его стихотворение, посвященное кувейтскому дипломату Башару Абдуллаху аль-Мувайзари, другу Назрулло Назара.

Вышеуказанное свидетельствуют о том, что Н. Назар еще со студенческой скамьи был любителем не только персидской и таджикской культуры и литературы, но и литературы арабского Востока. На его знания и переводческую деятельность большое влияние оказали арабские поэты, что напрямую отразилось в осуществленных им переводах.

Другая часть сборника состоит из стихов Назрулло Назара о Таджикистане, городе Душанбе и его родине – горном селении Дарг. Переводчик также осуществил перевод стихов двадцати советских и современных таджикских поэтов как Мирзо Турсунзаде, Мирсаида Миршакара, Мумина Каноата, Лоика Шерали, Бозора Собира, Гулназара, Гулрухсор, Фарзоны, Аскара Хакима, Низома Касыма, Кутби Кирома, Мавджуды Хакимовой, Хадисы, Мехринисо, Зульфийи Атаи, Камола Насрулло, Рахмата Назри, Доро Наджата, Исфандиёра и Бури Каримова на арабский язык. Кроме того, в книге размещены арабские переводы произведений мировых поэтов, в том числе стихов Расула Гамзатова (Дагестан), Максима Танка (Беларусь), Зулфии (Узбекистан), Ато Атоджонова (Туркменистан) и др., осуществленные Н. Назаром.

Заключительная часть книги посвящена известным арабским поэтам Мухаммадсалеху Бахр-уль-улуму (Ирак), Муину Бсису (Палестина), Хасану Ибрагиму Наккашу (Ирак) и другим, воспевавшим в своей поэзии Таджикистан.

«Рассыпанные листья» - один из лучших образцов перевода стихов таджикских поэтов на арабский язык. Составитель и переводчик посвятил

книгу памяти своего наставника Хасана Ибрагима Наккаша, который был родом из Ирака и преподавал арабский язык на восточном факультете Таджикского национального университета.

Стихи Н.Назара действительно приятны и обладают неповторимым очарованием. Наверное, одной из причин успеха его переводов является присущий ему высокий поэтический вкус. Вся суть в том, что только человек, обладающий художественным вкусом, может прочувствовать поэзию другого поэта и передать его с языка оригинала на язык перевода, сохранив образность, словесную красоту и уникальную манеру изложения. Н. Назар пишет под псевдонимом «Низор» или «Назрулло Низор». Примечательно, что он, рожденный в Таджикистане и являющийся коренным таджиком, сочиняет свои стихи на арабском языке.

Другая книга — это сборник стихов таджикских поэтов в арабском переводе Н. Назара «Блеск одиннадцати светил» “Зи рахшанда кавокиб ёздаҳ” («أحد عشر كوكباً») [221], изданная в 1992 году издательством «Шарки Озод» в Душанбе. Книга представляет собой сборник поэзии таких таджикских поэтов как Мирзо Турсунзаде, Мирсаида Миршакара, Мумина Каноат, Бозора Собира, Аскара Хакима, Кутби Кирома, Лоика Шерали, Гулрухсор, Гулназара, Рахмата Назри, Камола Насрулло и Н. Назара на арабском языке. Н.Назар приложил усилия, чтобы представить арабскому читателю стихи таджикских поэтов с фотографиями и их биографиями.

Из творчества Мирсаида Миршакара Н. Назара выбрал серию детских стихотворений и перевел их с таджикского на арабский язык. Книга была издана в 1998 году издательством «Шарки Озод» в Душанбе под названием «Улыбка раскрывающихся бутонов» “Табассуми ғунчаҳо” («بِسْمَةِ الْبَراعم») [239].

Кроме того, он является переводчиком сборника стихов Гулназара «Мой край - Таджикистан» («طاجикиستان وطناً»), изданного в 1997 году в Душанбе на арабском языке.

Арабский перевод сборника стихов таджикского поэта Доро Наджата под названием «Поэтические мысли» (Хаёлвораи шеър) [230], изданный в 2019 году в Кувейте, также осуществлен Н. Назаром. Сборник предварён словами Посла Республики Таджикистан в государстве Кувейт доктора Зубайдулло Зубайдзода: «Газета «Кабас» не один и не два раза, а многократно публиковала образцы современных таджикских поэтов. В 2006 году по инициативе этого издательства был опубликован сборник стихов таджикских поэтов Гулрухсор и Гулназара под названием «Гули рухсор ва гули назар» («وردة في الخد وأخرى في النظر»), познакомивший жителей Кувейта и других арабских стран с прекрасной таджикской поэзией. Национальный совет по культуре, искусству и литературе Кувейта выступил с очередной инициативой по изданию сборника стихов известного таджикского поэта Доро Наджата. Важно то, что это радостное событие совпало с подготовкой к проведению Дней культуры Кувейта в Таджикистане...» [40, 75]. Данное событие произошло в рамках подготовки к Дням культурного обмена между двумя странами - Кувейтом и Таджикистаном. Литературным редактором «аль-Кабас» («Очаг») является кувейтский поэт Саадия Муфаррих, чьи стихи также переведены Н. Назаром на таджикский язык и опубликованы в различных газетах и журналах.

Сборник «Гули рухсор ва гули назар» [242], выход которого был приурочен к празднованию 15-летней годовщины Независимости Республики Таджикистан, начинается текстом Государственного гимна Таджикистана (стихотворение Гулназара, перевод Н. Назара):

Таджикский	Арабский	Русский подстрочный перевод таджикского текста
<p><i>Диёри арҷманди мо, / Ба бахти мо сари азизи ту баланд бод, / Саодати ту, давлати ту бегазанд бод. / Зи</i></p>	<p><i>عزيرة أنتِ علينا يا بلادنا / وفي سبيلِ عزكِ اجتهادنا.. / جهادنا / وجاء من عمق القرون امتدادنا / حفاقة راياتك فوق الرؤوس /</i></p>	<p><i>О, наш славный край, / На наше счастье, Пусть гордо высится</i></p>

<p>дурии замонаҳо расидаем, / Ба зери парчами ту саф кашидаем, кашидаем. / Зинда бош эй Ватан, / Тоҷикистони озоди ман! [22,12].</p>	<p>وَاصْطِفَانَا بِظِلِّهَا .. وَإِتْحَادَنَا / فَلْتَعْشُ يَا وَطَنُ / طَاجِكِسْتَانُ ! حُرَّةً [242,8].</p>	<p>твоя священная глава, / Пусть счастье и благоденствие твое царит всегда. / К дню этому шли с древних мы времен, Встаем в сплоченные ряды под знаменем твоим/ Да здравствует Родина моя, мой свободный Таджикистан! (подстрочный перевод автора)</p>
---	---	--

Анализ текстологии исходной и переводной единицы показал, что переводчику удалось исчерпывающим образом воспроизвести семантико-стилистические и экспрессивно-эмоциональные аспекты оригинала, достигнутые посредством сохранения таких средств стилизации, как ритм, рифма и ассонанс, в чем можно убедиться при прочтении арабского перевода стихотворения, в которой звучит сходная мелодика и то же торжественное звучание государственного гимна. Даже для тех, кто только начинает изучать арабский язык, это стихотворение в меру понятно, так как переводчик использовал общеупотребительные формы речи, что соответствует принципам перевода. Например, в переводе первой строки «عَزِيْزَةٌ أَنْتِ عَلَيْنَا يَا / «Для нас ты дорог, о наш край», переводчиком употреблены наиболее употребительные и известные простому читателю слова: *дорог* - *عَزِيْزَةٌ* и *бладд* - *بِلَادِن*, позволяющие передать и содержание стихотворения, и его тональность. В данной строке торжественность и патетичность создается посредством стилистической фигуры хитаб- подчеркнутое обращение к адресату, в этом случае – «край», которое в арабском тексте также находит свое соответствие عَزِيْزَةٌ أَنْتِ عَلَيْنَا يَا بِلَادِنَا — «Для нас ты дорог, о наш край». Далее следует строка: «Ба бахти мо сари азизи ту баланд бод, Саодати ту, давлати ту бегазанд бод», переведенная вольным способом: [307, 8]: *وَفِي سَبِيلِ عِرْكَ اجْتِهَادِنَا .. / جِهَادِنَا*

«На пути твоей славы наше рвение и усилия, наши старания». “Ва ба хотири туст (дар роҳи иззати туст) чидду чаҳд ва кӯшишҳои мо, чиҳоди мо”.

Следует отметить, что в переводе поэтического текста порой переводчику необходимо выбирать между смысловой точностью и стройностью звучания, что вызывает большие сложности. Иногда, стремясь сохранить рифму, переводчик вынужден будет отступить от точного воспроизведения содержания, его предложения будут искажены и с грамматической точки зрения слова теряют свое место, и в этом случае он предпочитает обратиться к вольному переводу, в чем мы можем удостовериться на примере перевода Н.Назара в вышеприведенной строке.

В строке «*Ба бахти мо сари азизи ту баланд бод*» / «*На наше счастье, Пусть гордо высится твоя священная глава*» художественный троп **маджаз**, используемый поэтом для метафоричного переноса значения слова - «сар» (голова), поскольку «край» - существительное неодушевленное и не может иметь головы, служит для выражение гордости и пожелания мира своей Родине. Как известно, «метафора является одним из средств художественного описания и исконное значение слова в поэзии заведомо не употребляется» [81, 68] и передача этой фигуры речи в значительной степени зависит от мастерства переводчика и умения отыскать переводимой единице оригинала наиболее подходящее по условиям контекста единицу соответствия. К художественным приемам такого рода относится и **тавсиф** (эпитет), используемый поэтом в строке «*сари азизи ту баланд бод*» *Пусть гордо высится твоя священная глава*. Следует отметить, что в арабском переводе стиха этот художественный прием не находит соответствие, однако в данном случае этот прием является оправданным, поскольку, жертвуя им, переводчик не утратил смысловой эквивалентности и даже сумел использовать соответствующую рифму. Рифмовка первых пяти строк переведенного стихотворения имеет форму «аа, аа, аа, аб, аа», что показывает гармоничное созвучие таджикской и арабской поэзии.

Далее следует строка гимна: «*Зи дурии замонаҳо расидаем, Ба зери парчами ту саф кашидаем, кашидаем*», переведенная Н. Назаром следующим образом:

[242, 8] ... *وَجَاءَ مِنْ عُمُقِ الْقُرُونِ امْتِدَادُنَا / خَفَافَةٌ رَايَاتُكَ فَوْقَ الرُّؤُوسِ / وَاصْطِفَافُنَا بِظِلِّهَا*
وَإِتْحَادُنَا

Подстрочный перевод вышеприведенных стихов таков: «*И пришли мы из глубины веков / Твой флаг реет над нашими главами / И (мы) в его тени выстраиваемся в единстве*».

При сравнении приведенных выше текстов можно убедиться в семантической эквивалентности текстов подлинника и перевода, с той лишь разницей, что в арабском тексте, с целью предания необходимой тональности и экспрессии, переводчик добавляет такие поэтические слова и выражения как «*реет*», «*нашими главами*», «*тень*», «*в единстве*» и т.д. В переводе поэтического текста, в силу специфики самого жанра, добиться максимальной передачи всех компонентов в большинстве случаев не представляется возможным. В связи с чем, в языке перевода могут быть использованы близкие по семантике слова и выражения, которые в целом передают смысл оригинала. Анализ соотносимых текстов показывает, что переводчик приложил огромные усилия для адекватного воспроизведения таджикского гимна на арабский язык и в этом деле он добился успеха. По сути, текст перевода — это уже не текст поэта или писателя, а достояние переводчика, так как тот, кто переводит, прилагает усилия не меньше автора и создает новый текст на другом языке.

Перевод нижеследующего отрывка, также можно назвать идентичным, поскольку в нем Н Назаром сохранены как содержание, так и ритмико-мелодический строй припева:

Таджикский	Арабский	Русский дословный перевод арабского текста
------------	----------	--

<p><i>Зинда бош, эй Ватан, / Тоҷикистони озоди ман! [22, 12]</i></p>	<p>فَلْتَعِشْ يَا وَطَنُ / طاجِكِسْتَانُ حُرَّةً! [242, 8]</p>	<p>Да здоровствует, Родина, / Свободный Таджикистан</p>
--	--	---

Слово «родина» по-арабски звучит также – «وَطَنُ», идентичное звучание имеет слово Таджикистан — «طاجِكِسْتَانُ». Таджикский и арабский текст, отличаются лишь в том, что в таджикском тексте «Тоҷикистони озоди ман» присутствует местоимение «мой», который в арабском тексте отсутствует – «Свободный Таджикистан» (! طاجِكِسْتَانُ حُرَّةً). Данный прием используется в случаях, когда опущение слова, значение которой легко восстанавливается в контексте, не мешает реализации главной задачи. Однако в передаче других средств выражения, в частности *маджаз* в строке «*Зинда бош, эй Ватан*» // «فَلْتَعِشْ يَا وَطَنُ» переводчик добивается успеха. Такого же правильного решения переводческой задачи Н.Назар находит и в передаче *хитаба* -риторического обращения «*Зинда бош, эй Ватан*», адресатом которого является Родина: «يَا وَطَنُ».

Стихотворение Гулназара продолжается следующими строками, перевод которых Н.Назаром на арабский язык приведено в следующей таблице:

Таджикский	Арабский	Русский подстрочный перевод арабского текста
<p><i>Барои нангу номи мо, / Ту аз умеди рафтагони мо нишонай, / Ту баҳри ворисон ҷаҳони ҷовидонай [22, 12].</i></p>	<p>وَإِنَّكَ لِلْمَجْدِ رَمَزٌ وَالْكَرَامَةِ / لِمَنْى أَسْلَافِكَ أَبْقَى عَلَامَةٌ / وَعَالَمٌ لِأَبْنَانِكَ الْأَمَاجِدِ مُخَلَّدٌ [242,8].</p>	<p>Поистине, ты символ величия и щедрости, / И остался нам от предков след, / И для своих драгоценных наследников всегда</p>

		будешь вечным миром (Подстрочный перевод автора)
--	--	---

При сравнительном анализе оригинала и текста перевода, можно сделать вывод, что переводчик обладает большим мастерством и талантом, подтвержденем чему является сохранение единства формы и содержания в арабском тексте.

В строке Гулназара – «*Ту баҳри ворисон ҷаҳони ҷовидонай*» художественно- выразительное средство эпитет употреблен с целью отождествления образа Родины с «вечным миром», которое в арабском тексте находит полное соответствие: “*وعالمٌ لأبنائك الأماجدِ مُخلِّدٌ*”.

Примечательно, что в тексте перевода сохранены средства выразительности, присутствующие в тексте оригинала.

Следующие строки гимна переводятся таким образом:

Таджикский	Арабский	Русский подстрочный перевод арабского текста
<i>Хазон намерасад ба навабаҳори ту, Ки мазраи вафо бувад канори ту, канори ту</i> ” [22, 12].	<i>ربيَعِكِ .. لَيْسَ يَمَسُّهُ أَذَى / رَبُّوعِكَ أَرْضٌ وَفَاءٍ لِلرِّجَالِ وَاسْتِقَامَةٌ</i> [242, 8].	<i>Твоей весне не грозят никакие угнетения, / Твоя граница является верной землёй для доблестных мужей и жителей /</i> (Подстрочный перевод автора)

Слово «хазон» («осень») из текста оригинала в арабском варианте передано словом «угнетение» (шиканча), однако в целом, переводчик сохранил идею стихотворения Гулназара, ведь поэт использовал слово «хазон», как метафору, чтобы описать вечную весну своей отчизны, которой не грозит упадок и осеннее увядание. Во второй строке поэт прибегнул к средству выразительности *тавсиф* и назвал свою родину «краем верности», а переводчик в арабском переводе умело передал его: «أَرْضُ وِفَاءٍ». В таджикском тексте также использовано художественно-выразительное средство *повтор*: «Ба зери парчами ту саф кашидаем, кашидаем», «Ки мазраи вафо бувад канори ту, канори ту», однако в тексте перевода с целью сохранения рифмы, данный художественный прием переводчиком опускается. После второго припева следуют такие строки:

Таджикский	Арабский	Русский подстрочный перевод арабского текста
<p>Ту модари ягонай, / Бақои ту бувад бақои хонадони мо, / Мароми ту бувад мароми қисму қони мо [22, 13].</p>	<p>وَإِنَّكَ أُمَّ تَعْمُ الْأَجْمَعَا / نِيْطُ بِكَ هِنَاؤُنَا وما إلى التطلع دعاً / وفي وَجُودِكَ التواصلُ [242, 9].</p>	<p>Ты для всех – мать / Наша радость и наши надежды, мольбы связаны с тобой, / И суть твоя – единение (Подстрочный перевод автора)</p>

Текстологический анализ оригинала и текста перевода показал, что Н.Назар данные строки переводит в вольном стиле, потому что дословный перевод арабского текста будет таким: *Ты для всех – мать / Наша радость и наши надежды, мольбы связаны с тобой, / И суть твоя – единение.*

Гулназар уподобляет Родину «единственной матери». В переводе Н.Назара эта мысль передана совершенно идентично посредством выражения: *وَإِنَّكَ أُمَّ تَعْمُ الْأَجْمَعَا* – Разница выражается лишь в том, что в арабском тексте слово «единственная» опускается: «*Ты для всех – мать*».

Или же в таджикском варианте наблюдается использование лексических повторов, как художественных средств, служащих для усиления эмоциональности и выразительности высказывания: *Бақои ту бувад бақои*

хонадони мо, Мароми ту бувад мароми қисму қони мо” ... Здесь наблюдается использование горизонтальных повторов посредством слов «бако» и «маром», однако в арабском тексте это средство выразительности не используется.

Вместе с тем, подобный подход не умаляет красоту перевода, ведь арабский язык очень сложен и труден в изучении, и создание стиха поэтом-таджиком на арабском языке, несомненно, является предметом особой гордости и чести.

Следующие строки национального гимна переведены таким образом:

Таджикский	Арабский	Русский подстрочный перевод арабского текста:
<p>“Зи ту саодати абад насиби мост, / Ту ҳастиву ҳама ҷаҳон ҳабиби мост, ҳабиби мост” [22, 13].</p>	<p>وفي حُضُورِكَ التَّلَاحُمِ .. وَإِنَّا / نُحِبُّكَ وَالْعَالَمَ بِأَسْرِهِ نُحِبُّهُ مَعَا</p> <p>[242, 9].</p>	<p>В твоём присутствии единодушные /По истине, мы любим тебя и весь мир мы любим вместе с тобой/</p>

Далее продолжение государственного гимна соответствует композиции, где за каждым куплетом находится припев и им же заканчивается стихотворение.

Важнейшую часть творческого акта перевода составляет подбор стилистически соответствующих аналогов, поскольку именно передача констант идеостилия поэтов представляет большую сложность. В связи с чем, в данном разделе мы попытались, наряду с исследованием особенностей перевода художественно-выразительных средств, проанализировать также способы воспроизведения поэтического стиля современных таджикских поэтов в арабском переводе Н. Назара, а также стилистические особенности творчества указанных поэтов.

Теоретический анализ и обобщение работ по вопросам стилистики показывает, что данной проблеме посвящены работы целого ряда

отечественных и зарубежных ученых, в которых находят отражение их научные взгляды и положения относительно различных стилей и стилистических средствах. Так, Сирус Шамисо, говоря о стиле, отмечает: «Стиль есть продукт уникального внутреннего и внешнего мировидения художника, который неизбежно проявляется в уникальном стиле выражения» [128, 9]. По сути, стиль — это манера письма, по которому можно отличить произведение какого-либо поэта или писателя. Так, мировоззрение поэта или писателя — это стиль, воплощенный в его творчестве. До сих пор в творчестве поэтов наблюдались четыре типа стиля: 1. хорасанский стиль. 2. иракский стиль. 3. индийский стиль. 4. стиль возвращения (сабки бозгашт).

Современную поэзию мы не связываем с вышеперечисленными стилями, а в соответствии с характерными особенностями делим ее на простую, аллегорическую (мармуз), символическую, (такмаънидор) и др. поэзию. Согласно научным воззрениям Мухаммадтаки Бахор «Стиль — это специфический способ восприятия и выражения идей посредством сочетания слов и способа мышления писателя об «истине» [14, 17].

Исследованию стилистики некоторых поэтов и писателей, посвящен и научный труд известного таджикского ученого Матлюбы Мирзоюнус — «Стиль современной прозы» [80], в котором можно почерпнуть важные сведения о научных взглядах и дискуссиях ученых о различных литературных стилях и течениях.

Стиль Гулназара - выражение стойкости и мужества, романтических оттенков, искренности и изящной рифмы, и плавных редифов, его стихи полны поэтических образов. Гулназар — поэт, воспевающий Родину. О стиле поэзии Гулназара написано немало научных статей. Так, академик Абдуджаббор Рахмонзода об особенностях стиля Гулназара пишет следующее: «В сочинении нового стиха он проявляет особое мастерство, новый стиль поэта прослеживается и в описании им состояния и настроения человека. Его лирической поэзии при изображении душевного состояния героев свойственны такие же изящество и красота» [98, 2].

Равшан Хамрах, автор книги «Художественные феномены в поэзии Гулназара», («Падидаҳои хунари дар шеъри Гулназар») рассуждая о стиле Гулназара, высказал следующее мнение: «Следовать своей тропой, найти свой собственный стиль (по утверждению Шафеи Кадкани)» и сочинять по сердцу, с собственными переживаниями и собственному умению (согласно С. Есенину) было творческим девизом Гулназара со времен его молодости» [126, 13].

Без сомнения, Назрулло Назар также обладает собственной стилистикой. Его стиль во многом перекликается с поэтическим стилем Гулназара. Общность стиля поэтов способствовало тому, что совместными усилиями ими были переведены книга сирийского поэта Низара Каббани – «Голос боли», книга йеменского поэта Абдулазиза аль-Макалиха – «Чаша слез» (Ҷоми ашк) и книга кувейтской поэтессы Суада-ас-Сабах – «Шатер святого слова» с арабского языка на таджикский язык.

Осуществив анализ арабского перевода текста государственного гимна Таджикистана, можно сделать вывод, что перевод Н. Назара достоин внимания и научного осмысления. В ряде случаев был допущен вольный перевод, однако большинство строк государственного гимна переведено на уровне, отвечающем требованиям эквивалентности. В арабском переводе также умело использованы художественно-выразительные средства, что свидетельствует о несомненном переводческом таланте Н. Назара.

Другим примером переводов Н. Назара является стихотворение таджикского поэта Мумина Каноата «Волны братства», (Мавҷҳои бародарӣ) посвященное памяти его погибшего брата:

Ба дида нақши рӯи ту, / Ба гӯш гуфтугӯи ту, / Ҳанӯз аз димоги ман нарафтааст бӯи ту, / Ба ҷои дур меравад дилам ҳамеша сӯи ту, / Шудам калону омадам кунун ба ҷустуҷӯи ту / Бародарам, Бародари ба ҷону дил баробарам! [59, 5].

В глазах черты твоего лица, / Все еще слышу голос твой, / Еще дышу я запахом твоим, / Душа моя вдалеке летит всегда к тебе, / Я повзрослел и вот

пришел тебя искать, / О брат мой, / Брат, что равен сердцу и душе! /
(Подстрочный перевод автора)

В нижеследующей таблице приведены арабский перевод строк Мумина Каноата, подготовленный Н Назаром, и авторский перевод арабского текста:

Арабский перевод Назрулло Назара	Подстрочный перевод автора - К. Ш.
وجهك ...	<i>Твое лицо...</i>
لم تنزل تلحظه عيناى	<i>Никогда не скроется с глаз моих</i>
صوتك ...	<i>Твой голос...</i>
لم تنزل تسمعه أذناى	<i>Никогда не покинет мой слух</i>
مذ تطوعت تقاتل فى أراضى أوكرانيا	<i>Когда ты погиб на земле Украины,</i>
يا شقيقى،	<i>О, брат мой,</i>
أيهما الأعلى شقيقا!	<i>(Мой) самый дорогой брат!</i>
ها أنذا قد كبرت	<i>«Вот, я повзрослел</i>
حان أن أبحث عنك [241, 49-50]	<i>и вот пришел тебя искать».</i>

Следует отметить, что название стихотворения переведено буквально: «أمواج الأخوة» – «Волны братства». Из вышеприведенной таблицы можно заметить, что переводчик передал первые строки стихотворения – «*Ба дида нақиши рӯйи ту, / Ба гуши гуфтугуи ту*» весьма эмоционально и трогательно.

Читая эти строки, читатель понимает, что речь идет о разлуке, потому что поэт, обращаясь к своему погибшему брату, говорит: «Твой милый образ, твой голос никогда не будут мною забыты». Следует отметить, что в переводе воспроизведение эмоционально-стилистических и ассоциативно-образных аспектов оригинала осуществлено Н. Назаром на высоком уровне.

Далее, в арабском тексте приводятся следующие строки:

مذ تطوعت تقاتل فى أراضى أوكرانيا! [241, 50]

Посдстрочный перевод вышеприведенных строк таков: «*Когда ты погиб на земле Украины*». Следует отметить, что при переводе были исключены строки из стихотворения Мумина Каноата: «*Ҳанӯз аз димоғи ман нарафтааст бӯи ту, / Ба ҷои дур меравад дилам ҳамеша сӯи ту*» [59, 5]. // «*Еще дышу я запахом твоим, / Душа моя вдаль летит всегда к тебе*», то есть, использован прием опущения. Возможно, переводчик хотел, чтобы арабский читатель сразу осознал, что речь идет о брате, погибшем на войне, на Украине. По сути, таджикский язык обладает самым богатыми словарным запасом, и переводчику достаточно сложно передать многие слова и выражения этого языка на другие языки. Например, такие трудности могут возникнуть при передаче на арабский язык ассоциативно-образных характеристик фразы «*ба ҷои дур меравад дилам*» (летит моя душа вдаль), или же слова «дилтанг» (расстроенный, печальный, удрученный) и т.д. Конечно, для таджикского переводчика перевод текста с таджикского на арабский гораздо сложнее, чем перевод текста с арабского на таджикский, но, в целом, перевод стихотворения М.Каноата Н. Назаром произведен умело и интересно.

В строке «*Ба ҷои дур меравад дилам*» // «*Сердце мое летит вдаль*» М. Каноат применил метафору, и цель поэта в данном случае рассказать, что его сердце и душа устремляются далеко-далеко, на Украину, к погибшему брату. Поэт словно хотел превратиться в голубя и улететь на поиски своего погибшего на чужбине брата. В фразе «*Бародари ба ҷону дил баробарам// Брат, что равен сердцу и душе!*» также присутствует сравнение (ташбех), посредством которой Мумин Каноат уподобляет своего погибшего брата «душе и сердцу», однако в переводе этого стиха Н. Назаром это сравнение опущено: «أبيها الأعلى شقيقاً», что означает «(Мой) самый дорогой брат». Также, в переводе этой строки сохранены художественные средства *эпитет* (тавсиф) – *الأعلى شقيق*, то есть «самый дорогой брат» и *повтор* (в слове брат) – *يا شقيقِي،*
 - *أبيها الأعلى شقيقاً!*

Словом, перевод, как буквальный, так и по смыслу – это тяжелый труд, выполняемый переводчиком.

Далее, в арабском тексте приводятся последующие строки: [241, 50].

ها أنذا قد كبرت / حان أن أبحث عنك

что означает «*Я повзрослел и вот пришел тебя искать*».

Следует отметить, что в тексте перевода наблюдается структурная перестройка композиции стиха, к которой переводчик прибегнул с целью усиления экспрессивного оттенка. Если в стихотворении М. Каноата сначала идет строка – «*Я повзрослел и вот пришел тебя искать*», а затем уже «*О брат мой, / Брат, что равен сердцу и душе*», то в переводе Н.Назара эти строки меняются позициями: *О брат мой, / (Мой) самый дорогой брат! Я вырос и вот пришел тебя искать*. Однако, это не умалило ценность перевода, напротив, переводчик смог передать глубокий смысл стихотворения.

В переводе стихотворения «Волны братства» наблюдается также схожесть стиля поэта и переводчика. Стиль М. Каноата характеризуется искренностью, экспрессией, трогательностью и красотой. О стилистических особенностях его поэзии написано множество работ и книг. В этом направлении осуществили исследования таджикские литературоведы Худои Шарипов, Сафар Абдуллох, Мухаммадали Аджами и др.

Несомненно, в арабском переводе поэзии «Волны братства» ощущается влияние М.Каноата, в нем отражены эмоциональное состояние и экспрессия поэта.

Далее в стихотворении М. Каноата приводятся следующие строки:

*Замини Украинаро зи сару бар қадам задам, / Ба ҳар диёр дар задам,
ба ҳар мазор дар задам, / Зи лавҳаҳои мрамарин ба ҳирс ҷуста номи ту, /
Бикофтам, наёфтам, нишони ноаёни ту, / Бародарам, / Бародари ба ҷону
дил баробарам [59, 5] // *Всю землю Украины от начала до конца я исходил,
Стучался в каждый дом, стоял у каждой могилы, / На мраморных плитах я**

жадно искал твое имя,/ Искал, но не нашел я даже и следа твоего,/ О брат мой, / Брат, что равен сердцу и душе/. (Подстрочный перевод автора)

Арабский перевод Назрулло Назара	Подстрочный перевод автора - К. Ш.
فظللت أتردد إلى أرض أوكرانيا	Тогда, я землю Украину исходил,
كل باب أطرقة	Стучался в каждую дверь,
كل قبر ألمسه	Протирал каждую могилу,
وانحنيت عند شهاد القبور	И надклонялся покойникам могил
أمعن فيها النظر..	Всматривался в них,
رغم جهدي واجتهادي	Несмотря на все мои усилия и старания
بت مجهول الأثر	Твоего следа не было видно,
يا شقيقي،	О, брат мой
[241, 50]. أيها الأحلى شقيقا.	О, (мой) самый сладкий брат.

Сопоставительный анализ оригинала и перевода показал, что перевод этого стиха талантливым переводчиком, умело пользующимся богатством средств выражения в арабском языке, является тождественным. Вместе с тем, анализ соотносимых текстов с точки зрения эквивалентной передачи художественно-выразительных средств показал, что некоторые фигуры речи «*тааджжуб*» (удивление) и *такрор* (повтор), используемые М. Каноатом в стихотворении для передачи своих эмоций – удивления и огорчения от тщетных поисков своего любимого брата, ради которого он стучался в каждую дверь и высматривал каждую могилу, в переводе Н. Назара переданы с большим мастерством: «Ба ҳар диёр дар задам, ба ҳар мазор дам задам, Бикофтам, наёфтам, нишони ноаёни ту»// *Стучался в каждую дверь, стоял у каждой могилы* : *كل باب أطرقة / كل قبر ألمسه*

Вместе с тем, в переводе строки «*Бародарам, Бародари ба ҷону дил баробарам / Мой брат, / Брат, что равен сердцу и душе*» переводчик допускает вольный перевод и передает эту фразу посредством словосочетания «О брат мой, / (Мой) самый сладкий брат!»/ *يا شقيقي، / أيها الأحلى*

شقيقاً! что снижает коммуникативную равноценность оригинала и текста перевода.

В данном отрывке правильным решением переводческой задачи можно назвать эквивалентную передачу стилистической фигуры *повтор* – «брат мой»_شقيقِي, используемый поэтом для усиления эмоционального воздействия. Такое же точное соответствие в переводе Н.Назара находят и такие приемы стилизации как *хитаб* (обращение) и *нидо* (восклицание): «О, брат мой»// «يا شقيقِي».

Далее в стихотворении М. Каноата следуют такие строки: *Замони кӯдакии ман ту аз ҳама калон будӣ, / Миёни аҳли деҳи мо чавони паҳлавон будӣ, / Чанори соябон будӣ, мадори хонадон будӣ, / Вале зи хоксориат ба чашм ноаён будӣ, / Бародарам, / Бародари ба ҷону дил баробарам!* [59, 5]. *Когда был мал я, ты был старше всех, / Среди сельчан был могучим силачом, / Могучей чинарой осенял, опорой дома был / Однако от скромности ты был совсем невидим, / О брат мой, / О, брат, что равен сердцу и душе!*

Арабский перевод Назрулло Назара	Подстрочный перевод автора – К. Ш.
كُنْتَ بَيْنَ إِخْوَتِي	Среди братьев моих
أَنْتَ أَقْوَانًا وَأَكْبَرَنَا	Ты был самым сильным и величественным
بَيْنَ أَهْلِ الرَّيْفِ	Среди сельчан
أَبْهَانًا وَأَشْهَرَنَا	Самым красивым и известнейшим из нас.
وَفِي التَّدْبِيرِ وَالشَّغْلِ	И в делах и занятиях ты был
أَذْكَانًا وَأَمْرَنَا	Самым смысленым и ловким из нас
كُنْتَ عَمَلًا كَدَلْبٍ مِثْرَامِي الْغَصْوِ	Ты подобно чинаре, что имеет длинные ветви, велик,
نَحْتَمِي فِي ظِلِّهِ	В тени которой мы укрываемся
يَا شَقِيقِي،	О, брат мой
أَيُّهَا الْأَوْلَى شَقِيقًا!	О, самый лучший брат!

Перевод этой части стихотворения осуществлен адекватно. Художественно-выразительное средство *тавсиф* (эпитет), выраженное посредством слова *пахлавон* (силач), в арабском тексте также находит отражение: أنت أقوانا وأكبرنا

В строке «*Чанори соябон будй, мадори хонадон будй / Могучей чинарой осенял, опорой дома был*», поэт, сравнив своего брата с «могучей чинарой» и назвав его «опорой дома», применил художественное средство – *истиора* (аллегория), которое в переводе Н. Назара находит соответствие:

كنت عملاقاً كدلب مترامي الغصون / نحتمي في ظله [241, 51]

В строке «Вале зи хоксориат ба чашм ноаён будй» («*Однако от скромности ты был совсем невидим глазу*») использовано средство выражения *эпитет* - «хоксор» (скромный) и *маджаз* – «ба чашм ноаён будй» (был невидим глазу). В арабском тексте эта строка опущена. Тем не менее, в нем чувствуется трепет и боль, любовь и искренность оригинала.

Рефрен третьего отрывка «*Бародарам, Бародари ба ҷону дил баробарам*» / «*Брат мой / Брат, что равен сердцу и душе*» переводчик перевел следующим образом: «О, брат мой, самый лучший брат!»: «يا شقيقي، / ”أبيها الأولى شقيقاً!»

Таким образом, сопоставление анализируемых текстов показал, что в отличие от оригинала в рефрене арабского текста стихотворения использованы различные эпитеты: *бародари азизам / брат мой, дорогой, / бародари беҳтаринам / мой самый лучший брат, / бародари ширинам / брат мой, сладкий.*

Все сказанное подтверждает, насколько искренне и с душой выполнен перевод.

В продолжение стихотворения М. Каноата приводятся следующие строки: *Бигӯ канй мазори ту, мазори хоксори ту? / Ба вақти захми охири кй буд дар канори ту? / Даме фитодй бар замин, кй буд такядори ту? / Кй буд дар нигоҳи ту? Ба чаши интизори ту? / Бародарам, / Бародари ба ҷону дил баробарам [59, 5]. Скажи, где кладбище твое, где скромная твоя могила? /*

Кто рядом был с тобой, когда ты был смертельно ранен? / Когда упал на землю, кто был тебе опорой? / Кого окинул взглядом? / Кто был в твоих глазах, полных ожидания? / О, мой брат, / Брат, что равен сердцу и душе! /
(Подстрочный перевод автора)

Арабский перевод Назрулло Назара	Подстрочный перевод автора - К. Ш.
<i>وتوكأت بمن</i>	<i>И на кого ты опирался,</i>
<i>حين تهاويت على الأرض جريحاً</i>	<i>Когда пал на землю раненный</i>
<i>وبأحشائك طلقه؟</i>	<i>И был разорван на куски?</i>
<i>من رعاك؟..</i>	<i>Кто о тебе позаботился?</i>
<i>وعلى جرحك من لف الضماد؟</i>	<i>И кто перевязал твои раны?</i>
<i>وتوسدت بمن في لحظات الاحتضار</i>	<i>И в последние минуты на кого ты опирался?</i>
<i>من نعاك؟..</i>	<i>Кто в последнюю минуту (перед твоей смертью) был рядом с тобой?</i>
<i>من بكى في ذلك اليوم عليك</i>	<i>Кто в тот день плакал по тебе?</i>
<i>وارتدى ثوب الحداد؟..</i>	<i>И надел по тебе траурную одежду?</i>
<i>ليتني أدركت مثواك الأخير</i>	<i>О, если б я нашел твое последнее пристанище, (о, если б в последнюю минуту был с тобой)</i>
<i>ومن كان معاك؟</i>	<i>И кто был с тобой?</i>
<i>يا شقيقي،</i>	<i>О, брат мой</i>
<i>أيها الأغلى شقيقاً! [241, 51-52]</i>	<i>О (мой), самый дорогой брат!</i>

В этой части поэт выразил свою экспрессию посредством риторического вопроса, поэтому в четырех строках представленного отрывка использовано художественно-выразительное средство *таджохули ориф*

(риторический вопрос), *тааджжуб* (удивление) и *хитаб* (обращение). *Таджохули ориф* – это средство художественной выразительности, когда поэт в мгновения беспокойства и волнения задается риторическими вопросами, выражающие неведение. «Цель не в том, чтобы получить ответы на вопросы, а в том, чтобы яснее, точнее и эффектнее передать мысли и душевные переживания, удивить и удовлетворить адресата» [33, 104]. В этой части стихотворения поэт, обращаясь к своему брату с риторическими вопросами, пытается привлечь внимание читателя к произошедшей трагедии, в чем и заключается предназначение данной стилистической фигуры. Повтор слова «мазор» в строке «*Бигӯ канӣ мазори ту, мазори хоксори ту?*» также является стилеобразующим фактором. Кроме того, в этой части использовано другое художественное средство – *таджнис* (омонимия), одинаковые по написанию слова, которые имеют два и более самостоятельных или близких друг к другу переносных значения, а именно слово «хоксор», используемый поэтом как в прямом—«могила, полная праха», так и в переносном смысле – «земной, скромный»: «*Бигӯ ,канӣ мазори ту, мазори хоксори ту?*»/ «*Скажи, где кладбище твое, где скромная твоя могила?*». Далее в стихотворении М. Каноата следуют следующие строки:

*Ба вақти ҷустуҷӯи ман ба сӯи ман, ба рӯи ман / Кушода буд ҳар даре,
ба ҳар даре бародаре, - / Агар туро наёфтам, биёфтам дар ин макон /
Ҳазорҳо бародарон, бародариш ҷовидон, / Бародарам, / Бародари ба ҷону дил
баробарам! / Ба ҳар диле, ки во шавад, маро ба сина ҷо шавад. / Ба ҳар
нигоҳи беғаше, ки нури дидаҳо шавад, / Ба хандаҳои гамбарор - чу мавҷҳои
беқарор, / Нигоҳи туст ошкор, ҳаёти туст пойдор, / Бародарам, / Бародари
ба ҷону дил баробарам! [59, 5].*

*Когда искал тебя, передо мной, перед моим лицом / Была открыта
каждая дверь, в каждом доме - брат, / Хотя я не нашел тебя, нашел я в
этом краю / Тысячу братьев, братьев навек, / Мой брат, что равен сердцу и
душе! / В каждом сердце, что открывается передо мной, дает мне приют, /
В каждом искреннем взгляде, который становится светом очей, / В каждом*

радостном смехе – как бушующие волны, /Виден твой взгляд, вечна твоя жизнь,/ Мой брат,/ Брат, что равен сердцу и душе!/ (Подстрочный перевод автора).

Арабский перевод Назрулло Назара	Подстрочный перевод автора - К. Ш.
لم أجذك	Тебя я не нашел,
بل وجدت في البيوت الأوكرانية	Но нашел в украинских домах.
وبل في كل خطوة	Но в каждом шаге
ملايين أشقاء	Миллионы братьев
صافحوني	Пожали руку мне,
عانقوني	Заключили меня в объятия.
أنعشوا قلبي بأموج الأخوة	Вновь воскресили сердце мое волнами братства.
يا شقيقي	О, брат мой
أيها الأغلى شقيقاً! [241, 52]	О, самый дорогой мой брат!

Сравнительный анализ особенностей текста вышеприведенных отрывков показывает, что Н. Назару удалось вместить содержание двух последних строф в одну строфу. В переводе также использованы приемы добавления и замена лексических единиц, обусловленные, на наш взгляд, чисто стилистическими соображениями. Так, в строке «*Агар туро наёфтам, биёфтам дар ин макон*» / «Хотя я не нашел тебя, нашел я на этом месте» - поэт не называет Украину и ограничивается словом «место», переводчик же, уточняя место гибели героя, добавляет слово «Украина»:

«Но я тебя нашел в украинских домах» - بل وجدت في البيوت الأوكرانية

Или же в строке «*Ҳазорҳо бародарон, бародарии ҷовидон*» / *Тысячу братьев, братьев навек* поэтом использовано числительное «тысячи», в то время как в переводе Н.Назаром употреблено числительное «миллионы»: «ملايين أشقاء» / «Миллионы братьев». Следует отметить, что в некоторых случаях такие замены неизбежны и обусловлены отличием в правилах и

нормах соотносимых языков, а в данном случае стремлением переводчиком сохранить ритмику стиха, однако такие замены считаются незначительными и не влекут за собой существенного изменения в общем содержании оригинала.

В последующих строках – «*Ба ҳар диле, ки во шавад, маро ба сина чо шавад,* / *Ба ҳар нигоҳи бегаши, ки нури дидаҳо шавад*» поэт умело использует метафорическое выражение «*Ба ҳар диле, ки во шавад / В каждом сердце, что открывается передо мной*», посредством которого поэт стремится отобразить благодушие и чуткость людей, их сердечное отношение. Или же во второй строке наблюдается употребление художественного приема эпитет (*тавсиф*) в слове «бегаш / искренний».

В переводе этой строки также встречаются некоторые изменения, однако, общее содержание оригинала передано переводчиком в полном объеме: *عائقوني / صافحوني* / Пожали руку мне / Заключили меня в объятия.

То есть, в данном случае переводчиком использован описательный перевод, а именно лексико - грамматическая трансформация переводимой единицы, однако смысловую нагрузку оригинала ему удалось сохранить, и арабский читатель без труда может понять, о чем идет речь. С этой точки зрения можно с уверенностью сказать, что Н. Назару удалось добиться успеха, поскольку основной задачей переводчика является передача главной идеи оригинала, то есть эстетической концепции автора на иностранном языке.

Последняя строка стихотворения М.Каноата переведена следующим образом: "*أنعشوا قلبي بأموج الأخوة* " («*Вновь воскресили сердце мое волнами братства*»).

Как было отмечено выше, текст оригинала был следующим:

“*Ба хандаҳои гамбарор - чу мавҷҳои беқарор,* / *Нигоҳи туст ошкор,*
ҳаёти туст пойдор,” / «*В каждом радостном смехе – как бушующие волны,*
Виден твой взгляд, вечна твоя жизнь».

В арабском переводе наблюдается использование художественного средства *аллегии*: «Вновь воскресили сердце мое волнами братства», в оригинале же вместо него использован *эпитет*: *гамбарор (радостный), беқарор (бушующий), ошкор (виден), пойдор (вечен)*.

В своем произведении поэт с большой экспрессией описывает свою печаль и горечь от того, что, несмотря на все усилия, ему не удалось найти след покойного брата, однако тепло сердечной доброты тысячи духовных братьев, в глазах которых он узнавал черты своего брата, позволили ему познать верную дружбу и братство, которые отозвались в его сердце потоком дружеской волны. Все эти боли и переживания поэта отразились в арабском переводе, осуществленном известным таджикским арабистом и уникальным переводчиком Н. Назаром. Несомненно, это стихотворение можно назвать одним из лучших образцов перевода элегии на арабском языке.

О профессионализме Н. Назара свидетельствуют и переводы рубаи современных таджикских поэтов на арабский язык, выполненные им на высоком уровне. Благодаря его усилиям в 1992 году издательством «Ирфон» г. Душанбе была издана книга «Рубайят» [201], в которую вошли рубаи четырех известных таджикских поэтов: Лоика Шерали, Гулрухсор, Гулназара и Аскара Хакима на кириллице и в персидском шрифте, а также их переводы на арабский и русский языки. Русский перевод сборника рубаи принадлежит Виктору Полещуку. Подготовка таджикского текста на кириллицу также осуществлена Н. Назаром.

Рассмотрим степень эквивалентности перевода рубаи Лоика Шерали: *Хушбахт касе, ки хидмати ёр кунад, / Ҳар ҷо, ки қадам ниҳод, гулзор кунад. / Занғулаи гоҳвораю гиряи тифл / Ҳар субҳ варо зи хоб бедор кунад* [201, 13].

Перевод Виктора Полещука: *Счастлив, кто служит избранному другу, / Цветы растут, когда идёт по лугу. / Качнулась колыбель, залепетал младенец – Конец пришел минутному досугу!* [201, 14].

Анализ поэтики рубаи Лоика вычленяет наличие таких художественных средств как *тавсиф, маджаз и тазод*. Например,

выражение – *Ҳар ҷо, ки қадам ниҳод, гулзор кунад* (*Куда не вступит, превратит в цветник*), использовано поэтом не в буквальном, а в переносном значении, то есть подразумевается благоустройство страны, участие в решение проблем других людей, утешение убитых горем людей и т.д. Или же в последней строфе этого рубаи наблюдается художественное средство *тазод* (антитеза) (в словах *хоб / бедор*) которые умело переведены Н.Назаром на арабский язык:

/ مَا أَسْعَدَكَ إِذَا خِدِمْتَ الْأَخْيَارَ / حَيْثُ تَخْطُو.. نَمَتَ عَلَيْهِ الْأَزْهَارُ /
 [201, 115]. *إِنْ بَاتَ صَرِيرٌ مَهْدِ طِفْلِ بَاكِ / يَنْتَابُ لَكِي يُوقِظُكَ بِالْأَسْحَارِ*

Подстрочный перевод приведенного выше рубаи таков: *Какое счастье, когда будешь служить другу, / Там, где ты проведешь борозду, возникнет цветник / Коль в колыбели младенец, что плачет / То утро каждое пробудит ото сна.*

В целом, с точки зрения сохранения в переводе стилистической характеристики оригинала, переводы Н. Назара можно охарактеризовать равноценными, поскольку ему удалось передать в арабском тексте поэтический стиль Лоика, характеризующийся своей самобытностью. Следует отметить, что исследованию поэтического стиля этого талантливого поэта, посвящены работы целого ряда таджикских ученых. Так, книга таджикского литературоведа Абдунаби Сатторзода «От Рудаки до Лоика» [110] охватывает десять статей, посвященные изучению и анализу поэтического мастерства Лоика, в которых ученый перечисляет особенности поэтики его стихов, отличающие его поэзию от творчества других поэтов. В одной из своих статей – «Наследие сердца влюбленного и свободного поэта» («Мероси дили шоири дилдода ва озода») ученый писал: «Лоик по природе является певцом любви, по словам европейцев –«лириком», а по словам самого поэта –«влюбленным поэтом» [110, 99].

В статье таджикского ученого Матлюбы Мирзоюнус - «Некоторые особенности стиля Лоика Шерали» [79] названы наиболее характерные особенности поэтики Лоика: 1. Особый интерес к использованию повторов.

2. Применение ихама 3. Интерес к украшению художественной речи (тарсеъ). 4. Использование аллитерации 5. Создание новых образов посредством игр слов, усечения, добавление или инверсии одной или двух букв. 6. Применение антитезы. 7. Использование заимствований в таджикском диалекте. 8. Употребление авторских сложных слов, созданных по моделям таджикского языка. 9. Использование народных выражений. 10. Использование редких или малоупотребительных слов. 11. Использование народных пословиц, в форме ихома. 12. Применение фигуры танз [79, 226-230].

В целом, сопоставительный анализ текстов рубаи таджикских поэтов и их переводы на арабский язык, убеждает в том, что Н. Назару удалось передать в своих переводах всю мощь поэтического слога Лоика, образный строй его поэзии и красоту мысли.

Перу Н. Назара принадлежат также переводы ряда рубаи народного поэта Таджикистана Аскара Хакима. Приведём пример из рубаи Аскара Хакима – *Ҳар рӯз ба ёди ту худ обод кунам, / Ёди ту кунам ҳар шабу дил шод кунам. / Чандин нафасам монда, надонам, аммо, / То як нафасам бувад, туро ёд кунам* [201, 45].

Перевод Виктора Полещука: *Каждый день вспоминаю твой образ живой, / Чуть представляю тебя, молодею душой. / Сколько буду дышать, я не знаю, но знаю: / Будет вздох мой последний увенчан тобой!* [201, 46].

В этом рубаи наблюдается использование художественного средства гипербола (муболига), используемое поэтом для придания своему сочинению романтических нот, которые в переводе Н. Назара успешно отражены:

ذکراک تعمر الفؤاد بالأشواق / فی اللیل وفي النهار سکناک احداقی /
کم هو عدد أنفاسی؟ لکن أدري/ حتی آخره ذکرک فيه الباقي. [201, 83]

Подстрочный перевод указанных строк таков: *Память о тебе возбуждает сердце мое, / Твоя обитель днем и ночью окружает меня. / Сколько осталось дышать? Однако я знаю/ До конца (последнего вздоха) останется в нем память твоя.*

Анализ соотносимых текстов с точки зрения равноценности перевода показывает, что в переводе этого рубаи переводчиком применен свободный перевод, однако этого достаточно для достижения стилистической эквивалентности, благодаря которому перевод читается легко и свободно. Действительно, поэтический стиль Аскара Хакима отличается своей музыкальностью, красочностью и неповторимостью, в чем убеждена и поэтесса Фарзона, по мнению которой «А. Хахим всецело погружается в глубину своих стихов, и ему нет дела ни на насмешки других и ни на их похвалу. В стихах он открывает пред собой бесконечную дверь любви. Аскар Хахим — поэт, растворившийся в объятиях своей поэзии» [121, 64]. Заслуга талантливого переводчика и знатока арабского языка Н. Назара в переводе рубаи Аскара Хакима заключается в том, что ему удалось воспроизвести на арабском языке весь спектр чувств и эмоций, заключающиеся в стихах этого своеобразного художника слова.

Следует отметить, что в переводе поэтического текста буквальный перевод может привести не только к искажению содержательного и стилистического аспекта оригинала, но и к нарушению его ритмико-интонационного строя и неправильной передаче ассоциативно - образных компонентов, которые переводчик должен донести до читателя. Как было отмечено ранее, в переводе поэтического произведения важным является эквивалентная передача содержания и формы оригинала в их единстве, и тем самым создание нового поэтического текста, способного оказать такое же художественно - эстетическое воздействие на читателя, как и оригинал, в чем и заключается миссия переводчика.

Таким образом, исследование особенностей переводов таджикской поэзии на арабский язык, в частности их поэтики показывает, что благодаря художественным переводам поэтических сочинений видных таджикских поэтов, в чем неоценим вклад талантливого переводчика и знатока арабского языка Назрулло Назара, современная таджикская поэзия вышла на мировую арену и стала близка и понятна арабским читателям.

3.3 Особенности переводов произведений арабских поэтов на таджикский язык

Известно, что еще в древности осуществлялся перевод книг с пехлевийского языка на арабский и с арабского на пехлевийский, что было рассмотрено в предыдущих разделах диссертации. Следует подчеркнуть, что и сегодня переводческий процесс является одним из факторов развития межлитературных связей. Об этом свидетельствует издание произведений арабских поэтов в таджикском переводе. Существенный вклад в представлении направлении внесен таджикским арабистом Назрулло Назаром, а также известными таджикскими поэтами Кутби Киромом, Гулназаром Келди, Ато Мирходжа и Низамом Касымом, перу которых принадлежит перевод на таджикских ряда сборников арабских поэтов, в частности:

1. *«Хаймаи кудсии сухан»* («Шатер святого слова»). Эта книга, включающая сборник стихов известной кувейтской поэтессы Суад Мухаммад ас-Сабах в таджикском переводе Назрулло Назара и Гулназара Келди, была издана дважды: в 1999 году в Душанбе (издательство «Сурушан») и в том же году в Москве (изд. «Трансдорнаука») [183]. В *«Хаймаи кудсии сухан»* вошли стихотворения как на языке оригинала, так и на языке перевода, и рядом с каждым арабским стихотворением размещен таджикский вариант.

Суад Мухаммад ас- Сабах - одна из известнейших поэтесс арабского мира, родилась в 1942 году в семье Кувейтских эмиров. Она является доктором экономических наук и автором многочисленных сборников стихотворений под названиями *«Дурахши бармахал»* («Раннее сверкание») (1962), *«Лахзаҳои умр»* («Мгновения жизни») (1964), *«Ормон»* («Заветная мечта») (1971), *«Ба фарзандам»* («Моему ребенку») (1982), *«Пораҳои зан»* («Осколки женщины») (1986), *«Сарогози хама зан буд»* («Женщина - всему

начало») (1988), «Гуфтугуи гул ва туфон» («Разговор цветка и бури») (1989), «Баркияхои таъчили ба ватанам» («Срочные телеграммы на родину») (1991), «Ашъори ошикона» («Любовные стихи») (1992), «Зани бесохил» («Женщина без берега») (1992) и «Маро ба марзи хуршед бибар!» («Унеси меня к солнцу») (1997).

Суад ас - Сабах считается также одним из заметных политических деятелей арабского мира. Эта свободомыслящая женщина участвует в деятельности ряда арабских и международных организаций, как «Арабская организация прав человека», «Ассоциация арабских мыслителей», «Центр изучения арабского единства», «Арабский совет детей и прогресса», «Международная организация женщин-мусульман». Помимо этого, она является учредителем Литературного центра, (Конуни адабӣ) где с целью развития науки и культуры выделяются средства на гранты и стипендии для арабской творческой молодежи.

Книга «Хаймаи кудсии сухан» начинается со стихотворения Суад ас-Сабах «Будь моим возлюбленным». В таджикском переводе стихотворение такое же изящное:

Ёри ман бош, / Ёри ман бош. / Ваҳ, чӣ хуб аст, / Агар мову ту ҳамроҳ бошем! / Ҳар занеро ба ҷаҳон аст ниёз / Ба яке ёри мувофиқ, / Ба яке шӯълаи вожа, / Ба яке хаймаи қудсии сухан, / Ба яке оташи бӯса. / Пас чаро шавқи ту бо инҳо нест, / Ки бувад боиси хушрӯзии зан? [183, 9].

Подстрочный перевод: Будь моим возлюбленным, / Будь моим возлюбленным. / Ах, как хорошо, / Если мы с тобой будем вместе! / Каждая женщина в этом мире нуждается / В подходящем мужчине, / В одной искре слов, / В одном священном шатре слов, / В пламени поцелуя. / Так почему же тебе не интересно всё то, / Что является счастьем для женщины?

كن صديقي.كن صديقي. / كم جميل لو بقينا أصدقاء / إن كل امرأة تحتاج أحياناً إلى كف صديق... / وكلام طيب تسمعه... / وإلى خيمة دفاء صنعت من كلمات / لا إلى عاصفة من قبلات / فلماذا يا صديقي! / لست تهتم بأشياء الصغيرة / ولماذا... لست تهتم بما يرضي النساء?...[183, 9].

Из этих строк становится ясно, что Суад-ас-Сабах проникательная поэтесса с новым взглядом. Она открыто пишет о своих чувствах и стремится разрушить все стереотипы, навязанные восточным женщинам. Стихотворение «Демократия», переведенное Гулназаром и Н.Назаром, также является интересным образцом арабской поэзии:

Демократия / Ҳаргиз набуду нест он ки сухан кунад / Марде зи ройи хеш назди мухалифин. / Демократия / Он аст, то ки зан / Аз ишқ гап занад бе тарсу бе ҳарос, / Бе бими мардҳо, / Бе неши морҳо... [183, 22].

Подстрочный перевод: Демократия / Никогда не была и не будет тем, что / Мужчина высказывает свое мнение перед противниками. / Демократия / Это то, что женщина / Говорит о любви без страха, / Не опасаясь мужчин, / Не опасаясь укусов змей...

ليست الديمقراطية / أن يقول الرجل رأيه في السياسة / دون أن يعترضه أحد / الديمقراطية أن تقول المرأة / رأيها في الحب... [183, 22].

Суад ас-Сабах - поэтесса с революционным мышлением, которая смело разрушает стереотипы. Ее слова острые как кинжал, но полны женственности и изящества. Она в основном писала «белые» стихи. **Белый стих** является одним из распространенных современных видов поэзии и в нем отсутствует рифма. Мавляна Абдурахман Джамии в «Трактате о рифме» дает следующее определение: «Знай, что рифма в соответствии с правилами поэтов Аджамы состоит из того, что должно повторяться в конце всех бейтов при условии, если это не самостоятельное слово, а часть слова или в функции его части» [112, 16].

Действительно, Суад ас-Сабах относится к числу тех поэтесс, которые с помощью пера защищают законные права женщин Востока и напоминают мужчинам о том, что нельзя притеснять женщин силой своих мускул. Своими стихотворениями поэтесса протестует против неравенства и угнетения женщин.

2. «**Овози дард**» («Голос боли»). В этот сборник вошли переведенные на таджикский язык стихотворения известного сирийского поэта Низара

Каббани (1923-1998). Перевод стихотворений был осуществлен Назрулло Назаром, Гулназаром и Кутби Киромом. Книга «Овози дард» была издана в 2000 году в издательстве «Сурушан» города Душанбе.

Перу Низара Каббани принадлежат сборники «Кудакии сина» («Детство сердца»), «Ту моли манӣ» («Ты – моя»), «Нигориш бо сухан» («Живопись словом»), «Дустат дорам, дустат дорам» («Люблю тебя, люблю тебя»), «Аш'ори шурангез» («Волнующие стихи»), «Туро месароям» («Пою о тебе»), «Байрут» («Бейрут»), «Ишкнома» («Книга о любви»), «Аш'ори сиёси» («Политические стихи»), «На!» («Нет!»), «Достони зани шурида» («Поэма взбунтовавшейся женщины»). Избранные стихотворения поэта неоднократно были опубликованы в трех томах под названием «Девони комил».

Многие арабские поэты обучались в поэтической школе Низара Каббани и считают его своим учителем. Арабские критики называли его «амирушшуаро» (эмиром поэтов) и «сипахсолори ишк» (предводителем влюбленных), ибо у него был своеобразный стиль изложения, а его стихотворения благодаря простоте и изяществу, стимулировали арабскую поэзию.

Н. Назар, высоко оценивая стиль Н. Каббани, пишет следующее: «В современной арабской поэзии невозможно найти поэта, который подобно Низару Каббани мог бы так же мастерски создавать стихотворения, пронизанные болью и страданием, стихотворения, которые полны любви к Родине, нации, возлюбленной» [85, 6].

Ниже мы рассмотрим некоторые образцы стихотворений Н.Каббани, переведенные Гулназаром, К.Киромом, Н.Назаром с арабского на таджикский:

Байрут

Байрут, эй олиҳаи ҳусн / Кӣ ба савдо зада дастинаи ёқутии ту? / Кӣ рабуд аз кафат ангуштарии ҷодуяи ту? / Кӣ ба он кокули заррини ту қайчӣ зад? / Кӣ сари шодии хуспида / Ба чашмони кабудатро ҷудо кард? / Кӣ

харошид рухатро ба дами теги чаҳолат? / Ва ба лабҳои маҳинат бификанд / Оби оташ? [192, 11].

Подстрочный перевод: Бейрут, о олицетворение красоты / Кто хотел продать твой рубиновый браслет? / Кто отнял у тебя волшебный перстень? / Кто отрезал твои золотые косы? / Кто поднял твои спокойно лежащие веки / На глазах твоих синих? / Кто расцарапал твои щеки лезвием ножа невежества? / И кинул в твои нежные губы / Воду и огонь?

Арабский перевод:

يا ست الدنيا يا بيروت / يا ست الدنيا يا بيروت... / مَنْ باع أسوارك المشغولة بالياقوت؟ / من صادر خاتمك السحري، / وقصّ ضفائرك الذهبية؟ / من ذبح الفرخ النائم في عينيك الخضراوين؟ / من شطب وجهك بالسكين، / وألقى ماء النار على شفقتك الرائعتين؟ [57,192]

«Байрут» — это большая касыда, переведенная на таджикский язык Гулназаром Келди. Низар Каббани после того, как покинул Родину, некоторое время проживал в Бейруте - столице Ливанской Республики. Родиной поэта является Дамаск - столица Сирии. Любовь к Родине воспевается в другой касыде поэта по имени «Димишк»:

Димишк, эй хоки пои тӯтиёям, / Сухан гӯй, итоб оро чароам? / Ту маҳбуби манӣ, мисли тарона / Ба оғӯшам биё, кун пурнавоям... [192, 21].

Подстрочный перевод: Дамаск, о земля твоя бесценна для меня, / Почему ты упрекаешь меня? / Ты моя возлюбленная, словно песня / Приди в мои объятия, наполни меня мелодией...

فيا دمشق... لماذا نبدأ العتبا؟ / على ذراعي، ولا تستوضحي السبيا / أحببت بعدك.. إلا خلتها كذبا / فمسحي عن جبيني الحزن والتعبا [57, 192]

Эта касыда, состоящая из 82 строк, полна искренности и любви. Судя по переводам Гулназара, можно сделать вывод о том, что Н. Каббани создал многочисленные касыды, в которых воспевает Родину. Приведем отрывок из другого стихотворения поэта «Кудс»:

Эй Кудс, / Эй шаҳри дарду гам, / Ашке, ки ҳалқа зад ба дидагон, / Марвориди тамоми динҳо! / Ку он, ки садди роҳ шавад / Зулму тааддиро?.. /

Ку он, ки шӯяд доғи хун / Аз рӯи мрамари кӯчаву паскӯчаҳот, / Аз фарши хонаву девору дар? [192, 28].

Подстрочный перевод: О Кудс, / О, город боли и страданий, / Слезы, что наполнили глаза, / Жемчужина всех религий! / Где тот, кто остановит / Притеснения и гнет? / Где тот, кто смоем следы крови / С гранита твоих улиц и переулков, / С домов, стен и дверей?

قدس / يا قدس، يا جميلة تلتف بالسواد / من يقرع الأجراس في كنيسة القيامة؟ / صبيحة الأحاد... / من يحمل الألعاب للأولاد؟ / في ليلة الميلاد... / يا قدس، يا مدينة الأحرار / يا دمعاً كبيرة تجول في الأجران / من يوقف العدوان؟ / عليك، يا لؤلؤة الأديان / من يغسل الدماء عن حجارة الجدران؟ [57, 193]

Кудс, т.е. Байтулмакаддас (Иерусалим) - столица Палестины и место паломничества всех доисламских пророков и восхождения Пророка Мухаммада (с). Как было отмечено в разделе «Тема арабского сопротивления в таджикской поэзии», к сожалению, сегодня Иерусалимом владеют захватчики- сионисты. Н. Каббани равнодушен к этой теме и вступая в борьбу с помощью пера, отображает в своих стихотворениях боль и страдание людей.

Рассмотренные выше стихотворения и касыды в переводе Гулназара отличаются изяществом и экспрессивностью.

Приведем несколько образцов из переводов таджикского поэта Кутби Киромы: «Гуфтугӯи инқилобӣ бо Тоҳа Хусайн» («Разговор о революции с Тоха Хусайном»)

Ин нури чашми туст ва ё ахтари замон, / Ҳар ҷо ки меравам, маро мегирад он нишон. / Ман уқдаҳои рози худ чун во кунам туро / Нахли умеду орзу пайваст бо хазон. / Ман ҷуз ту бо касе набарам рози хештан / Ҷуз ишқ сарнавишти мо набвад дар ин ҷаҳон [192, 39].

Подстрочный перевод: Это свет твоих глаз или же звезда нашего времени, / Куда бы я не шёл, направлен на меня. / Как мне раскрыть свои тайны тебе / Дерево чаяний и надежд зачахло. / Кроме тебя никому не открою свои тайны / Кроме любви у нас нет другого предназначения в этом мире.

ضوء عَيْنِكَ .. أم حوار المَرايا / أم هُما طائرانِ يحترقانِ؟ / هل عيونُ الأديبِ نهورٌ لهيبٍ /
 أم عيونُ الأديبِ نهرٌ أغاني؟ / أه يا سيدي الذي جعلَ اللَّيلَ / نهاراً .. والأرضَ كالمهرجانِ [57, 194]

Тоха Хусайн (1889-1973) - египетский литератор и критик, известный во всем мире как «Глава арабских литераторов». К сожалению, в детском возрасте он лишился зрения, однако, благодаря стараниям на пути науки и литературы смог оставить богатое литературное и научное наследие.

Переводы К. Киромы также пленительны и экспрессивны. Поэт, вникая в каждое слово, в каждую букву, перевел эту поэму искренне и увлекательно.

Одним из трагичных стихотворений Н.Каббани считается элегия, посвященная его супруге. Перевод на таджикский язык был осуществлен Гулназаром. Следует отметить, что супруга Н.Каббани погибла в 1976 году во время взрыва в консульстве Ирака в Бейруте и поэт описывает это событие в продолжительной поэме, отрывок из которой приводится ниже:

*Раҳмат шуморо, раҳмат шуморо, / Раҳмат шуморо, раҳмат шуморо.
 / Куштед охир маҳбуби моро. / Шуд аз баротон охир муяссар / Болои гӯри
 хунинкафан як согар кашидан. / Куштанд эй вой / Шаҳбайти манро. / Дар
 рӯи дунё ҳамзиллати мо як миллате нест, / То ин ки буқшад Шеъри равонро.
 [192, 45].*

*Подстрочный перевод: Спасибо вам, спасибо вам, / Спасибо вам,
 Спасибо вам. / Наконец (вы) убили нашу любимую. / Вам наконец, удалось /
 Поднять бокал над могилой той, чей саван в крови. / Убили, ох / Лучший
 бейт моей касыды. / Во всем мире нет нации, такой же презренной как
 наша, /Которая убивали бы плавный Стих.*

شكراً لكم ... / شكراً لكم . / فحبيبتِي قتلت .. وصار بوسعكم / أن تشربوا كأساً على قبر الشهيد /
 وقصيدتي اغتيلت ... / وهل من أمةٍ في الأرض ... / إلا نحن تغتال القصيدة ؟ [57, 195]

Н. Назар в одной из своих статей под названием «Несколько мгновений с Гулназаром» пишет: «Удивительно то, что трагедия известного арабского поэта Н. Каббани и его элегия на смерть супруги не прошла бесследно для трех таджикских переводчиков его стихотворений - Кутби,

Гулназара и меня. Мы все по очереди лишились своих супругов, чтобы понять и разделить страдания Низора Каббани» [57, 197].

Действительно, эти таджикские литераторы, к сожалению, разделили участь Н.Каббани и возможно, поэтому их переводы столь выразительны и трогательны.

3. «*Чоми ашк*» («Йеменские зарисовки»). Это сборник стихотворений непревзойденного арабского поэта Абдулазиза ал-Маколеха (1937) в переводе Гулназара и Н.Назара, изданная в 1990 году в городе Душанбе (издательство «Адиб»).

Поэт с радостью воспринял известие об издании своей книги на таджикском языке и писал: «Мои друзья - поэты в Таджикской Советской Республике пожелали перевести на свой родной язык образцы наших стихотворений. И я очень счастлив, что мои слова, появившиеся с результате ежедневных движений чувств, сегодня собираются в новый край, держат путь в город Душанбе и в другие части страны надежд и чаяний» [11, 6].

Абдулазиз ал-Маколех родился в Йемене, в городе Сана. Он был видным государственным деятелем и руководителем научно-лингвистического общества Йемена. Он не только поэт, но и прозаик, критик, доктор филологических наук и обладатель премии «Лотос».

Гулназар пишет о нем следующее: «На мой взгляд Абдулазиз ал-Маколех часть земли Йемена, земли, которую породил вулкан. Во время нашей беседы в Сана – городе - побратиме Душанбе - он показался мне очень спокойным, терпеливым и сдержанным. Однако, постепенно я понял, что внутри него бушует буря» [60, 59].

Одним из лучших образцов таджикских переводов стихотворений ал-Маколеха является «Ох!»: *Ватанам! / Шоирони дигар аз қуллаи Олимпи бафар / Чоми хуршед ба каф меоранд, / Лабашон пур зи навои ишқ аст. / Ҳарфашон аз хати ёр асту ҷамоли дилбар. / Ту чаро маслубӣ? / Шаби ту туриш шуда дар таҳи чашмони хамӯш, / Ҳамчунон дар таҳи об. / Шабаҳи доманадорат раги гардан молад, / Бидравад лек сари шайху шубоб. /*

Ахтарони ту насӯзанд ба чархи гардон, / Шоиронат ба сари дори сухан овезон... [181, 20 -21].

Подстрочный перевод: Родина моя! / Другие поэты с вершины сверкающего Олимпа / Достают чашу солнца, / Их уста полны мелодии любви. / Их слова о чертах возлюбленной и о ее красоте. / Почему ты повешен? / Твоя ночь угасла под молчаливыми взглядами, / Словно под водой. / Твой призрак дотрагивается до сонной артерии, (Шабаҳи доманадорат раги гардан молад,) / Но приходит к старому и молодому. / Твои звезды не горят в небе, / Твои поэты висят на виселице слова...

*آه... / يا وطني / الشعراء في ذرى "الأوليمب" عند قوس النصر / يغرقون في الكؤوس /
يفتشون عن أغاني الحب / عن "فينوس" / وأنت مصلوب وليالك العيوس / ينام في العيون /
أشباهه المدى / تداعب الأعناق تحصد الرؤوس / تحترق النجوم في سماك ، تطفى الشموس /
والشعراء صامتون [60, 196] ...*

Следует отметить, что при передаче на таджикский язык переводчики смогли сохранить образность и пленительность стихотворений.

Таджикский литературовед Насим Хамробоев, рассматривая взгляды Джахиза о теории перевода, пишет: «Джахиз наравне с изложением теории перевода поэзии и его основных условий, также высказывает свою точку зрения о переводе прозаических произведений и необходимым условием считает то, что автор и переводчик должны находиться на одном уровне: «Переводчик должен обладать теми же знаниями, что и автор оригинала» [124, 52]. Действительно, переводчики обладают знаниями автора оригинала, и более того, они испытали те же чувства, что и поэт, о чем свидетельствует автограф Гулназара: «Дорогой Назрулло! Эту «Чашу слез» мы с вами наполнили кровью сердца, ибо наши радости и горести схожи с чувствами Маколеха. Пусть наша чаша после этого будет наполнена вином радости и веселья (13 августа 1990г.)» [60, 3]. То есть, по причине схожести своих чувств и боли от потери переводчики смогли искренне и пронизательно передать на таджикском языке стихотворения арабских поэтов.

4. Стихотворения Халида ал-Фейсала. ал - Фейсал - известный поэт Саудовской Аравии, родился в 1940 году в семье Саудовских правителей. Он третий сын шаха Саудовской Аравии Фейсала ибн Абдулазиза Оли Сауд. В 2013-2015 годах он работал в должности министра образования этой страны. С 1971 по 2007 год был эмиром Асиры и одновременно членом избранной коллегии Саудовской Аравии. В 2007-2013 годах исполнял должность губернатора Мекки. В 2015 году был снова назначен на эту должность.

Таджикский перевод стихотворений Халида ал-Фейсала был осуществлен после создания Центра перевода и арабского отделения при Союзе писателей Таджикистана. Низам Касым с целью перевода на таджикский язык выбрал сто газелей из произведений Халида ал - Фейсала. Книга еще не издана, однако образцы таджикских переводов этих стихотворений были переведены на таджикский язык Н.Назаром и Ато Мирходжой и опубликованы в газете «Адабиёт ва санъат» (№5(2028), 2020г.):

«Таъми сиришк» («Вкус слез»)

*Монед, ки фарёд кашам аз дилу ҷон, / Аз баҳри Худо, сина пур аст аз
гами масдуд. / Монед, ки фарёд тасаллои вучуд аст, / Таскини дил асту
дилам огандаи дуд аст. / Монед, сиришкам бидавад бар сумани рӯй, / Зеро ки
дар он таъми сиришк аст замандуд... [12, 5].*

*Подстрочный перевод: Оставьте меня, чтоб кричал я от всей души, /
Ради Бога, грудь моя полна скрытой боли. / Оставьте, крик приносит
облегчение, / Успокаивает сердце, а сердце мое наполнено дымом. /
Оставьте, чтоб слезы текли по моим ланитам, / Ибо слезы мои имеют вкус
боли...*

Перевод этого стихотворения Халида ал-Фейсала таджикскими поэтами осуществлен наилучшим образом. В тексте перевода переданы чувства и боль арабского поэта, что свидетельствует о высоком мастерстве переводчиков.

Другое стихотворение: **«Аз ман марав» («Не уходи от меня»)**

*Аз ман марав, азизтарини азизҳо, / Бо ман бимон ту ҳамдаму ҳамрозу
ҳамсадо. / Хобу хаёл бе ту бароям ҷаҳон бувад, / Бе ту сурудро набувад назди
ман наво... [12, 5].*

*Подстрочный перевод: Не уходи от меня, ты дороже всех, /
Останься со мной, ты мой друг и собеседник. / Без тебя этот мир для меня
иллюзия, / Без тебя песня моя не звучит...*

Прочитав стихотворение, можно сделать вывод, что переводчику удалось передать мысли и эмоции автора. Стихотворения Халида ал-Фейсала в основном написаны на любовную тему. Поэт рассказывает в них о боли разлуки и большой земной любви. Перевод отличается красотой и изысканностью.

Следует отметить, что Н. Назар также перевел с арабского языка на таджикский стихотворения иракского поэта Абдуваххоба Баййати, египетского поэта Эхсона Абдулқуддуса, палестинского поэта Махмуда Дарвеша и кувейтского поэта Саади Муфаррах. Эти стихотворения были опубликованы в разных периодических изданиях арабских стран, однако в ограниченных рамках диссертации невозможно включить их в круг научного анализа.

До настоящего времени молодыми арабистами были предприняты попытки перевода произведений арабских литераторов на таджикский язык. Так, например, Фарзона Восиева - подающая надежды молодая поэтесса, перевела стихотворения арабских поэтов-классиков - Хассона ибн Сабита, Башшор ибн Бурда, Абу Нувоса, Аббаса ибн Ахнафа, Бухтури, Ибн Муътаза, Хусайна ибн Мутайра, Валида ибн Язида и др. Эти переводы были опубликованы в журнале «Садои Шарк» (№6, 2021г) [17]. Одним из лучших образцов ее перевода является газель Башшора ибн Бурда: [17, 109]

مِنَ الْمَشْهُورِ بِالْحُبِّ / إِلَى قَاسِيَةِ الْقَلْبِ / سَلَامُ اللَّهِ ذِي الْعَرْشِ / عَلَى وَجْهِكَ يَا حَبِي
فَأَمَّا بَعْدُ يَا قُرَّةَ / عَيْنِي وَمُنَى قَلْبِي / وَيَا نَفْسِي الَّتِي تَسْكُ / كُنْ بَيْنَ الْجَنبِ وَالْجَنبِ /
مِنْكَ فِي الْكُتُبِ / لَقَدْ أَنْكَرْتُ يَا عَبْدًا / أَعَنَ ذَنْبًا وَلَا وَاللَّهِ / مَا أَحَدَّثْتُ مِنْ ذَنْبٍ ...

*«Аё эй нигори бераҳм, / Шудаям асири кӯят. / Сухане зи шиқ гӯям, /
 Ҳама лутфи Ҳақ ба сӯят. / Туӣ нури дидагонам, / Туӣ шиқи ҷовидонам. /
 Туӣ буду ҳам набудам, / Туӣ руҳ дар вучудам. / Зи хате, ки дорам аз ту, /
 Ҳама дам ба дарду оҳам. / Сабаби ҷафот мубҳам, / Ту нишон бидеҳ
 гуноҳам. / Ба Худо қасам, ки аз ман / Нагузаштааст гуноҳе, / Ту биё
 тараҳҳуме кун / Аё Абда, ки чу моҳӣ. / На ба Шарқу на ба Мағриб ...» [17,
 109].*

*Подстрочный перевод: О, жестокая красавица, / Стал я твоим
 пленником. / Говорю я о любви, / Вся милость Бога с тобой. / Ты - свет моих
 очей, / Ты - вечная любовь моя. / Ты все, что есть у меня, / Ты - душа в теле
 моем. / Из-за письма, что получил от тебя, / Все время страдаю и вздыхаю. /
 Неизвестна причина твоей жесткости, / Ты укажи на мою вину. / Клянусь
 Богом, что я / Ни в чем не виноват, / Ты пожалей меня / О Абда, ты словно
 луна. / Ни на Востоке, ни на Западе/...*

Следует отметить, что Фарзона Восиева проявила высокое мастерство при переводе стихотворений арабских поэтов классического периода.

Отрадно, что нынешнее поколение проявляет интерес к изучению как таджикской, так и зарубежной литературы, в особенности, арабской. Перевод произведений арабских литераторов способствует развитию арабистики и таджикско-арабских литературных взаимосвязей.

3.4 Художественный перевод арабской прозы на таджикский язык

Известно, что до настоящего времени таджикскими учеными-арабистами были переведены и изданы несколько прозаических художественных произведений с арабского языка на таджикский. Данный раздел посвящен их рассмотрению:

1. «Хабдах чаман» («Семнадцать цветников») [214]. Эта книга, включающая как прозу, так и стихотворения, была издана в 2020 году в честь празднования 700-летия Камола Худжанди (издательство «Хуросон» г. Худжанда). Составителями данной книги являются таджикские литературоведы Бахром Рахматзод и Фируза Кадырова. В книге собраны высказывания выдающихся людей о Камале Худжанди и переводы 17 газелей Камала Худжанди на 8 языках: английском, немецком, русском, персидском, китайском, урду, узбекском и арабском. В качестве примера приведем высказывание из первого раздела (чаман) книги: «Дарахти башардӯстонаи Шайх Камол мисли дарахти зиндагӣ асрҳои аср сарсабзу устувор боқӣ хоҳад монд» [214, 19]. (Основатель мира и национального согласия, Лидер таджикской нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон)

Подстрочный перевод: «Гуманистическое дерево Шейха Камала навечно останется цветущим и прочным как дерево жизни».

Арабский текст:

و ستبقى شجرة افكار الشيخ كمال الإنسانية خضراء ثابتة مثل شجرة الحياة على امتداد القرون.
مؤسس اصلاح والوحدة الوطنية - سيد الأمة و رئيس جمهورية تاجيكستان
امام علي رحمان [214, 21].

Перевод высказывания Президента Республики Таджикистана, Э. Рахмона на арабский язык осуществил таджикский арабист Абдушукур Гафуров. Текст переведен точно и дословно. На 8 языков, в том числе и на арабский переведены не только высказывания выдающихся людей, но и

семнадцать газелей Камала Худжанди. Например, одна из известных газелей Камала Худжанди: “*Ёр гуфт: - Аз гайри мо пӯшон назар! Гуфтам: -Ба чашм. / В -он гаҳе дуздида дар мо менигар. Гуфтам: -Ба чашм. / Гуфт: - Агар ёбӣ нишони пои мо бар хоки роҳ, / Барфишон он ҷо ба доманҳо гаҳар! Гуфтам: - Ба чашм. / Гуфт: - Агар сар дар биёбони ғамам хоҳӣ ниҳод, / Ташнагонро муждае аз мо бибар! Гуфтам: -Ба чашм...*” [214, 23].

Подстрочный перевод: Любимая сказала: - Отведи глаза от всех, кроме нас! Ответил я: - Как прикажешь. / - Иногда украдкой смотри на нас. Ответил я: - Как прикажешь. / Сказала: - Если найдешь наши следы на земле, / Рассыпай там жемчуга! Ответил я: - Как прикажешь. / Сказала: Если намерен сложить голову в пустыне страданий по мне, / Передай весточку о нас жаждущим/ Ответил я: - Как прикажешь...

Данный газель переведена на арабский язык Абдушукуром Гафуровым:

قال الحب: غض عينيك سوانا! قلت: امرك! / حين ذاك سارق النظر الينا! قلت: امرك!
قال: أن ألقيت فوق التراب من اثارنا،/ انثر الجواهر علي الاذيال فيها! قلت: امرك!
قال: أن تحضر بنفسك انت في وادي غمي،/ ابلغ البشري ظماء الحب عنا! قلت: امرك! [214, 29]

При передаче газели на арабском языке использован вольный перевод и переводчик стремился сохранить мелодичность газели, и это ему удалось. Словосочетание «Ба чашм» переведено как “امرک”, что означает «Как прикажешь» и передает смысл газели. Ритм и интонация текста оригинала сохранены в арабском тексте, что свидетельствует о качестве работы переводчика.

2. «Гулчин аз дурдонаҳои фолклори араб» («Избранные жемчужины арабского фольклора») [198] - сборник арабских анекдотов и афоризмов, переведенный арабистом Комилом Мусофировым на таджикский язык. Книга под редакцией таджикского арабиста Саидрахмона Сулаймони была издана в 2013 году в типографии «Шахпар» города Душанбе. В качестве примера приведем арабский анекдот под названием “بخيل”:

الطبيب لمريضه: - هل يضائعك شيء الان بعد أن فحصتك؟

المريض: -نعم، متضائع من عشرة دنانير التي دفعتها لك. [198, 93]

Бахил

“Табиб ба бемор гуфт: - Ягон чиз туро холо азоб медиҳад, баъди санҷидану муайян кардани бемориат?

Бемор гуфт: - Оре, даҳ диноре, ки ба ту додам” [198, 93].

Подстрочный перевод: Лекарь спросил больного: - Тебя что-нибудь беспокоит после выявления твоего заболевания?

Больной ответил: - Да, те десять динаров, которые я тебе отдал.

Слово «скупой» в арабском и таджикском языке обозначается одним и тем же словом - «бахил». Текст анекдота переведен дословно и точно, что свидетельствует о мастерстве переводчика.

Следует отметить, что в книге много анекдотов, однако по причине ограниченности рамок диссертации мы приводим лишь один анекдот в таджикском переводе Комила Мусофирова.

3. “Бозгашти падар” (Лабиринты женской души) - (شہ نازہ) الاب عوده [202] Этот роман, принадлежащий перу таджикского ираниста Умара Сафара, был издан в 2014 году в арабском переводе преподавателя факультета Азии и Европы ТГУ Кароматуллаха Усманова и под редакцией доктора ал-Амина Мухаммада Абдуллаха в издательстве «Дакики» города Душанбе. Следует отметить, что роман был переведен и издан также и на других языках. Так, русская версия книги под названием «Лабиринты женской души» в переводе Азима Аминова была издана в 2014 году [203], а в 2020 году издательство «Эр-граф» (г. Душанбе) выпустило корейскую версию в переводе Ли Чунь Хи. В качестве примера приведем отрывок из романа и его арабский перевод:

«Хуршед ин мусофири пирсоли танҳоғард, бо тани хаставу қалби коркӯфта дар масири ягонаву абадии хеш - осмони нилӣ оҳиста - оҳиста гом бармедошт. Кӯхдоманҳои деҳи Сиёҳфарк дар самти мағриб бо тамоми мазоҳири хеш шурӯъ аз гиёҳу буттаву дарахт, харсанғҳои пири боду боронхӯрда, ки дар синаи доманкӯҳҳо чо - чо то миён дар хок фурӯ рафта

буданд, ғарқа дар сояҳои сурхфои шафақ ғуруби қарибулвуқӯи хуршедро интизор доштанд. Ҳеч садову овое шунида намешуд» [202, 3].

Перевод Азима Аминова: «Солнце - этот древний, неизменно одинокий путник, изможденный телом и душой, не спеша двигалось по своему единственному и вечному маршруту – голубому небу. Западная часть горного массива селения Сияхфарк, начинавшаяся с зеленых трав, кустарников, деревьев и переходящая в гряду старых, отшлифованных ветрами и дождями скалистых глыб, которые местами будто провалились по пояс в землю, утопая в тени зарева заката, ожидала приближающийся заход солнца» [203, 10].

Текст на арабском:

الشمس تلك المسافرة العجوز اليتيمة التي تدور في مسارها الوحيد الدائم في سماء زرقاء بكتلتها و قلبها امتعبيين. و كانت سفوح جبال سياهفرق في جبهتها الغربية ذات المناظر الجميلة من أشجار خضراء و اعشاب و صخور قديمة أصابتها رياح و امطار فأصبحت تبدو كالاوتاد في السفوح تنتظر مغيب الشمس. و لم يكن يسمع لها صوت او ظنين [4, 237].

Вольный перевод текста на арабский позволил сохранить смысл текста оригинала. Переводчик стремился отобразить в арабском тексте идею и содержание текста на таджикском языке, а также передать стиль автора оригинала - Умара Сафара.

4. «Лабханд бизан» (ابتسم) [236] «Ибтасим» («Улыбнись») - книга современного литератора Саудовской Аравии Аиза Карани, изданная в 2005 году в городе Рязь. Избранные остроты и анекдоты из этой книги были переведены на таджикский язык молодым арабистом Нуъмоном Неъматовым и опубликованы в нескольких номерах научно-литературного журнала «Камал Худжанди». Приведем отрывок из произведения на таджикском и арабском языках:

“Марде ба аёдати беморе рафт ва аз бемор пурсид: Иллоти ту чист? Гуфт: -Дарди зону. Мард фармуд: - Чарир як байт фармудааст, ки мисраи аввалаш аз хотирам рафта ва мисраи дуюмаш ин аст: -“Зонудардро давое нест!” Бемор гуфт:

- Эй кош, мисраи дуомаш хам аз ёдат мерафт ва ту ро бо худ мебурд» [94, 100].

Подстрочный перевод: Один мужчина пришел проведать больного и спросил у него: Что у тебя болит? Тот ответил: - Колено. Мужчина сказал: - У Джарира есть бейт, первую строчку я забыл, а вторая звучит так: - “Нет лекарства от боли в колене!” Больной ответил: - О, если бы и вторая строчка вылетела из твоей головы и унесла тебя с собой.

برو آن رجلا عادى مريضاً فقال له: ما علتك؟ قال: وجع الركبه، فقال الرجل: إن جريراً يقول بيتاً
ذهب
عني صدره، و آخر هو: و ليس لداء الركبتين دواء. فقال له: ليتما ذهب عنك صدره مع [236].
نفسك

Следует отметить, что Н. Нейматов, используя метод дословного перевода, смог точно передать смысл и содержание арабских анекдотов. Текст таджикского перевода общедоступен для понимания. (№4 (с.2015).

5. Рассказ Сатыма Улугзаде «Марги хофиз» (Смерть певца), [211] был переведен на арабский язык Назрулло Назаром. Арабский текст был опубликован 27 декабря 2019 года на сайте Иракских литераторов <http://alnoor.se/> под названием “رحيل فنان”.

Известно, что С. Улугзаде прославился благодаря своим произведениям, как «Субҳи чавонии мо» (Утро нашей юности), «Қисмати шоир» (Судьба поэта), «Фирдавсӣ», «Ривояти суғдӣ» (Согдийская легенда), «Марги хофиз» (Смерть певца), «Восеъ» и т.п.

Рассказ «Марги хофиз» основан на реальных событиях. В рассказе отображен период восстания сипаев против англичан в Индии в 1857-59 годах.

Таджикский исследователь Абдулназар Абдулназаров в своей статье «Отображение танатологических волнений в творчестве С. Улугзаде» [3] проводит анализ этого рассказа и в частности, отмечает: «Основной темой рассказа является преданность и верность, ради которых отец готов отказаться от сына. В этом рассказе на высоком уровне описывается

отношение к смерти, которая является единственным путем искупления вины. В словах Шиваджи: «Я имею права отнимать то, что дал» чувствуются волнение, смятение и боль отца, слова которого звучат очень жестоко: «убийство сына - грех, но убийство предателя - святое и справедливое дело!». Таким образом, данный рассказ раскрывает «главную тему мировых отношений» через отношение к смерти» [3, 110].

Для сравнения приведем здесь отрывок из рассказа С. Улугзаде «Марги хофиз» и арабский перевод Н. Назара: “Вах, чӣ сон дилошӯб аст суруди Шивочӣ, хофизи номдори Ҳиндустон! Замзамаи оби чашмасорон ва ғулғулаи раъду барқ, амвоchi баҳри тӯфонӣ ва чаҳчаҳи булбул - ҳама дар нағмаи ўст. Аз Лоҳур то Бомбай, аз Мултон то Калкутта овозаи муғаннӣ ва дostonсарои беҳамто, ҳамчун овози худаш, хангоме ки дар чашнҳо ва маросимҳо месарояд, танинандоз аст. Ҳар кас боре суруди ўро шунида бошад, солҳо дар нашъаи он аст ва агар ин саодат насибаш нашуда бошад, як умр дар ормон [211, 114].

Подстрочный перевод: О, как волнующе звучит песня Шиваджи, известного певца Индии!

Журчание воды родников и раскаты грома, волны бушующего моря и трель соловья — все это в его пении. От Лахора до Бамбея, от Мултана до Калькутты звенит слава несравненного музыканта и певца, словно его собственный голос, когда он поёт на праздниках и церемониях. Каждый, кто хоть раз услышит его пение, годами опьянен им, а если ему не было суждено познать это счастье, всю жизнь мечтает об этом.

Перевод Н.Назара: [246].

ساطم أولوغ زاده (الكاتب الطاجيكي الكبير) رحيل فنان (قصة قصيرة)
 ما أروعه غناءً هذا الفنان الهندي الشهير «شيواجي»! ولعمري إن فيه ليجمع كل شيء - خريير مياه
 العيون الصافية وهدير الرعود الصاعقة وأمواج البحار المتلاطمة وصداح العنادل المغردة، وقد ذاع صيت
 هذا الفنان في ربوع الهند كلها - من «لاهور» إلى «بومبي» ومن «مولتان» إلى «كلكوته» ويحضر جمهور
 غفير لسماع أغانيه في الأعراس والأعياد ومناسبات شتى وهو يغني عظمة الهند ويمجد أبطالها الشجعان.

На основе сопоставления текста рассказа С.Улугзаде и текста перевода на арабском языке, можно утверждать, что переводчик использовал метод вольного перевода, ибо стремился сохранить изящество и плавность словосочетаний и фраз. В арабском тексте также передан основной смысл рассказа.

Как известно, С.Улугзаде и сам был талантливым переводчиком и перевел на таджикский язык целый ряд произведений известных мировых писателей.

Следует отметить, что вопросы текстологии переводов С.Улугзаде исследованы в книге известного таджикского литературоведа Джамилы Мурувватиён «Поэтика переводов Сотима Улугзода» [83].

Действительно, при знакомстве с рассказами С. Улугзаде читатель отрывается от реальной жизни и ощущает себя в одном пространстве с героем, что свидетельствует о сильном воздействии манеры изложения писателя.

Изучив работы Н.Назара, можно утверждать, что с точки зрения литературной ценности его переводы не уступают оригиналу. Переводчик в процессе работы над текстом будто вступает в духовное единение с писателем. Он глубоко понимает намерения автора и стремится передать текст на арабском языке просто и доступно. Ввиду этого, литераторы и читатели арабских стран хорошо знакомы с переводами Н.Назара, читают их на сайтах, а также в книгах, изданных в арабских странах.

Помимо перевода произведений таджикских писателей на арабский язык, Н. Назар также переводит прозу арабских литераторов на таджикский язык. Одним из лучших образцов его переводов являются рассказы ливийского писателя Джебрана Халиля Джебрана «Девпайкарон» [215] («Великаны») и «Рўъё» («Грёзы») [217], опубликованные в газете «Адабиёт ва санъат» (№23 (2098) от 3 июня 2021).

Джебран Халиль Джебран (1881-1931) - известный арабский поэт, писатель, художник. Он родился в Ливане, но жил в городе Нью-Йорке

(США) и там же похоронен. Джебран Халиль Джебран был основателем литературных связей арабских писателей в эмиграции и оставил многочисленные литературные и философские произведения на арабском и английском языках, которые прославили его на весь мир. Его перу принадлежат новеллы и песни, как «Бунтующие души», «Сломанные крылья», «Пророк», «Иисус - сын человеческий», «Ураганы», «Песни», «Ритуал», «Песок и морская пена», «Слеза и улыбка», «Молитва призрака», «Земная богиня». Одним из лучших произведений Джебрана Халиля Джебрана является рассказ «Рўё» (Грёзы), включенный в его книгу «العواصف» (Ураганы; Тўфонҳо): [246]

رؤيا

...بلغتُ الشاطئ، وكان الضباب قد انحدر من أعالي الجبال، وغمر تلك النواحي مثلما يوشي النقاب الرمادي وجه الصبية الحسنة، فوقفتُ محققاً بجيوش الأمواج مُصغياً إلى تهاليلها، مفكراً بالقوى السرمدية الكامنة وراءها، تلك القوى التي تركض مع العواصف، وتثور مع البراكين، وتبتسم بثغور الورود، وتترنم مع الجداول.

Перевод Назрулло Назара: «Ба соҳил расидам. Меғи аз баландии кўҳҳо поин омада он мавзеъро фаро гирифта буд, чунон ки ҳичоби хокистарӣ рӯи духтари зеборо пӯшида бошад. Таваққуф кардам, то ба лашкари амвоҷ чашм дӯзам, ба таронаҳои он гӯш андозам, дар бораи нерӯҳои сармадии паси он ниҳон андеша ронам. Ҳамон нерӯҳое, ки ҳамраҳи тундбодҳо медаванду ҳамраҳи кўҳҳои оташфишон ба шӯр меоянд, бо лабони гулҳо табассум мекунанду бо даҳони рӯдҳо тараннум» [217, 15].

Подстрочный перевод: Добрался до берега. Спустившийся с горных вершин туман обволакивал это место, словно серая чадра скрывала лицо красивой девушки. Остановился, чтобы взглянуть на войско волн, услышать его песню, подумать о вечных силах, скрытых за ним. О тех силах, которые бегут вместе с вихрями и возмущаются вместе с огнедышащими горами, улыбаются лепестками цветов и поют песни устами рек.

Сопоставление вышеприведенных отрывков доказывает, что перевод осуществлен чрезвычайно интересно. Он не является дословным, но и не

вольным, а находится между ними и больше близок к дословному и смысловому переводу. Можно утверждать, что Н.Назар обладает собственной манерой перевода.

6. Н.Назар также перевел на таджикский язык рассказ Джебрана Халиля Джебрана - «Девпайкарон» («Великаны»). Приведем отрывок из арабского текста и таджикский перевод Н. Назара:

ليس من يكتب بالحبر، كمن يكتب بدم القلب، وليس السكوت الذي يحدثه الملل، كالسكوت الذي يوجد الألم. أما أنا فقد سكت، لأن أذان العالم قد انصرفت عن همس الضعفاء، وأنينهم إلى عويل الهاوية وضجتها، ومن الحكمة أن يسكت الضعيف عندما تتكلم القوى الكامنة في ضمير الوجود تلك القوى التي لا ترضى بغير المدافع السنة، ولا تقنع بسوى القنابل أفاظًا. [246]

«Он, ки бо давог менависад, наметавонад мисли касе бошад, ки бо хуни дил иншо мекунад. Сукуте, ки онро хастагӣ ба амал овардааст, наметавонад монанди сукуте бошад, ки зодаи дарду ранҷ аст. Аммо сукути ман аз он хотир буд, ки доду ғиғони варта ғӯши олабро аз шунидани оҳу нолаи нотавонон масруф кардааст ва аз рӯи ҳикмат аст, ки нотавон лаб фурӯ бандад, чун нерӯҳои дар замири замин макнун ба сухан оянд. Ҳамон нерӯҳои, ки ба ҷуз аз тӯпхона забонеро наменписанданду ба ҷуз гулӯла лафзеро наменпазиранд» [215, 15].

Подстрочный перевод: *Тот, кто пишет чернилами, не сможет быть похожим на того, кто пишет кровью сердца. Молчание, появившееся от усталости, не может быть похожим на молчание, которые породили страдание и боль. Но я молчал, потому что, крики бездны истрачены на мольбу и стенания слабых и будет правильно, если слабый замолчит, чтобы силы, скрытые в недрах земли начали говорить. Те самые силы, которые не признают другого языка, кроме языка оружия, и не понимают других слов, кроме грохота снарядов.*

Анализ перевода выявляет, что переводчику удалось отобразить смысл оригинала в таджикском тексте.

Джебран Халиль Джебран непревзойденный мастер, создавший многочисленные шедевры. В переводах Н. Назара также можно узнать стиль изложения Джебрана.

Сегодня можно встретить рассказы, статьи или стихи, которые, кроме увлекательности, могут полностью изменить направление жизни читателя, воодушевить его, вернуть веру в жизнь и людей. Можно утверждать, что переводы Н. Назара относятся к этой группе сочинений.

7. Книга «Пайгамбар» («Пророк») [216] включает сборник рассказов Джебрана Халиля Джебрана в таджикском переводе арабиста Саидрахмана Сулаймони. Эта книга была издана в 1991 году в издательстве «Ориёно» города Душанбе. Книга получила название одного из известных рассказов, с которого начинается книга. Как отмечает переводчик, «Пророк» не является чисто литературным, а литературно - философским рассказом, в котором Джебран рассуждает вокруг сложных вопросов, в частности, касающихся человека и его отношения к любви, свободе, красоте, страданию, молитве, религии, смерти, добру и злу, преступлению и наказанию» [216, 3].

Приведем отрывок из арабского текста и его таджикский перевод:

. "و ظل المصطفى، المختار الحبيب، الذي كان فجرا لذاته ، يترقب عودة سفينة في مدينة

اورفليس اثنتي عشرة سنة، ليركبها عاندا الي الجزيرة التي ولد فيها“ [228,7]

“Мустафои баргузида ва маҳбуб, ки сапедадами хастагии хуш буд, дар шаҳри Орфалес, дувоздаҳ сол чашм ба роҳи сафинааш дошт, то ӯро ба қазирае баргардонад, ки он ҷо чашм ба дунёи рӯшан кушода буд” [216, 4].

Подстрочный перевод: Избранный и любимый Мустафа был в то утро уставшим, но счастливым в городе Орфалес, где двенадцать лет ожидал корабль, который должен был вернуть его в остров, где он родился.

Сопоставление этих отрывков показывает, что перевод рассказа «Пророк» на таджикский язык осуществлен точно и дословно.

Следует отметить, что народный поэт Таджикистана Озарахш после знакомства с афоризмами Джебрана Халиля Джебрана проявил интерес к созданию кратких изречений и крылатых фраз, которые были опубликованы

под названием «Андешарезахо» («Рассыпанные мысли») в его книге «Парвона зинда аст» («Мателек жив»).

Это свидетельствует о том, что на творчество современных таджикских литераторов помимо коранических аятов и хадисов Пророка (с) свое влияние оказали и творчество известных арабских поэтов и писателей современности, в частности их высказывания и стихотворения

8. Н.Назар подготовил книгу под названием «**Се сахна аз Точикистон**» («Три пьесы из Таджикистана») [232], в которую вошли три драматических произведений таджикских писателей Сатыма Улугзаде, Мехмона Бахти и Джума Куддуса, арабский перевод которых был осуществлен совместно с сирийским переводчиком Гассоном Муртаза. Книга была издана в 2002 году в издательстве «Иттихаду-л-китаба-л-араб» города Дамаска. В предисловии к книге Гассон Муртаза приводит подробные сведения о биографии и творчестве Сатыма Улугзаде и высказывает собственную точку зрения о переведенном им драматическом произведении «Чавонии Ибни Сино» (**الحكيم الشاب**)

Второе произведение «Эмир Исмаил Самани», автором которого является Мехмон Бахти, было переведено Н. Назаром. Переводчик в предисловии сообщает сведения о творчестве М. Бахти и его драматическом произведении.

Третью часть книги составляет драматическое произведение Джумы Куддуса «Нубуввати охирин» («Последнее пророчество»). На арабском языке название переводится «Халки нав» (**الخلق الجديد**) – («Новое творение»), т.е. переводчик использовал метод вольного перевода. Н.Назар в предисловии к этой части книги дает краткие сведения о биографии и творчестве Джумы Куддуса и его произведении «Нубуввати охирин».

Таким образом, наряду с переводами поэтических произведений в развитии литературных связей большую роль сыграли и переводы прозаических произведений с арабского на таджикский язык и с таджикского на арабский язык.

ВЫВОДЫ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ

Исследование художественного перевода как фактора развития таджикско-арабских литературных взаимосвязей данной главе диссертации убедило, что таджикский ученый-арабист, поэт и переводчик Назрулло Назар внес достойный вклад в укрепление и развитие таджикско-арабских литературных связей и занимает особое место в этом направлении.

Переводы стихотворений современных таджикских поэтов на арабский язык, выполненные Н. Назаром, отличаются глубиной и высокой степенью тождества. Его переводы были изданы за пределами Таджикистана, в особенности, на арабском Востоке, где получили широкую известность.

Исследование поэтики арабских переводов поэтических сочинений современных таджикских поэтов М. Каноата, Л. Шерали, Гулназара, А. Хакима, Фарзоны, выполненные Н. Назаром, убеждают, что переводчику удалось во многих случаях добиться адекватного воспроизведения содержательного, коммуникативного и эстетического эффекта оригинала и тем самым создать новый поэтический текст, способный оказать такое же художественно-эстетическое воздействие на читателя, как и оригинал.

Назрулло Назар совместно с известными таджикскими поэтами Гулназаром Келди, Кутби Киромом, Низамом Касымом и Ато Мирходжа перевели на таджикский язык сборник стихотворений современных арабских поэтов как Суада -ас- Сабаха, Низора Каббани, Абдулазиза ал-Маколеха, Халида Файсала, и тем самым, открыли новую страницу в истории таджикско-арабских литературных связей.

Н. Назар также перевел с арабского языка на таджикский стихотворения иракского поэта Абдуваххоба Баййати, египетского поэта Эхсона Абдулкуддуса, палестинского поэта Махмуда Дарвеша и кувейтского поэта Саади Муфаррах.

Издание в Таджикистане и за рубежом, в особенности, в арабских странах, арабских переводов прозаических сочинений таджикских литераторов, осуществленные арабскими литературоведами и таджикскими арабистами и являющиеся предметом гордости как для таджикского народа, так и арабского, стимулировало интерес арабских читателей и литературоведов к изучению и научному осмыслению таджикской литературы и культуры в арабском мире.

Таким образом, вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что на протяжении последних тридцати лет был осуществлен перевод поэтических сочинений таджикских поэтов на арабский язык и стихотворений арабских поэтов на таджикский язык, образцы которых в виде поэтических сборников изданы в Таджикистане и в арабских странах. Кроме поэтических творений были переведены с таджикского на арабский и с арабского на таджикский и художественная проза.

По праву художественный перевод, выступив в качестве посредника, послужил мощным стимулом для укрепления таджикско-арабских литературных связей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Литературные взаимосвязи арабов и аджамцев имеют давнюю историю, восходящую к периоду правления династии Ахеменидов. Взаимодействие и взаимовлияние литератур в период, когда крупнейшие центры арабской цивилизации в Йемене, Хире, Бахрейне и Хиджазе находились под властью аджамцев, способствовали проникновению целого ряда исконных персидских слов в словарный фонд арабского языка.

Персидско-таджикские и арабские межлитературные связи получили развитие в период Сасанидов, доказательством чему являются история жизни Варахрана V, известного как Бахрам Гур, правивший иранским престолом в 421-428 гг., который еще в раннем возрасте был отправлен во дворец эмира Хиры – Ну'мана ибн Мунзира, где он получил начальное образование и обширные знания в области арабского языка и поэзии. О развитии литературных взаимодействий в этот период свидетельствует и тот факт, что в период правления Сасанидского царя – Хусрава Парвиза, при царском дворе служили арабские поэты Аш'а ибн Кайс и Набига Зубани, которые сочиняли, панегирические стихи в честь великого Сасанидского императора.

В результате арабского завоевания и слияния цивилизаций возникла арабоязычная литература, два столетия которой (VIII-IX вв.), известны как «период безмолвия». Поскольку в этот период многие персидские поэты и писатели, в том числе Исмаил Ибн Ясар, Хусейн Мансур Халладж, Муса Шахават, Башшар Ибн Бурд, Абу Нувас, аль-Хурайми и др. сочиняли свои произведения исключительно на арабском языке, лишь в редких случаях они обращались к персидско-таджикскому языку. Одним из факторов усиления литературных взаимосвязей стало развитие поэтического билингвизма в период Арабского халифата, яркими представителями которого явились – Язид ибн Муфарриг, Асвад ибн Абукарима и др., создавшие ценностные

поэтические сочинения как на арабском, так и на персидско-таджикском языках.

О влиянии арабской культуры на творчество персидско-таджикских поэтов и прозаиков свидетельствует и возникновение в их наследии стихотворений, написанных в жанре муламма', а также обращение персидских литераторов в своих сочинениях к аллюзиям на коранические аяты и хадисы, и арабским заимствованиям. Более того, влияние арабской культуры и языка в этот период было настолько сильным, что каждый, кто намеревается вступить на политическую арену, должен был владеть этим языком. Однако арабский язык оказал влияние на творчество почти всех персидско-таджикских поэтов.

Очевидно, что охватить все аспекты таджикско-арабских литературных взаимосвязей в рамках одной научной диссертации невозможно. Исследование ряда аспектов таджикско-арабских литературных взаимосвязей в период независимости Таджикистана привели нас к следующим выводам и научным заключениям:

1. Заметный вклад в дело изучения персидско-таджикских и арабских литературных взаимосвязей внесли известные таджикские арабисты Таджиддин Мардони, Абдушукури Абдусаттор, Низомиддин Зохиди, Умеда Гафарова, Фахриддин Насриддинов, Умриддин Юсуфов, предметом научно-исследовательских работ которых стало изучение и научная интерпретация динамики развития культурных взаимосвязей арабов и аджамцев в средневековый период.

Развитию таджикско-арабского межнационального сотрудничества в области литературы способствовало также усиление научного интереса арабских ученых к изучению различных аспектов таджикской литературы. В этом плане достойно внимания обширное исследование египетского ученого Насира аль-Хиджжи, посвященное изучению наследия Камала Худжанди. Другой египетский ученый, Риф'ат Абдулла Хусейн, также написал статьи о Таджикистане и таджикских поэтах, в частности о Камале Худжанди.

Предметом диссертационного исследования другого арабского ученого – Хамди Абдулрози стали «Ритм и структурная композиция поэмы Аскара Хакима – Санги ман-алмос» Укреплению таджикско - арабских взаимосвязей способствовали и научные труды арабских ученых – Асма Ахмада, Иса Али аль-Акуба, Халила Абдуазиза, Алтунджи, Виктора аль-Кика, Джалила Камалуддина и др., в которых проявлен интерес к таджикской литературе, о чем более подробно можно найти сведения в соответствующих разделах настоящей диссертации.

2. В советский период таджикско - арабские литературные связи получили новый виток развития, в чем неоценим вклад выдающихся представителей таджикской литературы и науки, в частности С. Айни, М. Турзунзаде и Дж. Икрами, благодаря которым не только арабы, но и весь мир узнал о высокой науке и культуре таджиков. Несмотря на то, что зарубежный читатель еще с давних времен был знаком с художественным наследием персоязычных писателей и поэтов, именно художественные произведения этих известных деятелей культуры смогли представить всему миру таджикский народ, его литературу и культуру.

Развитие таджикско-арабских межлитературных связей стимулировано возникновением целого ряда научно - критических работ в области арабистики, среди которых научно-критические труды видного таджикского ученого - арабиста Таджиддина Мардони представляют собой большую ценность, поскольку в его работах, характеризующихся охватом широкого круга проблем по таджикско - арабским литературным связям советской эпохи, определены основные вехи научных исследований в этой области.

3. На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что таджикско - арабские литературные связи в период независимости вступили на новый качественный уровень и приобрели специфические черты. Проведение Дней культуры Таджикистана в арабских странах и Дней культуры арабских стран в Таджикистане, совместные конференции,

семинары и встречи с представителями дипломатического корпуса, проведение литературных встреч с участием таджикских и арабских деятелей культуры, науки и литературы, и продвижение деятельности уголков культуры, центров переводов, обществ свидетельствуют об интенсификации таджикско - арабских литературных взаимосвязей в период независимости Таджикистана.

4. Тема сопротивления и общественно - политической жизни арабских стран занимает особое место в таджикской литературе, поскольку таджикские литераторы никогда не оставались равнодушными к проблемам многострадального арабского народа, в частности к теме сопротивления палестинцев и отражению борьбы этого народа за независимость. Еще герой таджикского народа Мирзо Турсунзаде в своей поэме «Голос Азии» писал о надеждах и чаяниях арабского народа. В период независимости Таджикистана к этой тематике обратились Гулназар Келди, Гулрухсор, Аскар Хаким, Озарахш, Доро Наджат, Низом Касым, Рустами Ваххоб, Сиявуш, Неъмати Оташ и др., выражая в своих стихах сочувствие к народам Палестины, Сирии и Ирака.

5. Арабские поэты, в частности, Муин Бсису, аль-Баййати, Ибрагим Наккаш, Бахру-л-Улум и др. также посвятили цикл своих произведений теме Таджикистана и жизни таджикского народа. Этому способствовало и личное знакомство и дружеские отношения арабских поэтов с такими таджикскими писателями и поэтами как Мирзо Турсунзаде, Мумин Каноат, Гулрухсор, Гулназар и др., ставшие одним из факторов укрепления таджикско - арабских взаимосвязей. Примечательно, что таджикские поэты Гулназар, Гулрухсор, Сиявуш и др. сочинили стихи в честь палестинского поэта Муину Бсису, что, несомненно, способствует укреплению таджикско - арабских литературных взаимосвязей.

6. В период независимости Таджикистана на арабском языке в переводе Н.Назара были изданы стихи девятнадцати современных таджикских поэтов Мирсаида Миршакара, Лоика Шерали, Муъмина Каноата,

Бозора Собира, Гулназара, Гулрухсор, Фарзоны, Аскара Хакима, Низома Касыма, Кутби Киромы, Мавджуды Хакимовой, Хадисы, Мехринисо, Зулфии Атои, Камола Насрулло, Доро Наджата, Рахмата Назри, Исфандиёр ва Бури Каримова, изданных в Таджикистане и за границей, в частности, в странах арабского Востока.

7. . Перевод стихов целого ряда арабских поэтов на таджикский язык, в том числе поэтических сочинений Абдулазиза аль-Макалих, Низара Каббани, Халида аль-Фейсала, Суада ас-Сабаха, Махмуда Дарвеша, Абдулваххаба аль-Баййати и других таджикским арабистом Назрулло Назаром и таджикскими поэтами Гулназаром, К. Киромом, А. Мирходжа, Н. Касымом, способствовало творческому освоению традиций и новаторства арабских литераторов, в результате чего литературные взаимосвязи периода независимости Таджикистана еще более укрепились. Приобщению таджикского читателя к арабской литературе способствовал и перевод Н.Назаром на таджикский язык поэтических сочинений арабских поэтов Саадия Муфарре, Махмуда Дарвеша, аль-Баййати, изданные в различных отечественных и зарубежных газетах и журналах.

8. Наряду с переводом поэтических произведений, в определяющем факторе усиления взаимодействия таджикского и арабского народов в сфере литературы стал перевод художественных прозаических произведений, к которым можно отнести перевод романа известного таджикского ученого У. Сафара – «Лабиринты женской души», переведенный на арабский язык таджикским арабистом Кароматулло Усмоновым и изданный в Душанбе, в 2014 г. под редакцией арабского ученого доктора Аль - Амин Мухаммад Абдулла, а также книги «Три пьесы из Таджикистана», в которую вошли три драматических произведений таджикских писателей Сотима Улугзаде, Мехмона Бахти и Джума Куддуса, осуществленный Н.Назаром в соавторстве с сирийским переводчиком Гассоном Муртазо и изданный в 2002 году в издательстве «Иттихаду-л-куттабу-л-араб» города Дамаска. Н. Назарому также принадлежат переводы на таджикский язык рассказов Джебран Халиль

Джебрана – «Грёзы» и «Великаны». В таджикском переводе Саидрахмона Сулаймони был издан также сборник рассказов этого писателя под названием «Пророк».

9. В активизации переводческого процесса большую роль сыграла переводы таджикских арабистов Т. Мардони, Н. Назар, К. Мусофиров, С. Сулаймони, У. Гафарова, Н. Гиясов, Ф. Насриддинов, С. Шахобиддинов, М. Умаров, Ф. Бобоев, У. Юсуфов, А. Карими, К. Дадобоев, А. Гафуров и др. Укреплению литературных взаимосвязей способствовали также, переводы, осуществленные арабскими учеными - Абдулваххаб Аллубом, Макарим аль-Гамра, Гоиб Ту'ма Фарманом, Юсуф Аббудом, Джалил Камалуддином, Насир аль-Хиджжи, Хамди Абдулрози, Асма Ахмадом на таджикский язык, внесшие достойный вклад в дело перевода произведения классиков таджикской литературы, а также современных таджикских литераторов и общественных деятелей.

10. Таджикский ученый, арабист, поэт и переводчик Назрулло Назар внес неоценимый вклад в укрепление таджикско-арабских литературных связей, ведь именно благодаря его переводам сегодня арабские читатели получили возможность познакомиться с современной таджикской литературой и свою очередь таджикские читатели ознакомились с современной арабской поэзией и прозой. В деле укрепления литературных взаимосвязей, посредством перевода научных, религиозных и художественных произведений, внесли свой посильный вклад ряд известных таджикских арабистов, среди которых имя Назрулло Назара принадлежит, бесспорно, к числу весьма известных, необычность переводческого таланта которого сделали его творчество одним из значительных этапов в развитии таджикско - арабских литературных взаимосвязей.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев, И. Поэзия на арабском языке в Средней Азии и Хорасане X-начала XI вв. / И. Абдуллаев. – Ташкент: Фан, 1984. – 294с.
2. Абдулло, С. (Ориёнфар). Марсияи хуршед / С.Абдулло. – Москва: Гуманитарий, 2001. – 288с.
3. Абдулназаров, А. Танатологические мотивы в работах Сотима Улугзода / А. Абдулназаров. // Вестник педагогического университета, 2020. – №3(86) – С.109-113.
4. Абдусаттор, А. Равобити адабии Арабу Ачам дар асри XI / А.Абдусаттор. – Душанбе:Файз, 2004. – 56с.
5. Абдусаттор, А. Таърихи адабиёти араб. Китоби аввал / А.Абдусаттор. – Душанбе:ДРТС, 2012. – 275с.
6. Абдусаттор, А. Таърихи адабиёти араб. Китоби дуюм / А.Абдусаттор. – Душанбе:Шучоён, 2010. – 260с.
7. Абдусаттор, А. Фарҳанги арабӣ ва адабиёти аҳди Ғазнавиён / А.Абдусаттор – Душанбе:Бухоро, 2015. – 430с.
8. Абдусаттор, А. Арабият ва адабиёти аҳди Ғазнавиён / А.Абдусаттор. – Душанбе:Адиб, 2001. – 220с.
9. Акбаров, Т. Равобити байналхалқии РСС Тоҷикистон / Т.Акарбов. – Душанбе:Ирфон, 1965. – 60с.
10. Акилова, Н. Традиции доисламской литературы иранских народов в творчестве Абунуваса: дис. ...канд. фил. наук: 10.01.03. – Душанбе, 2018. – 171с.
11. Ал-Мақолеҳ Абдулазиз. Аз муаллиф / Ҷоми ашқ. – Душанбе:Адиб, 1990. – 60с.
12. Ал-Файсал Холид. (аз арабӣ ба тоҷикӣ тарҷумаи Назруллоҳи Назар ва Ато Мирхоча)/ Ал-Файсал Холид // Адабиёт ва санъат, 2020. – №5(2028). – С.5.

13. Бартольд, В.В. Работы по истории ислама и арабского халифата / В.В. Бартольд. – Москва: Восточная литература, РАН, 2002. – 784с.
14. Баҳор, М. Сабкшиносӣ ё таърихи татаввурӣ насри форсӣ / М. Баҳор баргардон аз Исрофилниё Ш.Р. ва Сарқоров Н.– Душанбе: Бухоро, 2012 – 570с.
15. Бертелс, Е.Э. Таърихи адабиёти форсӣ-тоҷикӣ / Е.Э.Бертелс.– Душанбе: Эр-граф, 2015.–584с.
16. Бертельс, Е.Э. История персидско-таджикской литературы: в 3 т.Том1. / Е.Э. Бертельс.– Москва: ИВЛ, 1960.– 554с.
17. Восиева, Ф. Тарҷумаи тоҷикии ашъори шоирони классикии араб / Ф.Восиева // Садои Шарқ, 2021.– №6.– С.108-110.
18. Гарбовский, Н.К. Теория перевода: учеб. пособие / Гарбовский Н.К.– Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2004. –544с.
19. Гафарова, У. А. Арабское красноречие (хутба) в ранние века ислама / У.А.Гафарова. – Худжанд: Гос. Издательство им. Р. Джаллил, 1995. – 140с.
20. Гафарова, У.А. Сказание Корана в персидском переводе «Тафсира Табарӣ» / У.А.Гафарова. –Душанбе, 2004. –345с.
21. Гафоров, У. Дурдона ва дарё / У. Гафоров.–Хучанд: Ношир, 2014.– 164с.
22. Гафоров, У. Муқаддасоти Тоҷикистон / У.Гафоров.–Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Раҳим Чалил. –28с.
23. Гафорова, З. А. Равобити адабӣ ва фарҳанги Шарқ // маҷмӯаи мақолаҳо ба муносибати панҷоҳсолагии зодрӯзи доктори илмҳои илмҳои филологӣ, профессор У. Гафорова. – Хучанд: Ношир, 2014. – 616с.
24. Гафорова, У. А. Корномаҳои пажӯҳишӣ дар ҷодаи пайвандҳои адабии арабу аҷам /У. А. Гафорова. // Оинаи Пажӯҳишгоҳ. Фаслномаи илмӣ-адабӣ. – Хучанд, 2019.– с. 210с
25. Гафорова, У. А. Қиссаҳои “Қуръон” дар “Тарҷумаи Тафсири Табарӣ” / У.А. Гафорова .–Хучанд: Нури маърифат, 2004. – 400с.

26. Гафорова, У. А. Робитаҳои адабии арабу ачам // Маҷмӯаи мақолаҳо.– Хучанд, 2015.–368с.
27. Гафорова, У.А. Камоли Хучандӣ дар оинаи пажӯҳиши арабшиносони тоҷик ва адабиётшиносони араб // Тоҷикистон дар масири таърих: истиқлолият, дастовард ва дурнамо: Маводи симпозиуми байналмиллалӣ (қисми 2).– Душанбе: Дониш, 2021. –745с.
28. Гафорова, У.А. Муҳаммад Ибни Қарири Табарӣ ва муколамаи фарҳангҳо / У.А. Гафорова . – Хучанд:Хуросон, 2018.– 460с.
29. Гиясов, Н. Среднеперсидская лексика в творчестве арабского поэта VI-VII вв. ал-А'ша // Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: история и современность: тезисы докладов и сообщений. –Душанбе: Дониш, 1990. – С.257-259.
30. Давронов, А. Равобити адабии халқҳои тоҷику арман / А.Давронов. – Душанбе: Адиб, 2008.– 328с.
31. Жирмунский, В. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В. Жирмунский. – Л.: Наука, 1977. – 408с.
32. Замахшарӣ, А.М. Баҳори хубон / А.М. Замахшарӣ . Аз арабӣ ба тоҷикӣ тарҷумаи Ф. Насриддинов // Фаслномаи илмӣ-адабии Камоли Хучандӣ, 2016.–№1(15). – С.92-97.
33. Зеҳнӣ, Т. Санъатҳои бадеӣ дар шеърӣ тоҷикӣ / Т. Зеҳнӣ– Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1960. – 258с.
34. Зиёев, С. Мавлонопаҷӯи суриягӣ-доктор Исо Алӣ ал-Оқуб / С. Зиёев // Маводи конференсияи ҷумҳуриявӣ илмию амалӣ дар мавзӯи “Заминаҳои ривочу ташаккули филологияи араб дар ҷаҳони муосир”(16.11.2021). – Душанбе: нашриёти ДМТ. –С.125-133.
35. Зирикӣ Х. Баҳрамандони фазилат. Тарҷума аз арабии Нуъмонҷон Неъматов / Х. Зирикӣ // Фаслномаи илмӣ-адабии Камоли Хучандӣ.– 2016.– № 2(6)– С.95-98.
36. Зоҳидов, Н. Арабоязычный период персидско-таджикской литературы VIII-IX вв. / Н.Зоҳидов.– Душанбе:Дониш, 1993. –184с.

37. Зоҳидов, Н. Адабиёти арабизабони форсу тоҷик аз истилои араб то аҳди Сомониён. / Н. Зоҳидов. – Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Раҳим Чалил, 1999. – 147с.
38. Зоҳидов, Н. Адабиёти форсу тоҷик дар асрҳои VIII – IX (давраи арабизабонӣ) / Н.Зоҳидов. –Душанбе:Бухоро, 2014. – 444с.
39. Зоҳидов, Н. Насри арабизабони адабиёти форсу тоҷик дар асрҳои VIII - IX / Н.Зоҳидов. –Хучанд: Нури маърифат, 2004. – 402с.
40. Зубайдзода, З. Охирсухан. /Хаёлвораи шеър. Тарҷумаи Н.Назар. – Ал-Кувайт, 2019. –7 с.
41. Ибни Вушмгир Шамсулмаолӣ Қобус. Гавҳаре ноёб дар амсолу одоб: аз арабӣ ба тоҷикӣ тарҷумаи Фаҳриддин Насриддинов // Фаслномаи илмӣ-адабии Камоли Хучандӣ. – 2015.– №3(3). – С.121-132.
42. Исрофилниё, Ш. Р. Намунаҳои адабиёти суғдӣ / Ш. Р. Исрофилниё. – Душанбе, 2020. – 135с.
43. Ишанхонов, А. М. Мутанаббӣ и его влияние на поэзию эпохи Газневидов: Автореф. дис. ...канд. фил. наук:10.01.03. – Душанбе, 2017. – 23с.
44. Каримова, Ш. Т. Назрулло Назар и его роль в развитии таджикско-арабских литературных взаимосвязей / Ш.Т.Каримова // Доклады Национальной академии наук Таджикистана. – Душанбе: Дониш. – 2019.– №4 (008). –С.170-178. (на тадж.яз.)
45. Каримова, Ш. Т. Культурные взаимосвязи Республики Таджикистана с Саудовской Аравии / Ш.Т.Каримова // Вестник педагогического университета. – Душанбе: Издательский центр Таджикского педагогического университета имени Садриддина Айни. – 2020– №6 (89). – С.273-278. (на тадж.яз.)
46. Каримова, Ш. Т. Вклад Таджиддина Мардони в исследование таджикско-арабских литературных взаимосвязей / Ш.Т. Каримова // Известия Национальной академии наук Таджикистана. – Душанбе: Дониш. –202.– №2 (263). – С.287-292. (на тадж. яз.)

47. Каримова, Ш. Т. Мирзо Турсунзаде – представитель таджиков на арабском востоке / Ш. Т. Каримова // Вестник педагогического университета. – Душанбе: Издательский центр Таджикского педагогического университета имени Садриддина Айни. – 2021.– №5 (94). – С.157-161. (на тадж. яз.)
48. Каримова, Ш. Т. Наставник и ученый – арабист / Ш.Т. Каримова // Вестник педагогического университета. – Душанбе: Издательский центр Таджикского педагогического университета имени Садриддина Айни. – 2021.– №6 (95). – С.194-200. (на тадж.яз.)
49. Каримова, Ш. Т. Проблематика политической и социальной жизни народов арабского Востока в поэзии современных таджикских поэтов / Ш. Т. Каримова // Историк института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша НАНТ. – Душанбе: Дониш.– 2022.– №1 (29).– С.163-173. (на русск. яз.)
50. Каримова, Ш. Т. Образ Умеды Гаффаровой в зеркале таджикского востоковедения / Ш. Т. Каримова // Известия Национальной академии наук Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 2022. – №1 (266). – С. 65-69. (на русск. яз.)
51. Каримова, Ш. Т. Вопросы исследования таджикской литературы в арабском мире / Ш. Т. Каримова // Вестник ТГУПБП. – Худжанд: Ношир, 2022. –№2 (91). – С.30-38. (на русск. яз.)
52. Каримова, Ш.Т. Перевод стихов современных арабских поэтов на таджикский язык. / Ш. Т. Каримова // материалы республиканской научно – практической конференции на тему: «Основы развития и процветания арабской филологии в современном мире». – Душанбе, 2021, – С. 229-234. (на тадж. яз).
53. Каримова, Ш.Т. История становления и развития таджикско-арабских литературных взаимосвязей / Ш. Т. Каримова // материалы Международного симпозиума «Таджикистан в зеркале истории: независимость, достижения и перспективы» (часть 2). – Душанбе: «Знание», 2021. – С.604-620. (на тадж. яз.)

54. Каримова, Ш. Т. Роль Низомиддина Зоҳиди в исследовании таджикско-арабских литературных взаимосвязях / Ш.Т. Каримова // Наука и Техника №5(5). – Душанбе: Орбита, 2022. – С.12-13. (на русск. яз.)
55. Каримова, Ш. Т. Литературные связи Республики Таджикистан с Саудовской Аравией в новое время / Ш.Т. Каримова // Азия и Европа.– 2022.– №1, (9).– С.148-154. (на тадж.)
56. Каримова, Ш. Т. Робитаи фарҳангии Тоҷикистон бо Арабистони Саудӣ / Каримова, Ш. Т. // Паёми Суғд. – Хучанд: Ношир.– 2020.–№10. –С.106.
57. Каримова, Ш. Т. Тарҷумаи ашъори шоирони муосири араб ба забони тоҷикӣ. / Ш. Т. Каримова // Осие ва Аврупо.– 2021.–№4 (8). – С.188-202 .
58. Каримова, Ш. Т. Пахши силсилафилми “Нийрон” дар Баҳрайн. / Ш. Т. Каримова // Илм ва техника. –Душанбе: Орбита .– 2022.–№4(4)–24с.
59. Китоби хотира (1941-1945). – Душанбе: Ватанпарвар, 2005 – 1027с.
60. Келдӣ, Г. Ба ҷои охирсухан /Г. Келдӣ/ Ҷоми ашк. –Душанбе: Адиб, 1990. – С.59.
61. Крачковский, И.Ю. Арабская поэтика в IX вв. / И.Ю. Крачковский. Избранные сочинения. Т.2. – М: Изд-во Акад. Наук СССР. – 1956.–702с.
62. Мардони, Т.Н. Арабистика в Таджикистане: советский период / Мардони Т.Н. // Материалы республиканской научно-практической конференции на тему: «Основы развития и процветания арабской филологии в современном мире» (16. 11. 2021 г.). – Душанбе: ТНУ, 2021. – С.22 -30.
63. Мардони,Т.Н. Борбад в описании Закарийа ал-Казвини/ Мардони Т.Н. // Арабско–таджикские литературные связи. История и современность (сборник статей). –Душанбе: Ирфон, 2006. – 400с.
64. Мардони, Т. Н. Академик Б. Гафуров глазами арабского журналиста и политика Халила Абдуазиза / Мардони Т.Н. // Таджикистан в ходе истории: независимость, достижения и перспективы. (Материалы международного симпозиума (часть 2).– Душанбе:Дониш, 2021. – С.370-383.
65. Мардонӣ, Т. Н. Саҳифаҳое аз равобити адабии Арабу Аҷам (Гузашта ва имрӯз) / Мардони Т.Н. – Душанбе:Ирфон, 2010. – 236с.

66. Мардонӣ, Т.Н. Перомуни тарҷумаи арабии як асари устод Айнӣ / Мардони Т.Н. / Ақвоми шарқ дар осори Садриддин Айнӣ. – Душанбе: Дониш, 2018. – 110с.
67. Мардонӣ, Т. Н. Сабакҳои доктор Муҳаммад Алтунҷӣ / Мардонӣ, Т. Н. Саҳифаҳои аз равобити адабии Арабу Аҷам. – Душанбе: Ирфон, 2010. – 236с.
68. Мардони, Т.Н. Арабско -таджикское двуязычие в поэзии IX-X вв. / Т.Н. Мардони. – Душанбе: Маориф, 1993. – 164с.
69. Мардони, Т.Н. Арабско-таджикские литературные связи / Мардони Т.Н. // История и современность (сборник статей). – Душанбе: Ирфон, 2006. – 400с.
70. Мардони, Т.Н. Влияние арабской поэзии на творчество персидско – таджикских поэтов XI-XII вв. / Т.Н. Мардони. – Душанбе: Дониш, 2020г. – 382с.
71. Мардони, Т.Н. Мас’уд Саад Салман и арабская поэзия / Т.Н. Мардони. Душанбе: Ирфон, 2006. – 74с.
72. Мардонӣ, Т.Н. Рӯдакӣ ва адабиёти араб / Т.Н. Мардони. – Душанбе: Ирфон, 2010. – 128с.
73. Мардони Т.Н. Слово об Абуали ибн Сина: исследования и переводы / Мардони Т.Н. – Душанбе: Дониш, 2018. – 376с.
74. Мардонӣ, Т.Н. Адабиёти муосири тоҷик дар кишварҳои арабӣ / Мардони Т.Н. / Саҳифаҳои аз равобити адабии Арабу Аҷам. – Душанбе: Ирфон, 2010. – 236с.
75. Мардонӣ, Т. Н. Ақвоми Шарқ дар осори Садриддин Айнӣ / Мардони Т.Н. // маҷмӯаи мақолаҳо бахшида ба 140 -солагии зодрӯзи Садриддин Айнӣ. – Душанбе: Дониш, 2018. – 110с.
76. Мардонӣ, Т. Н. Мирзо Турсунзода ва ҷаҳони араб / Мардони Т.Н. / Саҳифаҳои аз равобити адабии Арабу Аҷам. – Душанбе: Ирфон, 2010. – 236с.
77. Мардонӣ, Т. Н. Устод Айнӣ ва забони арабӣ / Мардони Т.Н. / Ақвоми шарқ дар осори Садриддин Айнӣ. – Душанбе: Дониш, 2018. – 110с.

78. Мардони, Т.Н. Насир Хусрав и арабоязычная культура / Т.Н. Мардони.– Душанбе: Пайванд, 2005. – 142с.
79. Мирзоюнус, М. Андешаҳо роҷеъ ба вежагиҳои сабки Лоиқ Шералӣ / М. Мирзоюнус / Адабиёти миллӣ ва муколамаи фарҳангҳо. –Хучанд: Ношир, 2016. – 516с.
80. Мирзоюнус, М. Сабкшиносии насри муосир / М. Мирзоюнус.– Хучанд:Нури маърифат, 2018. – 420с.
81. Мирсаидов, Б. Назарияи адабиёт / Б. Мирсаидов. Комплекси таълимию методӣ. –Хучанд:Нури маърифат 2012.–144с.
82. Муллоаҳмад, М. Мирзо Турсунзода-вассофи шарқ / М. Муллоаҳмад.– Душанбе:Дониш, 202.–39с.
83. Мурувватиён, Дж. Поэтика переводов Сотима Улугзода / Дж.Мурувватиён.– Душанбе:Эр-граф, 2020. – 272с.
84. Мусулмониён, Раҳим. Назарияи адабиёт. / Р. Мусулмониён. –Душанбе: Маориф, 1990. –334с.
85. Назар, Н. Чанд сухан дар бораи шоир. / Н.Назар. / Қаббонӣ Низор. Овози дард. –Душанбе: Сурушан, 2000. – 104с.
86. Назар, Н. Муқаддима / Н.Назар.// Ас-Сабоҳ Суод. Хаймаи қудсии сухан. Тарҷумаи Гулназар ва Н.Назар. –Душанбе:Сурушан, 1999. –73с.
87. Насриддин, А. Матншиносии осори адабӣ / А.Насриддин.– Хучанд: Ношир. –2011. –392с.
88. Насриддинов, А. Аз муҳаррири масъул / А.Насриддин / Қиссаҳои “Қуръон” дар “Тарҷумаи Тафсири Табарӣ” (таҳқиқи муқоисавӣ – таърихӣ) – Хучанд:Нури маърифат, 2004. – 400с.
89. Насриддинов, Ф. “Кашфу-л-асрор” Абулфазла Майбуди и его литературное значение: автореф. дис.... канд.фил.наук: 10.01.03. –Худжанд: Нури маърифат, 2004.–23с.
90. Насриддинов, Ф. “Кашфу-л-асрор”–и Абулфазли Майбудӣ ва аҳамияти адабии он / Ф. Насриддинов – Хучанд: Ношир, 2009. –184с.

91. Насриддинов, Ф. Арзишҳои адаби дар тарҷума ва тафосири кухани форсӣ-тоҷикӣ / Ф. Насриддинов. –Хучанд:Ношир, 2012. – 576с.
92. Насриддинов, Ф. Персидско-таджикские переводы Корана и комментарии к нему в X-XII вв. и их литературное значение: автореф. дис. ...д-ра фил. наук: 10.01.03. – Душанбе: Ношир, 2012. –50с.
93. Ниёзӣ, Ё. Назари муҳаққиқони муосири араб ба фалсафаи Ибни Сино / Ё. Ниёзӣ .– Душанбе:Ирфон, 2008.–318с.
94. Оизи Қаранӣ. Лабханд бизан (аз арабӣ ба тоҷикӣ тарҷумаи Нуъмонҷон Неъматов) / Оизи Қаранӣ // Камоли Хучандӣ, № 4(4) 2015. –С. 100-103.
95. Попович, А. Проблемы художественного перевода / А.Попович. – Москва: Высшая школа, 1980. –199с.
96. Разоков, Ш.А. Проблемы и перспективы развития Персидского залива в годы Независимости / , Ш.А. Разоков.–Душанбе:Дакики, 2015. –288 с
97. Раҳмон, Э. Рӯзгор ва осори Ҳаким Тирмизӣ /Эмомали Раҳмон / Ҳаким Тирмизӣ. Хатму-л-авлиё. – Душанбе: Дониш, 2016.–306с.
98. Раҳмонзода, А. Дар сиришти дардмандам шеъри ман чун шеъри Лоик нотаом аст / А. Раҳмонзода // Гулистони дониш.– 2022.– №5 (50).–С.2.
99. Раҳмонов, Э. Тоҷикон дар оинаи таърих: Аз Ориён то Сомониён. Китоби яқум / Эмомали Раҳмон –Лондон: Ландан энд флинт ривер эдишн Грит Бритайн, 1999. –240с.
100. Раҳмонов, Э. Тоҷикон дар оинаи таърих: Аз Ориён то Сомониён. Китоби дуюм / Эмомали Раҳмон.муҳаррир:Фаттоев С. –Душанбе:Ирфон, 2002. –256с.
101. Раҳмонов, Э. Тоҷикон дар оинаи таърих: Аз Ориён то Сомониён. Китоби сеюм. / Эмомали Раҳмон:муҳаррир: Фаттоев С. –Душанбе:Ирфон, 2006. –504с.
102. Раҳмонов, Э. Тоҷикон дар оинаи таърих: Аз Ориён то Сомониён. Китоби чорум / Эмомали Раҳмон – Душанбе:Ирфон, 2009. –704с.
103. Раҷабова, М. Равобити фарҳангии арабу аҷам ва заминаҳои таърихӣ онҳо / М. Раҷабова // Ахбори ДДҲБСТ.–2009.–№3 (39)– С.136-142.

104. Рипка, Я. История персидской и таджикской литературы / Я. Рипка: перевод с чешского. Редактор и автор предисловия И.С.Брагинский. – Москва: Издательство Прогресс, 1970. – 440с.
105. Рифъат Абдуллоҳ Сулаймон Ҳусейн. Нигоҳе бар ашъори Камоли Хучандӣ // Маводи Конференсияи байналмиллалии Камоли Хучандӣ: Ташаккули адабиётшиносӣ ва равобити адабӣ”. (Хучанд, 28-29 октябри соли 2016).–Хучанд: Ношир, 2016. –600с.
106. Рифъат Абдуллоҳ Сулаймон Ҳусейн. Сафар ба сарзамини шеър. / Тарҷумаи тоҷикии Умеда Ғафорова / Оинаи пажӯҳишгоҳ.–Вежаномаи Камоли Хучандӣ: Фаслномаи илмӣ-адабӣ.–2020.–№3(3).–Хучанд:Нури маърифат, 2020. – 260с.
107. Салимӣ, Н., Нурзод, Н. Заминаи замони некроҳи ту бод / Н. Салимӣ, Н. Нурзод. / Равобити адабӣ ва фарҳанги Шарқ. – Хучанд:Ношир, 2014. – 616с.
108. Салимов, Н., Шарифзода А. Тоҷики оламшумул / Н. Салимов, А.Шарифзода: тарҷумаи русии Комиламо Камолова.–Душанбе:Ирфон,2011. – 372с.
109. Сатторзода, А. Аз Рӯдакӣ то Лоиқ / А. Сатторзода.–Душанбе:Адиб, 2013. –176с.
110. Сатторзода, А. Мероси дили шоири озода ва дилдода / А. Сатторзода / Аз Рӯдакӣ то Лоиқ. – Душанбе: Адиб, 2013. –176с.
111. Сафо, З Таърихи адабиёти Эрон / З.Сафо: таҳия, муқаддима ва тавзеҳоти Х.Шарифов, А.Абдусаттор.– Душанбе, 2001.–160с.
112. Сирус, Б. Қофия дар назми тоҷик / Б.Сирус. – Сталинобод:Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1955. – 183с.
113. Сулаймонӣ, С. Сарсухан. / С.Сулаймони / Ақвоми шарқ дар осори Садриддин Айнӣ. –Душанбе: Дониш, 2018. –110с.
114. Сулаймонӣ, С. Фарҳанги арабӣ-тоҷикӣ. Чопи дуюми ислоҳшуда ва иловашуда / С.Сулаймони –Душанбе:Эр-граф, 2016. – 1564с.

115. Сулаймонов, С. Чихил мақола / С.Сулаймонов:маҷмӯаи мақолаҳои доктори илми филология, профессор С. Сулаймонов – Душанбе:Принт, 2017. –685с.
116. Сулаймонов, С. Нигоҳе ба тарҷумаи “Марги судхӯр”-и устод Садриддин Айнӣ дар адабиётшиносии араб/ С.Сулаймонов / Чихил мақола. – Душанбе: Душанбе: Принт, 2017. –685с.
117. Сулаймонов, С. Тарҷума ва таҳқиқи “Марги судхӯр” ба забони арабӣ / С.Сулаймонов / Чихил мақола. – Душанбе:Принт, 2017. –685с.
118. Суламӣ, А. Одоби ҳамнишинӣ бо устодон ва ҳифзи ҳурмати онон. (аз арабӣ ба тоҷикӣ тарҷумаи Ф. Насриддинов)/А.Суламӣ // Фаслномаи илмӣ-адабии Камоли Хучандӣ.– 2015.– №4(4) – С.93-99.
119. Тирмизӣ. Наводиру-л-усул фӣ маърифати аҳодису-р-русул / Тирмизӣ :тарҷума аз забони арабӣ: У.Ғафорова, Қ.Дадобоев, Ҳ.Ҳомидиён, А.Ғафуров, Ҷ.Қаноатов.–Душанбе, 2016.–228с.
120. Тирмизӣ. Хатму-л-авлиё/ Тирмизӣ: тарҷума аз забони арабӣ ва тавзеҳоти У. Ғафорова, Қ.Дадобоев, А.Ғафуров.–Душанбе: Дониш, 2016.– 306с.
121. Хоҷаева, И. Нома ба устод Аскар Ҳаким / И. Хоҷаева / Дарёи сӯзон. – Душанбе:Адиб, 2014. – 240с.
122. Ҳамавӣ, Ё. Муҷаму-л-удабо / Ё. Ҳамавӣ:аз арабӣ тарҷумаи А.Ғафуров // Фаслномаи илмӣ-адабии Камоли Хучандӣ.– 2019.–№2 (18)– С.105-111.
123. Ҳамробоев, Н. Наҳзати тарҷума дар адабиёти форсу тоҷик (асрҳои VIII-X) / Н. Ҳамробоев, – Хучанд: Меъроҷ, 2016. – 304 с.
124. Ҳамробоев, Н. Марҳалаҳои ташаккул ва таҳаввули ҳаракати тарҷума дар асрҳои VIII-XIV / Н. Ҳамробоев .– Хучанд: Нури маърифат, 2019.– 464с.
125. Ҳамробоев, Н. Узви вобастаи АИҶТ, профессор Низомиддин Зоҳидӣ (мухтасари рӯзгор ва феҳристи осор) / Н. Ҳамробоев .– Хучанд:Меъроҷ, 2017. – 72 с.
126. Ҳамроҳ, Р. Падидаҳои ҳунарий дар шеъри Гулназар / Р. Ҳамроҳ – Душанбе:Ирфон, 2018. – 192с.

127. Қоҳиз, Абуусмон Амру ибни Баҳр. Меҳри меҳан. Аз арабӣ тарҷумаи Қобил Дадобоев/ Абуусмон Амру ибни Баҳр Қоҳиз // Фаслномаи илмӣ-адабии Камоли Хучандӣ.– 2015.– №3(3).– С.105-120.
128. Шамисо, С. Куллиёти сабқиносоӣ / С. Шамисо.– Душанбе: ДДОТ, 2017, – 259с.
129. Шукуров, М. Мактаби одамият: Баъзе масъалаҳои адабиёт ва маънавият / М. Шукуров. Мухаррир: Ю. Аҳмадзода. –Душанбе:Адиб, 1991. – 272с.
130. Юсуфов У. Ибн Рашик ал-Кайравани и его "ал-`Умда фи маҳасин аш-ши`р ва адабиҳ ва накдих: автореф. дисс...канд.фил.наук: 10.01.03. – Душанбе, 2010. – 27с.
131. Юсуфӣ, У. Таъсири мутақобилаи илми бадеъи арабу ачам дар асрҳои IX-XV/ У. Юсуфӣ .–Душанбе: Дониш, 2021. –558с.

II. ИНОСТРАННАЯ НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

132. ابن الرسول، سيد محمد رضا. تأثير فرهنگ عربى در غزل فارسى. / فصلنامه لسان مبین (پژوهش ادب عربى)،(علمى- پژوهشى)، سال دوم، دوره جديد، شماره يك، ديماء ۱۳۸۹.
133. آرنوش آرتاش. چالش بين عربى و فارسى. - تهران: نشر نى، ۱۳۸۵-۲۴۷ص.
134. العاكوب، عيسى. تاثير پند فارسى بر ادب عرب. ترجمه عبدالله شريف خجسته، انتشارات علمى و فرهنگى. تهران، ۱۳۷۴. - ۳۳۶ص.
135. حمدي عبد الراضي علي. الايقاع و البنية النصية في شعر عسكر حكيم "سنگ من الماس". - القاهرة: "مدرسة اللغة والأدب الطاجيكي -كلية الاداب قنا"، - ۵۰ص.
136. رحمان، امام على. الطاجيك في مرآة التاريخ. من الآريين الي السامانيين. ترجمة عن الطاجيية: د. مكارم الغمرى، مراجعة و مطابقة بالاصل: نذر الله نزار. المجلد الاول - القاهرة: "دار الفكر العربي"، ۱۴۳۲هـ/ ۲۰۱۱م. - ۲۸۶ص.
137. رحمان، امام على. الطاجيك في مرآة التاريخ. من الآريين الي السامانيين. ترجمة عن الطاجيية: د. عبد الوهاب علوب، مراجعة و مطابقة بالاصل: نذر الله نزار. المجلد الثاني. - القاهرة: "دار الفكر العربي"، ۱۴۳۲هـ/ ۲۰۱۱م. - ۲۵۲ص.

138. رحمان، امام علی. الطاجیک في مرآة التاريخ. من الآريين الي السامانيين. ترجمة عن الطاجيية: د. عبد الوهاب علوب، مراجعة و مطابقة بالاصل: نذر الله نزار. المجلد الثالث. - القاهرة: "دار الفكر العربي"، ۱۴۳۲/۵/۲۰۱۱ م. - ۲۳۷ ص.
139. رحمان، امام علی. الطاجیک في مرآة التاريخ. من الآريين الي السامانيين. ترجمة عن الطاجيية: د. اكرم كريموف، مراجعة و مطابقة بالاصل: نذر الله نزار. المجلد الرابع. - القاهرة: "دار الفكر العربي"، ۳، ۲۰۱۱ م.
140. رحمان، امام علی. نظرة الي تراث الإمام الأعظم ابي حنيفة النعمان. مراجعة و مطابقة بالاصل: نذر الله نزار. رياض: "دار طيبة"، ۲۰۰۹ م. - ۹۰ ص.
141. رفعت عبدالله سليمان حسين. زيارة إلي مدينة الشعر/ الاحرام المصرية. (۵. ۱۲. ۲۰۱۶).
142. زيدان جرحي. تاريخ تمدن اسلام. ترجمة على جواهر كلام. - تهران: انتشارات امير كبير، ۱۳۷۲/۱۹۵۳-۱۱۰۸ ص.
143. زرین کوب، عبد الحسين. دو قرن سکوت. - تهران: جاودان، ۱۳۵۵/۱۹۳۷. - ۴۲۰ ص.
144. زرین کوب. عبد الحسين. از گذشته ادبی ایران. چاپ اول. - تهران: انتشارات بين المللی «الهدا»، ۱۳۷۵ ه. ش. - ۵۸۸ ص.
145. سلمی ناصر، شريفزاده عبد الفتاح. طاجيکی مشهور. ترجمة إلى العربية اكرام شاه سطاروف، زياوالدين كريموف، زبيد الله قربانوف، دلير بلاتوف. - دوشانبه، ۲۰۱۱.
146. شايي، علي. الادب الفارسي في عصر الغزنوي. - تونس: دار النشر، ۱۹۶۵. - ۳۹۰ ص.
147. شفق، رضازاده. تاريخ ادبيات ایران. تهران، آرمان، ۱۳۶۹. - ۴۲۳ ص.
148. صفا ذبيح الله. تاريخ ادبيات در ایران. از ميانه قرن پنجم تا آغاز قرن هفتم هجري. ج ۲. - تهران: چاپخانه رامین، ۱۳۷۸ ه. - ۱۱۲۸ ص.
149. عادل محمدرضا. فرهنگ اياتهای عربی در شعر فارسی. (تا جامی). در دو جلد. چاپ اول. - تهران: انتشارات اميرکبير، ۱۳۷۵ ه. ش. - ۲۰۳۰ ص.
150. عبد المنعیم محمد نور الدين. تأثیر زبان و ادبيات عرب در اشعار منوچهری // مجلة «آريانا»، کابل، دورة بيست و چهارم، ۱۳۴۵ ه. ش، شماره ۲۵.
151. عفاف. ابو نواس و فرخی/ عفاف / مجله ادب. - تهران: - ۱۳۴۹ ه. مجلة، شماره ۶-۵.
152. فروزانفر بديع الزمان. احاديث مثنوي. - تهران، ۱۳۴۴ ه.
153. فقيهي حسين. برسی نفوذ ابيات و عبارات عربی در متون ادب فارسی/ مجلة علمی - پژوهشی علوم انسانی. سال پنجم، شماره ۱۵-۱۶، ص. ۲-۱۷.
154. محفوظ حسين علي. منتبي و سعدي. مأخذ مضامين سعدي در ادب عربي. - تهران، ۱۳۳۶ ه. ش. - ۱۹۵۷ م. - ۳۳۲ ص.
155. محمدي، محمد. فرهنگ ایران و تأثیر آن در تمدن اسلام و عرب. - تهران، ۱۳۲۲ ه. ش.

156. مؤمنی امیر هزاوه. روابط ایران و عرب و تأثیر آن در ادبیات فارسی و عربی. / فصلنامه ادبیات فارسی. سال اول، شماره ۱.
157. مهدی، محقق. تحلیل اشعار ناصر خسرو. آیات قرآنی و احادیث، لغات، امثال/ محقق مهدی. - تهران: انتشارات دانش گاه تهران، ۱۳۷۵هـ. - ۳۲۶ ص.
158. ناصر سید محمود الحجی. کمال خوجندی و شعره. - مصر: جامعة جنوب الوادی، ۱۹۹۸.
159. یاحقی، دکتر محمد جعفر. شهباز محسنی. واژه‌های فارسی در لسان العرب و بررسی و ویژگیهای زبانشناختی، و تاریخی آن. / مجله دانشگاه ادبیات و علوم انسانی مشهد (علمی- پژوهشی)، شماره ۱۵۹ - زمستان ۱۳۸۴.

На английском языке

160. Browne, G. E. A literary history of Persia. Vol.1. From the Earliest times until Firdavsi. / G. Edward Browne. – Cambridge: University press, 1977.– 521p.
161. Nicholson, R.A. A literary history of the Arabs. / R. A Nicholson - Cambridge: Cambridge university press, 1966. –505p.
162. Rahimi Farhod, Ghafforova Umeda. Tirmidhi and his role in the development of hadith (Prophet's (pbuh)sayings) science / the name of book. - Dushanbe: "Donish", 2016.– 228p, p 11-16.
163. Rahmon Emomali. Tajiks in Mirror of History. – Dushanbe: Sharqi ozod, 1996.–80p.
164. Rahmon Emomali. Tajiks in the Mirror of History: From Aryans to Samanids. – Dushanbe, 2004. – Book II.– 152p.
165. Rahmon Emomali. The life and works of Hakim Tirmidhi. / Khatmu-l-avliyo. Translation and explanation of Umeda Ghafforova, Qobiljon Dadoboev, Abdushukur Ghafurov. -Dushanbe: "Donish", 2016.–306p, p 30-48.
166. Refaat Hussein. A new look at the study of the history and civilization of the tajik people. Materials of the international symposium (Part 1). -Dushanbe: "Donish", 2021.–727p, p. 21-33.

167. Salimov Nosirjon, Sharifzoda Abdufattoh. Duniyo Tan olgan tojik. – Dushanbe, 2018.–385s.

168. Salimov Nosirjon, Sharifzoda Abdufattoh. World-known tajik. – Dushanbe: Irfon. –2011.–372p. –Text in English and Arabic languages.

III. ИСТОЧНИКИ

169. Абу Али Ибн Сина (Авиценна). Книга о растениях. Книга о животных / Абу Али Ибн Сина. Вводная статья, комментарии и перевод с арабского С. Сулаймонова. – Душанбе: Дониш, 2021.–701с.

170. Абӯалӣ ибни Сино. Гиёҳнома ва ҷонварнома / Абу Али Ибн Сино. Мақолаи муқаддимаӣ, шарҳу тафсир ва аз арабӣ тарҷумаи Саидрахмон Сулаймонӣ. –Душанбе: Дониш, 2021. – 701с.

171. Абӯалӣ ибни Сино. Қонуни тиб. Иборат аз 5 китоб) / Абу Али Ибн Сино. Дар тарҷима, пешгуфтор, таълиқот, ҳавошӣ ва фаҳориси Сайиднуриддин Шаҳобуддинов. – Душанбе: Муассисаи давлатии Сарредаксияи илмӣи Энциклопедияи миллии Тоҷик, 2021.– 1536с.

172. Абӯалӣ ибни Сино. Осор. Ҷ.2. / Абу Али Ибн Сино .Тарҷума аз арабӣ, таҳия, муқаддима ва тавзеҳоти Саидрахмон Сулаймонов. – Душанбе: Дониш, 2005. – 802с.

173. Абӯалӣ ибни Сино. Тафсири Қуръон / Абу Али Ибн Сино Пешгуфтор, тавзеҳот ва аз арабӣ тарҷумаи Саидрахмон Сулаймонов. – Душанбе: Ирфон, 1994.–36с.

174. Айнӣ, С. Ёддоштҳо. (қисми 1) / С. Айнӣ. Мухаррир:С.Улуғзода. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1949.– 252с.

175. Аини, С. Коротко о моей жизни / С. Аини Перевод М. Занда. - Сталинабад: Таджик Госиздат, 1958.– 126 стр.

176. Ал-Бухорӣ Абӯабдуллоҳ Муҳаммад. Мухтасари “Саҳеҳи Бухорӣ” / Ал-Бухорӣ Абӯабдуллоҳ Муҳаммад . Таълифи: Имом Зайнуддин Аҳмад Зубайдӣ.

Баргардонанда ба хати кириллӣ Абдулҳалим Орифӣ. – Душанбе: Эр-граф, 2011.– 668с.

177. Ал-Бухорӣ Абӯабдуллоҳ Муҳаммад. Саҳеҳи Бухорӣ. Ҷ.1. / Ал-Бухорӣ Абӯабдуллоҳ Муҳаммад. Саҳеҳи Бухорӣ. Аз арабӣ ба тоҷикӣ тарҷумаи М. Умаров, Ф. Бобоев.– Душанбе: Эр-граф, 2004.–560с;

178. Ал-Бухорӣ Абӯабдуллоҳ Муҳаммад. Саҳеҳи Бухорӣ . Ҷ.2. / Ал-Бухорӣ Абӯабдуллоҳ Муҳаммад. Саҳеҳи Бухорӣ. Аз арабӣ ба тоҷикӣ тарҷумаи М. Умаров, Ф. Бобоев.– Душанбе: Эр-граф, 2005.–580с.

179. Ал-Бухорӣ Абӯабдуллоҳ Муҳаммад. Саҳеҳи Бухорӣ. Ҷ.3. / Ал-Бухорӣ Абӯабдуллоҳ Муҳаммад. Аз арабӣ ба тоҷикӣ тарҷумаи М. Умаров, Ф. Бобоев.– Душанбе: Эр-граф, 2008.– 520с;

180. Ал-Бухорӣ Абӯабдуллоҳ Муҳаммад. Саҳеҳи Бухорӣ . Ҷ.4. / Ал-Бухорӣ Абӯабдуллоҳ Муҳаммад. Аз арабӣ ба тоҷикӣ тарҷумаи М. Умаров, Ф. Бобоев.– Душанбе: Эр-граф, 2012.– 596с.

181. Ал-Мақолеҳ Абдулазиз. Ҷоми ашк. / Ал-Мақолеҳ Абдулазиз . Аз арабӣ ба тоҷикӣ тарҷумаи Гулназар К.ва Назар Н. – Душанбе: Адиб,1990.– 60с.

182. Ас-Сабоҳ Суод. Хаймаи қудсии сухан. Аз арабӣ ба тоҷикӣ тарҷумаи Гулназар К.ва Назар Н. / Суод Ас-Сабоҳ. –Душанбе: Сурушан, 1999.–73с.

183. Ас-Сабоҳ Суод. Хаймаи қудсии сухан / Суод Ас-Сабоҳ. Аз арабӣ тарҷумаи Гулназар К.ва Назар Н. – Москва: Трансдорнаука, 1999.–62с.

184. Аҷамӣ, М. Садои сангҳо/ М. Аҷамӣ // Саломат бошед.– 2022.–№6 (474) – 11апрел, С.6.

185. Земля добра и света. / Арабские поэты о Ленине, Октябре и Стране Советов. Ответственный редактор: В.П. Демидчик. Составители и авторы предисловия. Н. Каххарова, Т. Мардонов. – Душанбе:Дониш, 1980 – 191с.

186. Иқромӣ, Ҷ. Духтари оташ / Ҷ. Иқромӣ Мухаррир:Зиё Абдулло – Душанбе:Адиб, 2014. – 560с.

187. Имом Абӯҳанифа Нӯъмон ибни Собит. Олим ва мутаалим / Имом Абӯҳанифа Нӯъмон ибни Собит. Тарҷума ва хошияи Фахриддин Насриддинов. –Хучанд: Мукова, 2009с.–80с.

188. Келдӣ, Г.. Дар чодари сафеди маҳтобӣ (гулчини ашъор). Ҷ. 1. / Г. Келдӣ – Душанбе:Адиб, 2015. –320с.
189. Келдӣ, Г. Дар чодари сафеди маҳтобӣ (гулчини ашъор).Ҷ.2. / Г. Келдӣ – Душанбе: Адиб, 2015. –320с.
190. Келдӣ, Г. Нома ба шоири Фаластинӣ / Г. Келдӣ. Шеър // Тоҷикистони советӣ. – 1982. – 8 сентябр.
191. Келдӣ, Г. Туву хувиву раъной / Г. Келдӣ –Душанбе:Адиб, 2010. –408с.
192. Қаббонӣ, Н. Овози дард / Н. Қаббонӣ:тарҷума аз тоҷикӣ ба арабии Назрулло Назар, Гулназар Келдӣ, Қутбӣ Киром. –Душанбе:Сурушан, 2000.–104с.
193. Қазвинӣ, З. Осору-л-билод ва ахбору-л-ибод / З. Қазвинӣ. Тарҷума ва тавзеҳи Абдушукур Ғафуров. – Хучанд: Хуросон, 2018.–684с.
194. Қосим, Н. Фаластин. / Н. Қосим // Саломат бошед.– 2022.–№6 (474).–С.6.
195. Қуръони карим. (асл ва матни тарҷумаи тоҷикӣ). Аз арабӣ ба тоҷикӣ тарҷумаи Муҳаммадҷон Умаров. – Душанбе, Ирфон, 2007. – 616с.
196. Қуръони карим. (асл ва матни тарҷумаи тоҷикӣ). Аз арабӣ ба тоҷикӣ тарҷумаи Муҳаммадҷон Умаров. – Душанбе, Эр-граф, 2011. – 640с.
197. Миршакар, М. Табассуми ғунчаҳо / М. Миршакар. Тарҷумаи аз тоҷикӣ ба арабии Н.Назар. –Душанбе:Шарқи озод, 1998 –30с.
198. Мусофиров, К. Гулчин аз дурдонаҳои фолклори араб / К. Мусофиров – Душанбе:Шаҳпар, 2013. –151с.
199. Озарахш. Девони ишқ / Озарахш –Хучанд: Ношир, 2016. – 516с.
200. Озарахш. Айлон. / Озарахш // Гулистони дониш.– 2022.–№3(48).–С.7.
201. Рубоиёт / Баргузидаи рубоиёти Л.Шералӣ, Г.Сафиева, Г.Келдӣ ва А.Ҳаким, тарҷума аз тоҷикӣ ба арабӣ Н. Назар – Душанбе: Ирфон, 1992. – 125 с.
202. Сафар, У. Бозгашти падар (бо забонҳои тоҷикӣ ва корейгӣ) / У. Сафар Душанбе:ЭР-граф, 2020.–228с.

203. Сафар, У. Лабиринты женской души (повесть). Аз тоҷикӣ ба русӣ тарҷумаи А. Аминов. / У. Сафар.–Душанбе:Эр-граф, 2014.–112с.
204. Сафиева, Г. Рӯҳи Бохтар: шеърҳо ва дostonҳо / Г. Сафиева – Душанбе: Адиб, 1987. – 400с.
205. Турсун-заде Мирзо. Голос Азии. / М.Турсун-заде. – Москва: Молодая гвардия, 1957–53с.
206. Турсун-заде, М.. Дорогая моя. Стихи и поэмы / М.Турсун-заде. – Душанбе: Адиб, 1991. –240с.
207. Турсунзода, М.Садои Осиё / М.Турсунзода.– Сталинобод:Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1957. –63с.
208. Турсунзода, М. Ҳамеша бо Ватан будам / М.Турсунзода. Мурағтибон: Назруллоҳи Муҳаммадюсуф ва Лутфуллоҳ Шарифзода. – Душанбе: Дониш, 2021. –332с.
209. Турсунзода, М.Ҷони ширин / М.Турсунзода. – Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1963–60с.
210. Турсунзода, М. Шеър ва дostonҳо / М.Турсунзода.– Душанбе:Адиб, 1991. – 320с.
211. Улуғзода, С.Мунтахабот. Иборат аз 4 ҷилд. Ҷ. 3. / С. Улуғзода – Душанбе:Ирфон, 1975. – 423с.
212. Хайём, Умар. Рубоиёт. / Умар Хайём: тарҷума аз форсӣ ба арабӣ Маҳдӣ Ҷосим. Мутарҷими муқаддимаи арабӣ, таҳқиқ ва таҳияи С. Сулаймонӣ. – Душанбе:Китоб, 2000. – 138с.
213. Хоҷаева, И. Ояти ишқ / И. Хоҷаева– Душанбе: Адиб, 1994 – 175с.
214. Ҳабдаҳ чаман: тарҷумаи 17 ғазали Камоли Хучандӣ ва 17 гуфтор дар бораи ӯ бо 8 забон / мурағтибон: Б.Раҳматов, Ф.Қодирова.–Хучанд: Хуросон, 2020. –282с.
215. Ҷуброн Халил Ҷуброн. Девпайкарон:аз арабӣ тарҷумаи Назруллоҳи Назар / Ҷуброн Халил Ҷуброн // Адабиёт ва санъа.–2021.–№23 (2098).– С.15.
216. Ҷуброн Халил Ҷуброн. Пайғамбар:аз арабӣ тарҷумаи Саидрахмон Сулаймонов / Ҷуброн Халил Ҷуброн .– Душанбе: Ориёно, 1992.– 48с.

217. Чуброн Халил Чуброн. Рӯъё: аз арабӣ тарҷумаи Назруллоҳи Назар / Чуброн Халил Чуброн // Адабиёт ва санъат.- 2021.-№23 (2098).-С.15.

IV. ИСТОЧНИКИ НА ИНОСРАННЫХ ЯЗЫКАХ

218. ابن المقفع، عبدالله. الادب الصغير، الادب الكبير، رسالة الصحابه. بيروت، مكتبة دار البيان، مؤسسه الزين (د.ت)- ۲۲۴ص.
219. ابن عبد ربه. كتاب العقد الفريد. ج. ۱-۴. القاهرة دار الفكر العربى، ۱۹۶۷.
220. ابو عبدالله محمد ابن الحسين الترمذي. ختم الأولياء. تحقيق عثمان اسماعيل يحيى. - بيروت: "الكاثوليكية"، ۱۹۶۵م. - ۴۴۶ ص.
221. احد عشر كوكبا. مختارات من الشعر التاجيكي الحديث. ترجمها إلى العربية نذر الله نزار. - دوشانبيه: "شرق ازاد"، ۱۹۹۶- ۸۰ ص.
222. اكتور العبد العزيز المقالح. الخروج من دواعر اساعة اسليمانية-بيروت: "دار العودة"، ۱۹۸۱- ۱۲۲ص.
223. اكتور العبد العزيز المقالح. اوراق جسد اغاند من الموت. - بيروت: "دار الاداب"، ۱۹۸۶- ۹۶ص.
224. الدكتور خليل عبد العزيز. محطات من حياتي. سجون... اغتراب... نضال... - العراق - بغداد: "دار السطور" للنشر والتوزيع، ۲۰۱۸- ۳۲۴ص.
225. الاصباهانى، ابوالفرج. كتاب الأغاني. ج ۱-۲، مصور عن طبع دار الكتب المؤسسه المصرية العامة. للتأليف و الترجمة و الطباعة و النشر، القاهرة (د.ت).
226. الامام ابي عبد الله محمد بن اسماعيل البخاري. صحيح البخاري. - دمشق -بيروت: دار ابن كثير، ۱۴۲۳هـ- ۲۰۰۲م. - ۱۹۴۴ص.
227. النديم، محمد ابن اسحق. كتاب الفهرست. بتسحيح رضا تجدد. تهران، ۱۳۹۳\۱۹۷۳. - ۸۵۱ ص.
228. جبران خليل جبران. انبي. - القاهرة: "هنداوي"، ۲۰۱۷م، - ۸۷ ص.
229. جلال اكرامى. ابنة النار، ترجمة الي العربية: يوسف عبود. - طاشقند: "دار التقديم"، ۱۹۸۰- ۵۷۶ص.
230. دورو نجات. مخيلة المصاد. - الكويت: المجالس الوطني للثقافة والفنون والآداب، ۲۰۱۹- ۷۶ ص.
231. زكرياء بن محمد القزويني. اثار البلاد و اخبار العباد. بقلم و توضيح محمد ابن مسعود، ۱۳۲۹. - ۳۶۵ص.
232. ساطم اولوغزاده، مهمان بختي، جمعة قددوس. ثلاث مسرحيات من طاجيكستان. / ترجمة و تقديم: د
233. سعالبى النسابرى. يتيمة الدهر فى محاسن اهل العصر. ج. ۱-۴. دار الكتب العلمية. (د.ت).

234. صدر الدين عيني. صفحات عن حياتي. ترجمه غائب طعمة فرمان. - موسكو: "دار التقديم"، ١٩٦٤-٢٠٧ص.
235. صدر الدين عيني. موت المرابي. ترجمه محمد علاء الدين منصور و عبد الحفيظ يعقوب حجاب.- ستالين اباد: "نشریات دولتي طاجيكستان"، ١٩٥٦، م ٢٠٠٣-٢٧٤ص.
236. عاض القرني. ابتسم. - ارياض: "مكتبة العبيكان، ٢٠٠٥م.-٢٧٠ص.
237. عمر صفر. شهنازه (عودة الاب). - دوشانبه: مطبعة "دقيقي"، ٢٠١٤-١٤٢ص.
238. مرتضى، غسان. نذر الله نزار. - دمشق: مطبعة "اتحاد الكتاب العرب"-٢٠٠٢-٣٥٠ص
239. ميرسيد ميرشكر. بسمه البراعم. - دوشانبه: "شرق ازاد"، ١٩٩٨-٣٢ص
240. معين بسيسو. الاتحاد السوفيتي لي. - ماسكو: دار للتقدم-١٩٨٣، ١٦٨ص
241. نذر الله نزار. اوراق متفرقة. - قاهرة: "شمس للنشر و الاعلام"، ٢٠١٧م-٢٣٥ص
242. وردة في الخد و أخرى.. في النظر. قصائد شاعر جولنظر و شاعرة جولرخسار من طاجيكستان/ ترجمة: نذراالله نزار- الكويت، ٢٠٠٦-٨٢ص.
243. ياقوت الحموي. معجم الادباء. في عشرين جزء. الطبعة الثالثة. بيروت، دار الفكر للطباعة والنشر والتوزيع، ١٤٠٠هـ-١٩٨٠م.
244. ياقوت الحموي. معجم البلدان. ج. ١-٥. دار صادر للطباعة و النشر، بيروت، ١٣٧٦هـ-١٩٥٧م.

V.САЙТЫ

245. www.albayan.ae
246. www.alnoor.se
247. www.anrt.tj
248. www.osiyoavrupo.tj